

Анатолий Санжаровский
Колокола весны
Роман

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Анатолий Никифорович Санжаровский

Колокола весны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68974203

SelfPub; 2023

Аннотация

Роман «Колокола весны, или Герой из книги рекордов Гиннеса» посвящён горькой судьбе талантливого деревенского парня. Этот роман «Литературная газета» от 26 июля 2017 года назвала «гимном русскому характеру».

Содержание

1	4
2	22
3	33
4	40
5	45
6	50
7	53
8	57
9	66
10	81
11	90
12	94
13	111
14	124
15	134
16	145
17	195
18	240
19	247
20	256
Послесловие	267

Анатолий Санжаровский

Колокола весны

Анатолий Санжаровский

*Человек, помоги себе сам.
Людвиг ван Бетховен*

1

*Если человек часто выходит из себя – значит, с
собой ему плохо.
В.Сумин*

В окно веранды постучали. Тихо. Несмело.

Будто поскреблись.

Сквозь дрему Гордей слышал это. Но значения не придал. Посчитал, что это ветер каштановым листом в ласке потёрся о стекло.

Минуты через три поскреблись ещё. Ясней.

Что за чёрт! И мухи, и люди как сговорились. Заснуть не дадут!

Гордей смахнул с себя газету – от мух он всегда прикрывал лицо газетой, – схватился с дивана. Резко откинул занавеску.

За окном мялся Валерка.

Увидев угрюмого, как скала, Гордея, Валерка торопливо-потерянно поманил его пальцем выйти во двор.

По обычаю, Валерка никогда не заходил в дом. Не решался. Всё конфузился. И когда таки объявлялся с чем важным, непременно вызывал Гордея на лавку под окно.

Зверовато хмурясь, Гордей вышел.

– Ну, недоскрёб твою мать! – мрачно плеснул он. – Ты чего, ненаглядная душа без ветрил, прискакал? Соскучился, что ли? Заснуть не дал!

– Наше вашим с огурцом и с кисточкой! Кончай, Годя, сонтренаж. Садись, сплюшка, вечный чемпион по спанью. Будут маленькие Фили под твоим каштаном у порога. Расчехлись, думак, на совет. Ты у нас все мудрости пробёг. Всё знаешь. Во всяких переплётах житуха тебя тёрла... Твёрдый, «ломом подпоясанный»... Всякие обстоятельства ломаешь через коленку. Послушай горькую песнь старого акына. Давай пошепчемся.

– Ну, раз вкрай зудится, шепчи, Блиныч, шепчи, – уступчиво хмыкнул Гордей, явно довольный тем, что вот именно к нему прибежали на совет.

Сел на лавку, кивнул рукой и Валерке. Садись!

– Запевай свои туторки-мотуторки.

– Слушай! – захлёб зашептал Валерка, приваливаясь плечом к плечу Гордея. – Кимоно-то херовато! Откололась

мне беда! Амбаш... Не знаю, куда и бечь листовки клеить.¹
Ёшкин кот! Ко мне ж нагрят...

– ... ревизор! – с ленивым смешком подсказал Гордей.

– Хуже, боль ты задави! Ну прям... Увидал – ровно камень на сердце налёг. Раиска Бухтоярова! Корреспондентша из самой из Москвы! К чему бы это?

– Наверно, к хорошей погоде и к жестоким танцам с саблями в стогу. Ты на всякий случай, игрило, подмойся да прифрантись. Как следует приготовься к ответственному мероприятию... Ещё не забыл, как загнать шар в лузу? Освежи свои знания... Народный рецепт любви ещё помнишь? Берёшь семьсот грамм страсти, сто грамм любви. По вкусу добавляешь поцелуи и обнимашки. Рекомендация: готовое блюдо дегустируете вдвоём...

– Да иди ты! – отмахнулся Валерка. – Ну чего тут размуздыкивать чёрт те что?.. Тут такое...

В глазах у Гордея качнулось любопытство:

– А как эта непритрога из себя? При виде этой молодянки² господин Рейган... бр-р-р, господин Рейтинг сразу под козырёк и подымается? Или?.. Есть на что хоть один глазок возложить?

– Хо! Не только один глазок! Бога-атюющий цветочек! Расшаперилась...³ Не какая там бухенвальдская крепышка...

¹ Куда бежать листовки клеить? – что делать?

² Молодянка – молодая девушка.

³ Расшапериться – занимать слишком много места.

Щекотливое тело... Кругом затаренная любопышечка! Эта белокурая бестия полну пазуху одних титек навезла! И тут, и тут, и тут... Везде всего навалом! Всё сторчком стоит! Всё пухлое, аж, поди, репается! Ну как у немецкой лошадушки! Чего стоит один жизнерадостный балконище!⁴ Шаг шагнёт... Господи! Да откуда ж это божественное «трясение белых персей»?.. Святая песнь литавров!

– Ну-ну...

– Верись... Только увидал в первый раз – мой автопилот мигом и взлети!

– Повыше солнца? – хохотнул Гордей.

– Выше, ниже... Не приглядывался... Хотя... Стою, рога в землю... И ловлю себя на том, что не отдеру глаз от её ног. Мда-с... Как замечено не мной, «красивые женские ноги – это возможность для мужчины мечтать, не поднимая головы». И разготов уже мой агрессор задружиться с этой анакондой... Да только нужна она мне как столбу гинеколога. А... Гляну-погляну на ладушку... Жаром так всего и осыплет!

– Ты смотри, какой борзовитый этот клопик из семейства вшивых! – Гордей хлопнул Валерку по загривку. – Что ты несёшь? В огороде госпожа Бузина, а в Киеве дорогой товарищ дядька!.. Увидал столичанку и затоковал. Грех его распирает!

– Скорее, страх. Ну прямушко смерть птенцу!

– Кончай писать кипятком. От дурило! Да сколь можно

⁴ Балкон – высокая женская грудь.

повторять? Как боишься, всегда хуже! Лиха всё равно не минёшь. А только надрожись. Может, что интересно, то судьба твоя. А ты – страх! Тебя не кликнуло приаукаться к этой тетёрке? Ещё не подкатывал шары? Не предлагал ей в вечную безвозмездную аренду руку, сердце и прочие-другие родные причиндалики?

– Не по теме... Не по сезону, боцман, шелестишь. Будет тебе...

– А чего будет? Ну? Чего? Сам же, сватачок,⁵ сколько раз хвастался? Лечу на своём железном конике мимо какой дярёвни. Завидел раскормленную девахулю. Подворачиваю. Это ж, может, по мне скучает моя ж дорогая «ледя для наслажденья»! То плюс сё да и – иди, иди за меня! А тут что, смеляк? Назад пятками?

– Сравнил! То наши. Деревенские «девственницы Солнца». Что с ними, с деревянными дурцинеюшками?.. А эта... Кирпич с неба! Всего так и одела страхом. Веришь, яйца со страху в тоске замирают! Достает из дипломата нашу районку, хлоп сине крашенным коготочком в писульку про мои велопробеги:

– Это про вас написано?

– Да, – говорю.

– Растёте. Теперь вот будет и в нашем журнале очерк.

– А что такое, – валяю ваньку, – очерк? От слова *очернить*?

⁵ Сватач – жених.

– Очертить!

– Не легче. За что ж меня чертить чёртом каким?

Смеётся. Изливает бодрость. А у самой лицо грустное-грустное. Ну, застоялое:

– Очерк, – говорит она, – штука положительная. Прочитают девочки. Со всей страны письмами закидают.

– Недурственно, – щёлкнул Гордей пальцами. – Не жанили тебя районом. Так, можь, что интересно, всей державой женим на крайняк?

И замурлыкал со скуки, безразлично так вадим-забашкинское:

– Петухам говорили курочки,
Расправляя из перьев юбочки:
– Мы от вас, ей-богу, устали:
Накурили тут, натоптали!..

Валерка обречённо помолчал, потом опасливо шевельнулся:

– Ну... Иль мою звезду сшибила шальная комета? Ты знаешь, что она поёт? Не в масть мне её песенки... "Человек вы, говорит, грамотный. Напишите о себе всё сами. У меня такая метода. Я боюсь неточностей". Видал, блин горелый, у неё метода! Да нужна мне её метода, как собаке боковой карман! А ну сфилонила эта большеухая лиса? Наша разведка слегка догадывается, под что она заточена... Не слишком ли горячо повела дело? Нету ли за этой за методой чего та-

кого-этаковского?

Поднимая над головой руку с выставленным вверх указательным пальцем, Валерка неопределённо-замысловато вертит им. Будто ввинчивает во что-то невидимое.

– Мне, конечно, – продолжал он, – пасты не жалко. Пожалуйста! С картинками могу расписать свои велосипедные страсти. Только думка скребёт меня... Вон был до неё один из нашей из районки. Попросту! Минутку побазарили под лозинкой у моего недоскрёба и привет семье! А эта, вишь, с методой... Нужна мне её метода, как кенгуру авоська. Однако... Что там ни толкуй, а такие красули ко мне в гавань никогда не заплывали. Стою я у себя в розах, тихонько пою им свои серенады... Я только завидел эту тралю поверх лопухов, так и ни с места. Примолк. Как стоял у себя в розах, так и стою пнём. Краснею розою.

– Можно? – подходит она.

– А чего ж нельзя? Без заборов, без калиток живём. У нас всё можно.

Подошла она к розам, никак на них не наахается. Я сообразил – талан варит! – голыми ручищами наломал вязанку роз. Отдал. Тут она мне всякие слова благодарности. А сама лица не отнимет от роз. Так уж они ей к сердцу легли. Ахала, ахала и промежду прочим шлёт-засылает на засыпушку такой вопросец: "А чего это соседи так удивлённо на вас смотрят?"

Я и отпусти своё больное:

– А у меня соседи, как папуасы. Коровьими глазами воззирают на мои розы. Удивляются. У них всегда глаза в пучок... Мы тут все удивлённые. Вся Гусёвка удивлённая.

Они удивляются, и чего это я сажаю у своей яранги цветы, а не сажаю картошку. Удивляются, и чего это я, большой любитель варенья, компотов, фруктов, таскаю мешками это добро из магазина да с базара. Мог бы, говорят, насадить малинки, клубнички, смородинки... Огород же, говорят, – это наша кладовка! А я вместо всего того забил огород, видите, розами, гладиолусами, подсолнухами. Люблю, грешник, подсолнух в цвету...

Каркалыги удивляются мне. А я ответно удивляюсь им.

Утыкают всю землю луком, чесноком, картошкой, хреном... А цветку у них места нет.

Они удивляются, что я катаюсь на велосипеде, обскакал полдержавы. А я удивляюсь, что они спяну валяются под заборами. Они удивляются, что ж я ем, у меня ж в хозяйстве лишь пять кошек да педальный мерседес. А я удивляюсь, что у них никогда не бывает голода увидеть новое место, свежего человека. У них один голод – на обжорство и питьё. Рассядутся, как кули с мукой, и садят не червивку, так пучеглазку⁶, и садят... Поналяпали себе сералей... А в тех сералях не живут! Берегут! Сами всё по временкам толкутся. В свои сералито лишь по утрам в окошки заглядывают. Не стащили кто чего за ночь? Не наследил ли кто на лакированном

⁶ Пучеглазка – самогон.

полу?.. Обложились кувалды миллионами, как подушками!.. А Гоголь вон умер – имущества было всего-то лишь на сорок три рубля восемьдесят три копейки. Так то Гоголь!

Тут она хорошо так улыбается в мои розы. А мне говорит, вы уж, пожалуйста, не всё выкладывайте. И представляется, кто она да что она. Бож-же! У меня морозяка по позвонкам на тройке пролетел. Ко мне! Корреспондентка! Из самой из Московушки! Опешил я. Слова не доищусь. Не знаю, что и сказать. Ну да, надо бы вести к себе в палаццо, чего ж держать дорогую гостыюшку средь огорода. И было уже повёл, да загородил собой дверку с лазом для кошек:

– Я весь глубоко извиняюсь! Но в свою хибарину, в этот вигвам, сейчас я не допущу вас! У меня там на неделе Мамай пробёг! Вот приберусь...

– А если я вам помогу?

– Нет и нет! Что за прелесть чужой сор?.. Часам к семи выведу я всё в блеск. А вы пока погуляли б по селу... Вот такая моя раскомандировка...

– Ну что ж, – говорит. – В чужой монастырь со своим уставом не бегают. Не побегу и я в ваш теремок. Я принимаю ваше пожелание. Пойду поброжу...

Выпроводил я таки её в прогуляночку по нашим Дворикам.

Вижу, неловко ей. Да что ж делать?

– Эх ты, пластмассовая тупышка! – плеснул Гордей в меня ядовитым взглядом. – Откуда ж взяться ловкости? Челю-

век с дороги... Его подкормить бы надо... А он выпихнул на прогулку!

– Ёшкин кот! Где ж ты раньше был со своим генеральным советом?

– А ты сам не допёр?

– Как видишь...

– Ну, тебе ж и хуже. Ведь еда – волшебный ключик, отмыкает в деушке слабинку на передок. Чувешь, от какой радости ты слупу отмахнулся? Впрочем, тут и перестараться вредно. Слишком сытая еда убаюкивает в гражданочке романтическое желание... Никакой каши не сварить... Так что переедание тут не лучше голода.

– Вот и хорошо, – хихикнул я. – Боевая ничья. Хоть угощай, хоть не угощай – всё равно расставаться на нулях... Ну, ушла она, я и закружись в хлопотах. Розы её в хорошее ведро с колодезной водой поставил. Прибрал койку...

– Вот это дельно, Нурукопожатый! – похвалил Глеб. – Люлян всегда содержи в порядке. Это ж важнейший стратегический объект! Помни святое «Постель – это не существительное, а место имени»!

– Отдохни с цэушкой... Ну, прифрантил кроватьку. Помыл стол, окна. Надёрнул на окна свежие веселушки занавесочки, от покойницы матери остались. Посыпал земляной пол молодыми духовитыми стружками... Фу-у, насилу уморился!

Смотрю, черна у меня печь. Было немного извёстки в че-

репушке, в германской каске, – с войны всё служит! – кинулся белить.

Белю, а сам думаю. Не за розочками ж она ехала. Она ж будет что спрашивать. Она-то, понятно, знает, что спросить. Да я, дурий лобешник, я-то что стану отвечать? Сам знаешь, язык у меня без контроля. Под раз могу напуржить и на себя, и под себя. Ну раз дурее пьяного ёжика... Да только на что ж мне про себя славушку пропускать? Не-е, дополнительно думаю, не кинусь я гнать пургу от себя. А выйду-ка я на отца Гордея. Подсоветуюсь.

– Какой же я тебе отец? – морщится Гордей. – Всего на пять лет старше. Ты где-нибудь видел пятилетних отцов?

Некоторое время Валерка молчит. Потом спрашивает:

– Так как ты присоветуешь? Писать?.. Не писать?..

– Не тупи! С какой стати за неё арабить? – сердится Гордей. – Ты перед нею особо не проседай. Что, тебе с нею своих тараканов крестить? Не в твою кассу несёт она свою галиматуру... Она будет экскаваторным ковшом башли грести. А ты за неё рисуй? Ты ей так, словесно рубани, что ты не бюрократ, писанину не любишь разводить да и не обучен. Ты всего-навсего скромный токарёк химдымочка.⁷ Интересуетесь чем, спрашивайте. Отвечу на словах.

– А ну заинтересуется моими двумя институтами?

– С институтов ссаживай сразу. И вообще к институтам разговор не подпускай. Или у тебя киселёк в черепушке?

⁷ **Химдым** (шутл.) – предприятие райсельхозхимии.

Разве тебе нечего ей спеть? Изобрази грудь колесом и шпарь про свои подвиги. Где ещё не был?

– В Одессе. В Минске.

– Так, пузочёс, и руби. Я, такой-то, развернул собственную инициативу, выполняю важное патриотическое дело. Каждую весну я на своём костотрясе во время своих отпусков и на свои купилки отправляюсь в один из городов-героев. Оттуда к каждому Дню Победы, что интересно, привожу в мешочках или в стеклянных ампулах для нашего районного музея священную, героическую землю. За пятнадцать лет облетел все города-герои!. Яйцекружительный успех! Осталось вот доскочить в Минск да в Одессу. А так везде побывал... Да-а, вел – цацка царская... Вон сам мэр Лондона десять лет не пользуется автомобилем. А ездит везде только на велосипеде. И ты везде только на своём веле. А вел – штука всё-таки не подарок. Велосипедист – «полуфабрикат для хирурга». Раззвони, как тебе ездится. Как ночуешь в канавах и на городских скамейках, раз со своим педальным мерсом в гостиницу не вотрёшься. Как кормишься у сердобольных старушонок. Не забудь горячий пример, как приняли тебя в Бресте за лазутчика... Разве нечего спеть? Да! Вон в Тулу ездил! Лило как из ковша. Кирзовые сапоги полны воды. Вода выплёскивалась наружу. В гостиницу нигде не пускали. За двое суток без сна, без остановок пятьсот кэмэ сшиб! Блин блинский, подвиг! Пошарь по мозгам, недоскрёбушка! Напоминай ей вагонишко таких подвигов. У тебя ж их было

чёрт на печку не вскинет!

– Это точно...

– К 50-летию Победы над Германией поднял вес в 1418 центнеров за 17725 раз? Поднял.

– Поднимал без отдыха с девяти утра до шести вечера. Продолжение следовало и на второй день с восьми до двенадцати.

– Выточил в химдымочке ты, токарёк, на своём станке за час 1418 шайб для автомобилей?

– Ну!

– Тебе ещё не выточить с твоими пятнадцатью ремёслами... Вскапывал огород на скорость?

– Ёшкин кот! Само собой.

– Был у тебя и один подвиг-отдых. Отстоял в почётном карауле у нас в скверике у памятника Герою Советского Союза 1418 секунд. Чуть не заснул... А ещё?

– Забыл, что ли? 1418 секунд показывал приёмы самбо. За один час восьмикилограммовыми гантелями выжал 1418 пудов.

– Вспомнил! 1418 секунд продержался на воде поплавком!

– Что поплавком... Это и любой тупарик сможет. А я там, в Воронеже, в досафовском дворце подводного спорта, без остановки, без отдыха даже на обед проплыл при комиссии десять километров за восемь часов. Двести раз перемахнул бассейн! Плыл стоя, работал одними ножками. В руках же

держал плакат «50 лет Победы»!

– А плавать со связанными черпалками, что интересно, учился у нас в Двориках, на деревенском пруду. Вот тебе и дярёвня! Рванул наш чухарик рекорд имени дорогого товарища Гиннеса!

– Да пока рановато тако разоряться. Материалы все отправил в ту Книгу рекордов Гиннеса... Молчат... Конечно, молчание тоже ответ. Но пока неполный.

– Всё не решатся, какой тебе гонорарище отвалить?

– А чего тут парить мозги? Я ж не весь гонорарий хапну себе. Часть отдам в нашу больницу на лекарства тем, кто болеет моими бывшими болезнями. Немалую кучку кину и нашему детдому, от меня через дорогу. Посулил отдельное воспомоществование и детдомовскому генералитету. Но раздумал. Они и так наворуют выше ноздрей. А детишкам чего не помочь?

– Да-а... Ты с пафосом пропой этой корреспондентше свою лебединую песнь про плавание с завязанными плавниками. Главно, Недоскрёбкин, не дрейфь! Побольшь крутого энтузиазизма! Это у нас в чести. Про подполковника не забудь... А про райские сборы, расчудашка, покуда смалчивай. Не фони...

– А чего молчать? Учёные американы из Пенсильвании назвали точный адрес рая: «Рай на Земле находится на 12,5 градуса восточной долготы и 17,5 градуса южной широты!» Граница Намибии. Съездить бы... Надо глянуть, как

там широко живут-поживают да тебе потом не забыть в беге будней рассказать...

– Не далече ли, утюжок, на велике пилить?.. Как добираться? Подумал?.. Пошевели извилинами... Ты лучше про героическое детство подпусти ей чёрного туману.

– А ну про семью спросит? – трусовато шепчет Валерка.

– За-пом-ни, – назидательно чеканит Гордей. – Ты холостунчик. Одинокий. Невинный. Нецелованный. Одним словом, багажок нераспакованный. Семья? Однако есть семья. Кто в семье? Киси, мерс плюс ты. И всё!

– Опять ври? Были ж ещё жёны. Целых три штуки! Целых три кувалды! Это ж треть взвода!

Гордей скучно смотрит на Валерку.

– Ляпонул! На ухо не натянешь! Кончай косить под дурочку. Послушай ты, пустая расписная ложка! Знай про что петь. Вон «даже колоколу необходимо иметь хорошо подвешенный язык». Про свой гаремчик язычок прикуси! Не то она не очерк – клеветон накрутит! Про значок смалкивай. Не вздумай доказывать, что в жизни ты достиг всего, о чём мечталось. Это невозможно. Чем больше имеешь, тем больше хочется. Такая вот скотинка человек...

Гордей качнулся верхом к Валерке. Кривясь, потянул ноздрями воздух и, демонстративно разгоняя руками духи малиновые, отсел на край лавки.

– Ты чего? – насторожился Валерка.

– Теперь я знаю, почему она сама не пишет за тобой. С

тобой, друг, надо разговаривать в противогазе. От тебя ж, как от цапа, прёт. Ты когда последний раз бегал в баню?

– Ну, ты совсем меня уконфузил. Неладно получается...

– Вот и я про то! У меня идея. Я только что со смены. Тоже грязней арапа. Думалось поспать. Да разве ты с мухами дашь? По случаю воскресенья дунем на пруд! Поплескаемся. Освежимся. Прихвачу я мыла. А с мылом рай не только в шалаше!

– Ну-у, – морщится Валерка. – Один продвинутый американ химик из Массачусетского технологического института Дэвид Уитлок не принимает душ уже 12 лет. Он считает, что ежедневные водные процедуры наносят вред здоровью человека. Вместе с грязью люди смывают со своего тела полезные бактерии, которые являются естественным защитным барьером. И доказывает, что наши предки обладали крепким здоровьем как раз потому, что редко мылись и в отличие от нас не использовали гели для душа и другие средства личной гигиены неестественного происхождения. Как писали в газетах, сам Уитлок запустил свою линию косметики "Мать-грязь", в основе которой лежат нитрифицирующие бактерии. Попадая на кожу, они устраняют неприятный запах, не трогая при этом полезных бактерий.

– Безбашенный! Поменьше слушай тех америхамцев и почаще мойся. Лучше будет. Подмоешься как следует. На связь с прессой, мой миланя, надо выходить чистеньким. Ну?.. Сворачиваем базар и айдаюшки!

Валерка покривился.

– Ты вывалил мне мешой советов, так и я ж не останусь в долгу. Я притартал тебе вот эту указивку, – Валерка достал из кармана газетную вырезку из кармана и подал Глебу. – Повесишь, засонька, на стенку над диваном. Перед сном чтоб она была у тебя на глазах... Всё дольше проживёшь.

Глеб разгладил на коленке вырезку, стал читать...

Врачи признали длительный сон опасным для жизни

Сон, длящийся более рекомендуемых 7–8 часов, повышает риск преждевременной смерти.

Это установили исследователи из Килского университета в Великобритании. Работа была опубликована в журнале *Journal of the American Heart Association*.

Ученые проанализировали данные 74 исследований, участниками которых стали более трех млн людей. Оказалось, что те из них, кто спал около 10 часов в день, на 30 % больше были подвержены риску преждевременной смерти, чем те, кто спал около восьми.

Также десятичасовой сон на 56 % повышал риск смерти от инсульта и на 49 % – от сердечно-сосудистых заболеваний. Плохое качество сна повышало риск развития коронарной недостаточности на 44 %.

Отклонение от существующей нормы сна в

большую или меньшую сторону повышает риск развития болезней сердца, поясняют исследователи. Они рекомендуют врачам обращать больше внимания на качество и количество часов сна при консультации пациентов.

Прочитав, Глеб хмыкнул:

– Любопытно, но не для меня. – Он скомкал вырезку и комочком пульнул в проходившую мимо курицу. – Так ай-дайки на пруд.

Валерка замялся.

Ему надо за картошкой, кормится ж только из магазина. Своей огородины он никогда и не знал, хотя и королевствует перед его окнами протяжной, продолговатый участочек жирного воронежского чернозёма, самого богатого в мире.⁸ (В войну немцы эшелонами вывозили его в Германию). Передний клочок делянки ушёл под цветы да подсолнух. А остальная вся земля гулевая. Тесно забита лопухом, крапивой, лебедой и прочей живучей растительной анархией.

Край нужно Валерке в магазин и сразу назад. Домой.

Вовсе неохота на пруд.

Но Валерка не смеет отказаться и соглашается.

⁸ Наш край славен образцовым черноземом. В 1889 году в местечке неподалёку от села Щучьего в качестве эталона российского чернозема был отобран почвенный монолит размером 7х2х1 м, который демонстрировался на Всемирной выставке в Париже. Затем он находился в Сорбонне, где и погиб во время студенческих волнений в 1968 году.

2

От излома, от поворота улицы, где жил Гордей, они проходят дворов пять и за крайним, стародубцевским, двором берут по тропинке вправо, к вечно строящейся больнице с выбитыми мёртвыми окнами и почернелыми обветшалыми переплётками.

За больничкой открывается бескрайний чистый горизонт полей.

Любуясь открывшимся радостным простором, шаловатый Гордей основательно потягивается и начинает мурлыкать прилипчивую аллилуйную серенаду:

– Тянет меня к Тане,
Как кота к сметане.
Тянет меня к Нине,
Как сапёра к мине.
Тянет также к Лене,
Как огонь к поленьям.
И, конечно, к Зине
Тянет, как к перине...
Тянет и к Любви,
Как зайца к моркови.
Очень тянет к Усте,
Как козла к капусте.
Манит к себе Люда,

Как саксаул верблюда.
Как ангелочка к раю,
Сильно тянет к Рае...⁹

– Ёшкин кот! Стоп! Стоп!! Стоп, лихач ангелушка!!! – грозит Валерка кулаком Гордею. – Кончай парить бабку в красных кедах!¹⁰ Ишь! Не слишком ли сильно тебя потянуло?!.. Поди знай, горячий многостаночник, край да не забегай за межу. Попрошу... Мой пламенный эректорат не таракань! Не замай! Раиска приехала ко мне! А не к тебе! Так что мою Раюню не вздумай отхохлатить!

– Пока, – котовато хмыкнул Гордей. – А там принципиальный товарищ Случай разведёт всех по своим кочкарикам...

– Никаких товарищей! Никаких случаев! Никаких разводов! Чем намыливаться лезть в чужой огород, лучше б в своём навёл хозяйский порядок! – на подкрике востребовал Валерка, тыча пальцем на унылые, приконченные колорадом,

⁹ Первые восемь строк принадлежат Леониду Соколову, остальные восемь – собственного варева. Симпатичное соколовское восьмистишие про притяжение с продолжением разогрело меня. Ну и что тут странного? Всех к чему-то тянет. В спорте вон все только и ловчат, в нитку тянутся как бы пошустрей разлохматить чужой рекорд и великодушно навязать свой. В кино снимают продолжения популярных фильмов. Только вот до большой литературы всё никак не доскачут. Пока что-то не слышно, чтоб кто-то выдал на-гора продолжение «Войны и мира» или «Тихого Дона». Но начинать надо, господа. Хотя бы с малого. И я осмелился соколовскую классику продлить. К восьми соколовским строчкам пришлёпнул восемь своих. (Прим. автора.)

¹⁰ **Парить бабку в красных кедах** – нести вздор.

картофельные рядки, что по обе стороны тропинки сиротливо, заброшенно сливались по бугру к Чуракову рву.

– Ты что-то имеешь против моей дорогой евронедвижимости? – в печали обводит Гордей взглядом свою деляночку у стёжки.

– Имею, Го-одь! – дурашливо выкрикивает Валерка. – Гля! По-ударному домолачивает твоё имение!

Валерка заливается тонким, лающим смехом.

Смех у Валерки неприятный. Какой-то пустой, сухой, отталкивающе трескучий.

"Козлиный хохот", – раздражаясь, думает Гордей о Валеркином смехе.

– Силё-ё-ён бродяга! – сквозь затухающий смех выталкивает Валерка из себя слова. – Силё-ё-он... Читал сам... Так и написано... Само легло в память... "Катастрофическое размножение этого вредителя привело к тому, что в отдельных местах на побережье Атлантического океана жуки образовали слой до 50 сантиметров толщиной, препятствуя движению транспорта, и даже вынудили жителей Бостона в 1874 году на время покинуть город". Что вытворял! А? А что вытворяет сейчас? Уже у нас? Что ты сажал – в зиму пойдёшь без картошки, что я не сажал. Ещё не хватало, что-ба я персонально колорадскому гаду картошку сажал! Перед колорадом мы все равны, как в бане. Уравнял нас жучина! Уравня-ял!..

– Уравнял... Уравнял... – вязко, с тяжёлым ядом согла-

шается Гордей. – Захлопнул бы, ёк-макарёк, своё жевало!

Гордея забирает злость. Какой-то Валерка с колокольчиками в башне подшкиливает! И самое нелепое то, что этот Нерукопожатый прав. Всё слопал колорад! Уныло торчит картофельная ботва без листа. Одни пониклые, изъеденные во многих местах голые палочки.

Гордей подкопал один куст, другой – нету даже и завязи! Где не добил колорад, допекла жара несусветная.

– Недоскрёб твою мать! – подавленно роняет Гордей. – Ехать в зиму без своей картошечки...

– Что без, то без, – соглашается Валерка. – Вот что творит твоя лень! Тебе ли мечтать о мешке картошки на зиму? Сидишь же на золотой жиле! Ты чего тянешь с приватизацией Земли?

– Отвянь!

– Чего отвянь? Ну чего отвянь? Никакой же липы! Всё законно ж! Тебе ль напоминать? По международным законам, страны не могут заявлять о том, что владеют планетами или звёздами. Однако для отдельных лиц никаких запретов не писано. Вот где лазейка! Со своей идеей прихватизации Земли ты уже сколько носишься? А где, засоня, дела? Дела пекут другие. Смотри! Уведут у тебя Землю! За это время американ Деннис Хоуп хопнул Луну! Оформил у местного нотариуса Луну себе в собственность и спокойнонушко продаёт участки земли на Луне всем желающим. Озолотился дядя! За участок в сорок соток берёт всего-то две тыщи де-

вятьсот зелёных. Можешь и ты участочек купить через "Лунное Посольство в России". Уже вон и баба просвистела поперёд тебя! Испанка Анхелес Дюран в местной нотариалке нагнула само Солнце в свою собственность! Приватизировала Солнце! Теперь эта Анхелка намерена драть плату со всех, кто пользуется Солнцем. А разве Землёй меньше пользуется народу? Ну чего ты спишь? Лень на минуту сбегать к нашему районному нотариусу в Нижнедевицке? В золоте б уже весь тонул! Как же! Господин Нельзяин¹¹ вся планеты Земля! Зла на тебя не хватает!

С досады Валерка плюнул.

– Ну ты, недоскрёбка, свои микробы не раскидывай на моём владении! – осадил его Гордей.

Валерка подобрал на тропке обгорелую спичку, принялся ковыряться ею в ухе.

Глеб хлопнул Валерку по колену.

– Ну зачем спичкой? У тебя что, пальца нет? Никакими палочками в ухо не лазь, а ковырай пальцем. Пальцем далеко не залезешь и проблем не наковыряешь.

Валерка отмахивается от совета и знай долбит своё:

– Сплюшка! Ты не думал... Вот помрёшь, хоть кто купит твой скелет? Вон французы даве за полмиллиона хватанули скелет сибирского шерстистого мамонта. Валялся-валялся себе в вечной мерзлоте и нате из-под кровати! Таки отыскали! Торганули! Вот с барышом теперь уважаемые гражд-

¹¹ **Нельзяин** – хозяин.

дане-товарищи сибиряки! Если ты живой ничего не хочешь предпринять, чтоб обмиллиардиться, так, может, на мёртвого на тебя появится спрос? Как думаешь, сколько за твой скелет дадут?

– Ничего не дадут, – хохотнул Гордей. – Я не шерсистый. Какое-то время они, обнаженные по пояс, бредут молча.

Внешне они прямая противоположность друг другу. Насколько лёгок, подтянут, подчигарист (сухощав), упруг, спортивен Валерка, настолько тяжёл и неуклюж Гордей, со сна сыто заплывший жиром. Раскисли бока широкие. Бочковитый бледный живот перекатился через ремень.

У Валерки, как у ежа, короткие, колючие и совершенно седые волосы. Валерка постоянно бреет голову. Гордей во все не трогает на себе волоса. Поповская грива холодит плечи. Развалистая борода чёрным болотцем разлилась по груди.

Во всякое погодистое утро Валерка на первом свету вскакивает на велосипед. Лётом летит куда глаза глядят и к работе в своей райхимии успевает Бог весть где покрутиться.

Откукарекал смену, опять скок на свой ногокрут, и из села в село, из села в село носит его угар до самой глухой ночи.

В непогоду Валерка переходит на бег.

Выйдет из своего недоскрёба, что сиротски примёрз к подошве долгого, медленно поднимавшегося косогора, на гиревой замок закроет дверь с особым лазом для кошек, приседает на одной ножке и, голый по пояс, с рубахой на

кулаке, пожёг в гору. Вот уже нарезает по бугру, по улице. Только охает под сапожищами земляца. И в Гусёвке, и в Сидних Двориках всякий знает без откидки занавески: бежит наш шизокрылый орёлик.¹² Дождь на дворе.

В будни Валерка пробегает по два километра. От своего фиквама до кишкодрома.¹³ У столовской двери намахнёт на себя рубаху, позавтракает и последние полкилометра до работы идёт пешком. В выходные он отматывает в беге уже по десятку вёрст.

Гордей же...

Гордей делит сутки на два сна.

Предварительный и генеральный.

Утром туго поест, как поп на Рождество. Наискоску от дома перечеркнул улочку и он уже на своем маслозаводе.

Работа у Гордея, по словам Валерки, мозольная: мозоли себе на кардане¹⁴ натирает. Машинист компрессорной установки.

Это, конечно, не вагоны разгружать. Подглядывай, чтоб холод на охлаждение молока да масла бежал. И всё. Гордей изредка поглядывает и дремлет на лавчонке у компрессорной. Эта его рабочая смена, этот перекур с дремотой – первый сон, предварительный, неглубокий, сопряженный с досадным отлучением к самому компрессору и даже порой с

¹² Неподдалёку, в селе Орловке, находится областная психолечебница.

¹³ **Кишкодром** – столовая.

¹⁴ **Кардан** – задница.

тычками в плечо и похлопываниями по лицу, когда по нечаянке неглубокий сон плавно перетечёт до срока, до домашней поры, в генеральный, и компрессор вдруг забудет подавать холод; прискачет тогда поммастера, такого толкача задаст, что плюнуть да послать не меньше матери так и посылает.

После работы Гордей вдолгую, прочно и как-то мстительно ест. Ест сначала одно поджаренное старушкой матерью мясо с лучком, свиное ли, куриное ли. Наберётся до воли мяса; убедится, что всё-таки выдавится ещё место и для борща, примет в угоду матери несколько ложечек и тут же прямо из-за стола валится – как с корня срезан! – на диван, прикрывается газетой.

Летом газета нужна. Заслон от мух.

В прочие времена газета вроде и ни к чему, но без газеты Гордей уже не уснёт. Привычка. Без газеты вроде как чего не хватает. А чего именно, нипочём не поймёт. И такое чувство особенно донимало по понедельникам, когда газета не приходила. Отсюда, как он считает, и произошло известное выражение: понедельник у него был самый тяжёлый день.

А зато во все остальные дни...

Поел, перекинулся, натянул на лицо газету и мгновенно, будто под наркозом, уснул. Спит он не разуваясь, не раздеваясь, сронив ноги на пол. Спит мертвецки крепко и сладостно. И снятся ему сны, и в тех снах ничегошеньки другого ему не хочется кроме одного: спа-ать, спа-а-а-ать, спа-а-а-а-а-а-а-атушки... У него всякий божий день – Всемирный день

сна! Валерка так и называет Гордея – вечный чемпион мира по спанью.

– За шо ж ты, бедолага, и мучишься? Колы ж ты, чортяка, и выписся? – ворчит старушка мать, ладясь к ночи поднять с дивана глыбистого Гордея, чтоб разделся да лёг по-людски в постель.

Но поднять великанистого Гордея всё равно, что спихнуть со своего корня Эверест. И Гордей, одетый, обутый, в тяжкой позе мнёт, – сам на диване, ноги на полу – давит рёбра до нового дня. По мысли Валерки, перехватил Глеб эту замашку спать одетым у Сталина. Вождь частенько спал в одежде.¹⁵

И снова, отойдя от генерального сна, пролупив едва глаза, Глеб долго и скучно ест, готовясь к новому, уже к сидячему сну на лавке у компрессорной.

Гордей вышагивает босиком, врастопырку покачивает локтями. Косится на Валерку.

Валерка держит за сиденье велосипед, знай поталкивает рядом с собой.

"Чем же тебя, тараканий подпёрдыш, уесть?" – мучительно думает Гордей и оглядывает Валерку с головы до ног. Но придраться ни к чему не может. Плечи, руки, спина, живот у Валерки вымазаны в одинаково густой шоколадный цвет.

¹⁵ Факт из тайных дневников одного из руководителей НКВД – МВД СССР в 1941- 1953 годах И.Серова «Записки из чемодана». («Литературная газета», № 30 за 2016 год, страница 6.)

Совсем не сравнить с погребным загаром у Гордея.

– Слышь, Нерукопожатное Лицо, – Гордей тычет пальцем Валерке на его толстые ватные штаны и на сапоги, – сегодня всего-то лишь плюс тридцать пять. Ты не замёрз?

– Да вроде нет, – с простинкой отвечает Валерка, не поймав яда в голосе Гордея.

– Как же нет!?! – пыхнул Гордей. – У тебя ж вон, – скосил глаза на портянку, выглядывала из кирзового сапога, – обмотка зачем лезет наружу? Со-греть-ся! А ну-ка... Разувайся! Ходи, как я. Босиком!

– Ёшкин кот! Не могу... Колется...

– А ты через не могу всё равно ходи. Укрепляет нервы. Гниль счищает меж пальцев. Наши предки, обезьяны, не носили ни хромовых сапог, ни лакированных туфель. Всё босиком да босиком.

– Так то обезьяны... Я тебе не какой-нибудь там Петя Кантропов. Не могу...

Гордей настаивает. Наседает.

Уступает Валерка. Разувается.

Впригибку, словно крадучись, шаговито, вбыструю, в срыве на бег простриг с десятков метров на бровях ступней и снова обувается.

– Не могу. Больно уж колкий это подвиг.

Гордей доволен, что отыскалось уязвимое место у Валерки. Чудик картонный, не может вот так просто идти босиком! А он, Гордей, может хоть по колкой дороге, усыпан-

ной мелкими сечеными камешками, хоть по свежей полевой стерне. Всё нипочём!

– Валер! Ну у тебя и видок, как у турка, – с мягким, отеческим укором подпекает Гордей. – Ты, – тянет Валерку за коричневым ботиночный шнурок, служил Валерке вместо ремня, стягивал на боку две соседние шлёвки тёплых штанов, – ты что же, и с корреспондентшей разговаривал в таком виде?

– Ну а в каком ещё? Вечером снова придёт она. К вечеру я ух!.. Буду в полной боевой готовности! Надену выходной пиджачок со всеми значками. Надену выходные брючата, выходные хромовые сапожики. Да-а... Пана видно по халявам!.. Прифасониться надо. А как ты думал?.. На выходных брюках – низ брюк я застирал, кинул даве на верёвку, во дворе сохнут, – есть хороший ремень. Я богатый... А шнурком ловчей таки стянешь штаны.

Воскресенье. Предвечерье.

Ярая, ликующая жара не всё ли село согнала на воду. По закраинке Синих Двориков блёстко простёгивала всю лощину речушка Дёвица. Не шире девичьей ладошки. Не глубже пальца. Воробьи вброд переходили. И вот пруд! Всамделишный. Утонуть можно! Вот это – утонуть можно! – было самой высокой похвалой пруду, так что даже весть о первом утопленнике прошила вчера село не столько горем, сколько шальным изумлением, пожалуй, ещё и оттого, что утопленник был не из здешних, а проезжий.

Надо же! Эвона какой прудище сочинили – утоп живой человек! – сокрушались в Двориках и в прижавшейся к ним Гусёвке. Спяну полез целую версту вплавь одолеть. Судорога посреди пруда прищемила и утопила.

Не одно лето всем миром ладили через лощину запруду. И старый и малый потел на воскресниках. Только Валерка с Гордеем и разу не высунулись. И когда их звали, друзьяшки надвое усмехались, чистосердечно уверяли, что никак не могут.

Одному, Валерке, оказывается, срочно надо лететь на велосипеде то куда-то за какой-то землёй для музея, то в Воронеж – до Воронежа шесть десятков километров – за свежей, именно за воронежской колбасой для кошек, поскольку, ви-

дите, местная колбаса плоха и у кошек от той колбасы изжога и контрреволюционное волнение в животе. Но, случилось, и от воронежской докторской отпрядывали кошки, хотя поначалу, в тридцатых, докторская предназначалась исключительно для «больных, имеющих подорванное здоровье в результате гражданской войны и царского деспотизма».

Пускай с царизмом давно покончено, так деспотизма разве поубавилось?

И за этой докторской Валерка скакал по выходным в сам Воронеж.

Гордей же считал, что воскресенье на то в численнике и дано красным, чтоб отдыхать, и всякий раз он наискивал мешок причин не ходить на воскресник.

Без них построили дамбу.

Без них обиходили пруд. Обтыкали голыми ивовыми прутиками. Принялись прутики. Пустили из себя лист. И зажили вокруг пруда молодые деревца. Веселят глаз нарядными зелёными шапчонками.

С двух сторон пруд чёрно окаймлял раскисший от жары асфальт дорог. Одна дорога лилась к Курску. Другая отбегала от неё под прямым углом на Синие Дворики.

На плотине народ не задерживался.

Всё тёк дальше, на противоположный берег, что был покрыт жухлой игольчато-колкой травой и косо взбегал к молодой золотистой стерне сжатого поля.

Берег – народу там набилось тесно – был настолько крут,

что лежать на нём невозможно. Люди съезжали со своих подстилок и большинство предпочитало загорать стоя.

Однако утомительно торчать вдолгую столбиками на крутизне, отчего, завидев свежее лицо, всё устремляло к нему взоры.

Валерку и Гордея облепили знакомые парни, подростки. С шумом здоровались за руку и с тем и с тем.

Правда, Валерка и Гордей не вдвое ли старше против них. Да что из того, что старше?

Главное – свои, свои в доску. Раз неженатые.

Это женатики уже не водятся с холостой мелкоснёй.

Валерка снял один сапог и, не разгибаясь, потянул ногу из второго.

Подошла Раиса. Тронула за плечо.

– Вы что, собираетесь купаться?

– Само собой.

Валерка почему-то оконфуженно снова пихнул ногу назад в снятый наполовину сапог.

– Вы уж, пожалуйста, поосторожней. А то я слышала, вчера вечером утонул кто-то...

– Не кто-то, – в тесный кружок готовно вдавился верткий парнишка лет шестнадцати, Ростик, – а какой-то закопчённый. С юга. И с припёком... Вроде грузин по фамилии Вермутидзе... Вёз тупидзе свои «перви аромат яблук» в сам Курск. Выскочил из «Жигуля», распаренный, лохмогрудый. И к нам. К пацанве. Машет: «Айда, да! Пиливи на ту бэрэг!»

Ему стелят, никто из нас ещё на тот берег не плавал и тебе не советуем. «А, кацо! Сто говоришь! Я Сёрни мор перепиливи давал! А сто мне, генацвалико, твой прудио!» Как ты, говорят ему, там своё Чёрное море переплывал, мы не видали. А раз на то дело побежало, ты переплыви нам наш прудишко. Первый будешь героика!.. Досейчас герой ещё не всплыл. Весь пруд баграми с лодок истыкали. Не нашли. Капиталиш затонул!

– Вы слышали? – сказала Валерке Раиса. – Поосторожней... Не забывайте, – голос у неё улыбнулся. – Вы ещё нужны для интервью.

– Будет вам ваше это самое ин... – Валерка обидно по-мрачнел. – Думаете, я не переплыву?

– Вот и нет! – подкусил Ростик.

– Ёлы-палы! На спор!

Валерка выбросил парнишке руку.

Но перехватил её Гордей.

Выставил Гордей своё условие:

– На бутылку, недоскрёб твою мать, коньячелли грузинского!

– Расплёв со значением, – хмыкнул кто-то.

– Валерий! Послушайте! – всполошилась Раиса. – Да не связывайтесь вы в эту авантюру!

Валерка отшатнулся.

– А вы что? Не верите мне? – нервно зашептал он. – Вы меня, извините, оскорбляете... Да я! Со связанными ковы-

рляками! Без передыху! Туда и обратно! Да!.. Мухой! Туда и обратно! Ту-у...

В бешенстве подставил Гордею сложенные вместе, запястье к запястью, руки.

– Вяжи!

– Пожалуйста.

Гордей лениво усмехнулся и с видимой неохотой принялся тонкой надёжной бечёвкой, услужливо поданной кем-то из парней, вязать Валерке руки. Гордеев вид при этом говорил: мне это ни к чему, я бы и не стал вязать, мне это надо как мёртвому припарка, но раз человек просит, чего же хорошего человека не уважить?

– Не связывайте ему руки! – вскрикнула Раиса. – Он может утонуть!

– Всяк может только своё, – вяло проговорил Гордей. – Что вы разоряетесь? Убивают кого? Топят? Отвечаю. А: никого не убивают. Бэ: никого не топят. А вы, между прочим-с, мешаете, – кивнул на Валерку, – товарищу взять ставку. А товарищ, что интересно, просто желает честно пить мой коньяк. Толечко и всего...

Тут же Гордей и спохватись:

– Да-а!.. Валер, проиграй я, естественно, я и покупаю. Но проиграй ты, кто мне купит? – спросил вкрадчиво, подтрунивающе. В его тоне были одновременно и ирония, и яд, и трудно скрываемое беспокойство за возможный проигрыш. – Проиграй ты – ты же будешь...

Гордей устало сложил руки на груди. Скорбно уставился на Валерку.

– Не переживай вчерняк, – корильно ответил Валерка. – На той неделе я привозил вам из Воронежа на пятнадцать рубчонков колбасы. Да и в прошлые разы привозил. Набежало полста долга. Но мать пока так и не отслюнила мне мой пятихатник. Обещала отдать потом. В твой аванс. Так что если что – та полташка твоя.

– Не возражаю, – уступчиво согласился Гордей. – В пятницу был аванец. Мой авансишко со мной. Всё забываю выложить из кармана свои шелестелки.

– И сколько ты грабанул аванса? – спросил Валерка.

Гордей поднёс палец к своим губам:

– Тс-с... Большие деньги любят тишину.

Гордей достал новенькую четвертную, с минуту игриво пообмахивался ею, как веером, и, вздохнув, холодно похрустел денежкой, прощально подал Ростикю:– Ну-ка, карманной слободы тяглец,¹⁶ давай мухой в "Улыбаловку!

– За шампусиком? – спросил Ростик.

– За пятью грузинскими звёздочками! Ну!.. Чеши фокстротом. Живо же! Сотрись с экрана!

Не ставя ногу на педаль, Ростик с бегу напрыгнул на Валеркин велосипед и поехал.

– Куда вы его послали? – недоуменно спросила Раиса у Гордея, показала на Ростика, – удалялся по плотине.

¹⁶ Карманной слободы тяглец – вор-карманник.

– А-а... Это мы по-свойски навеличиваем так кафе наше "Улыбка".

4

Когда Гордей связал Валерке руки, Валерка как-то внезапно обмяк. Присмирел и сиротой обвёл всех долгим взглядом.

Были в том взгляде укор и мольба, вызов и кротость, тоска и беспокойство.

В замешательстве стихал весёлый базар.

Все почему-то почти разом почувствовали себя неловко. При них, при живых свидетелях, заседалось злое дело, и ни одна душа не подумала отвести беду!

Валерка тяжело посмотрел на Гордеев узел у себя на запястьях. Посмотрел на воду.

Ему вдруг стало страшно.

Опало подумалось: ну пойдя он сам босиком в воду, может уколется травой, может поскользнуться, может упасть, и уже тогда ничто не сподвигнет его, суеверного, плыть к тому берегу.

– Для полноты счастья вы б меня метнули, что ли... – будто самому себе глухо пробормотал Валерка.

С диким улюлюканьем, с воплями толпа подхватила его за руки, за ноги, раскачала и, невольно сделав с ним короткую пробежку к воде, бросила.

Бросали его лицом вперёд. Но тех коротких мгновений, покуда он был в воздухе, ему, как кошке, хватило на то, чтоб

в страхе повернуться всем телом назад. К берегу.

Все решили, что он, как только вынырнет, непременно рванёт назад.

Но время шло.

А Валерка всё не прорезался из воды.

Все тревожно запереглядывались.

– Хор-рошо лапоть плавает, лишь пузыри прядают! – дуром гаркнул кто-то. – Во! Вон!..

И верно. От берега наискоску уходила дорожка из редких лопающихся на воде пузырей.

– Между прочим, – Раиса с укором глянула на Гордея, – вы хоть знаете, что бывает за подстрекательство?

– Всякое. В данном случае бутылка коньяка.

Равнодушие, с которым это было сказано, зацепило её.

– Его нет почти пять минут! – ударила синим длинным ногтем по часам у себя на руке.

– Лично я не удивлюсь, если его не будет и все девять минут и девять секунд.

– То есть?

– То и есть, что есть. Девять минут и восемь секунд – мировой рекорд пребывания человека под водой. А он у нас на мелочи не разменивается. Мировой рекорд он спокойнушко сорвёт с наварцем! Вот вам успокоительная пилюля. Плавает же он – я тебе дам! Не чета мне или любому кто здесь. Он не то что по дну может целую вечность идти, он и сквозь землю может пройти. Лично я ещё раз не удивлюсь, если он вывер-

нется к нам не из пруда, а из-за бугорка, с поля, – потыкал оттопыренным большим пальцем с плоским ногтем себе за плечо.

– Тогда я умом не достигаю ситуацию. Если он такой пловец, что же вы с ним спорили? На верный проигрыш?

– Не-ет... Уж я-то как-нибудь да знаю и себя, и его. Не тот я дядюка, чтоб-с спорил на проигрыш да ещё на верный.

– Тогда где же ваша логика?

– А вот где моя логика *пока*.

Слово *пока* он выделил голосом и, уклончиво хохотнув, указал на Валерку. Наконец-то выдернулся Валерка из воды далече уже от берега.

– У-ух... – посветлела лицом Раиса.

Она почувствовала, что устала стоять, отходчиво, примирительно села на газету рядом с Гордеем, надернув на колени край расклевённой юбки в крупную коричневую клетку. Села преднамеренно так близко, чтоб познакомиться с Гордеем.

Конечно, они познакомились.

На это знакомство Раиса пошла единственно из профессионального любопытства, замешанного на необходимости.

В самом деле.

Покуда герой её будущего очерка гоняется в пруду за бутылкой коньяка ли, за славой ли, за честью ли, за позором ли в случае проигрыша, за смертью ли, что вовсе не исключено, не сидеть же ей сложа лапки. Почему бы не поговорить с тем

же Гордеем? Глядишь, какую занятную детальку, фактик из жизни друга и выщелкнет. Разве это помешает делу?

А потом, и это самое главное, её страшно заинтриговало, до какой степени они друзья и друзья ли вообще, коль с такой лёгкостью на невозможных условиях один ставит на карту жизнь другого?

Раиса задумалась, как бы его поделикатней подступиться к Гордею со своими каверзными расспросами, когда Валерка, грозя берегу вместе сложенными кулаками, прокричал во весь рот:

– Что ж вы, козлы, махнули меня в ватных штанах да в одном сапоге?!

Берег мёртво уставился на Гордея. Чего ему, Валерке, надо?

– Мне кажется, – постно сказал Гордей, – он желает обуться по всей форме. Отправьте ему второй сапог.

До Валерки сапог не долетел. Плюхнулся метрах в двадцати от берега и сразу пропал утюгом в темноте воды.

– Мало того, что связали руки, ещё и кинули одетым, – истиха выпевала Гордею Раиса, стараясь не привлечь постороннего внимания. – Это жестоко. И эта жестокость шла прежде всего от вас.

– Ну прилипли тапочки к дивану! Не спешите меня терпужить. Вот мантия!.. Вы ж его не знаете. А про какую-то жестокость... Да при вас, при незнакомке, он бы ни за какие блага не разделся. До такой меры стеснительный. А по-

казать себя на воде незнакомой мармеладке хочется. Каким образом прикажете спустить его на воду?.. Да-а! – вспомнил Гордей. – Он же сам просил бросить! Вот у вас мантия!.. Что интересно, не слышите, а шерстите... А он, – ткнул пальцем в Валерку, – между прочим, не похож на страдалика. Не похож!

Цепко всматривалась Раиса в детски-радостного Валерку и не верила собственным глазам. Боже! Да как это он плывёт?! Не то плывёт, не то идёт... Клешни в недвижении подняты над головой, будто в плен идёт сдаваться. Плывёт и не плывёт... Похоже, что на месте стоит. Не-ет. Вроде двигается... Но почему ему воды по грудки?

– Там что, мель? Он просто идёт? – не без восторга спрашивает Раиса у Гордея.

– Если хорошо плаваете, разденьтесь и проверьте там сами ту мель. А насчёт идёт...

Гордей невольно залюбовался Валеркой. Воскликнул:

– На красотень, я тебе дам, идёт! На красотень! Так он ещё никогда не ходил. Сейчас, наверно, придумал этот способ. Строго вертикально идёт. Перебирает одними ножками. Плясун! Воду толчёт в ступе. Да ступа – окинул беглым взором далеко и широко размахнувшийся пруд, – больно уж велика. Тяжело-о так идти. Тяжело-о...

Валерка оглянулся. По сияющему его лицу не было видно, что ему тяжело. Совсем напротив!

Гордей и Валерка встретились глазами.

Кивком головы указав на Раису, Валерка погрозил Гордею указательным пальцем и сразу, как только Раиса посмотрела на него, на Валерку, Валерка прижал оттопыренный указа-

тельный палец к среднему и завалился на спину, словно со стыда прятался за щитком поднятых рук. За Гордеевым узлом.

– Ну вот. Прошла почта. Валерка начал читать свою газету, – сказал кто-то на берегу.

– Нет. Он вернулся из библиотеки, – уточнил другой голос, – и читает что-нибудь про Наполеона или про Суворова. Любит про великих читать!

Валерка легко плыл на спине, держал перед собой тесно сдвинутые скобки ладоней. Действительно, можно было подумать, что он читает.

Сквозь пальцы он увидел Раису. Увидел Гордея. Но тут же перевёл взгляд с Гордея на Раису и больше не убирал с неё глаз. Так удобно, так ловко было подсматривать. Она не видит твоего лица. Зато ты видишь её всю. Ещё удобней оказалось наблюдать в щёлку меж бечёвочными витками Гордеева узла на запястьях. Щёлка эта была ниже. Как раз у самых глаз и безо всяких усилий позволяла видеть всё на берегу.

Он отходил всё дальше и дальше. Мألели черты красивого Раисиного лица. Тоньше, меньше становилась она сама, потому и менее привлекательной, отчего в конце концов Валерка и перестал пялиться на неё, простодушно отдался мыслям про то, как они вдвоём пойдут на закате напрямиком с пруда к нему домой через всё село. Представил, какие взгляды будут метаться в них из-за занавесок. Представил, как он будет угощать её чаем... А может и...

Никогда он не курил. Но нарочно держал про девчат пачку шикозных гаванских сигар; никогда не пил, но хранил на всякий случай не червивку, не бормотуху, не чернила, а нарядную высокую бутылочку дорогого заграничного вина. Из самого Бреста на велике вёз...

А потом они пойдут к нему в сад и там, на маленькой скамеечке среди роз, станет он рассказывать ей свою жизнь. Расскажет про свою мать, уже покоенку. Впустила в жизнь, подняла на ноги, души в нём не чаяла...

Валерке становится грустно.

А про отца ты, в мыслях обращается Валерка к Раисе, и не спрашивай. Не стану рассказывать. Да и что я расскажу? Как ночевал от его войн в скирде? Как этот батый капризами забил мать? До поры свёл в землю?

Бывало, помоеет она пол. Он – высоко себя ставил! – не спеша достанет из кармана платочек, поплюёт на уголок, смочит и тернёт. Мажется грязь – в нос тем платочком ей тычет: "Помыла?! Помыла?!" Она моет снова... То не так ложку этому прибузелому хану перед обедом на стол положит. То не так причешется. То не так улыбнётся... Интеллиго чёртов был. Зоотехник. Скотий генсек!

После смерти матери отец привёл другую. Не мне ли ровесницу.

Я и часу не стал жить с мачехой. Ушёл на койку к соседям. А отцу ухнул: "Здохнешь – на похороны не пойду. Буду умирать я первый – напишу в милицию, чтоб не пускали тебя

на мои похороны". С ним я совсем не знаюсь. Прохожу – не здороваюсь. Пускай этот папоротник знает, что и за мёртвых есть кому постоять. Как же так? До старости дошёл с матерью. Жизнь с нею изжил. Так до конца и неси ей верность свою... А он... Да ну его! Что на него слова терять! Только в позор втоптал...

Не ему ли знать, не себе женится старик на молодой.

Сначала она крутила пуговицы одному из Сычовки. А потом и вовсе упрясалась от батечки. Теперь вот куликает он один.

Звал меня. Да не побежал я. Ну, чего я побегу? У меня у самого своё дупло.

Не спущу я ему его измену матери, пускай уже и неживой...

Тебе, наверное, интересно будет знать, откуда взялось мне имя Валерий. Сильный. Крепкий. Не Николай, не Михаил, не Иван. А именно вот Валерий и ничего другого.

Нашёлся я в четвертую годовщину громкого чкаловского перелёта¹⁷ и захотелось матери назвать меня именно как Чкалова. Валерий. Благо, отчество у меня было чкаловское. Будто на заказ припасённое. Захотела мать и склонила к тому отца. Нехай, мол, малый растёт Чкаловым. Нехай вершит

¹⁷ Знаменитый лётчик Валерий Павлович Чкалов (20.1.1904 – 15.12.1938) вместе с лётчиками Г.Ф.Байдуковым и А.В.Беляковым совершил 20-22 июля 1936 года первый беспосадочный перелёт по маршруту Москва – Петропавловск-на-Камчатке – остров Удд (ныне остров Чкалов). За 56 часов 20 минут преодолено 9374 километра.

по-чкаловски знатно дела. Нехай летит по жизни так же высоко, как сам Чкалов.

Это уж как я по жизни летал и куда, в какие высокие хоромы залетал, я-то, конечно, расскажу. Обязательно расскажу.

Но про это после.

А сначала про детство. Про первые годы.

В детстве мне хорошо.

Про детство мне вспоминается светло.

Детство, милая Раиска, – это та пора, когда человеку за себя ещё не стыдно. Не совестно. Весь он ещё чист. Всё в нём честно. Он ещё не успел наложить себе на хвост и на загривок...

Эка незадача...

Вся жизнь будто на то и подаётся человеку, чтоб сумел чисто пронести через все хитрости земные, пронести от одного берега до второго, до последнего, пронести и ничего святого не потерять из того, с чем снарядило тебя в дорогу детство.

6

Валерке понравилась мысль про берега.

Один берег, думалось, – это детство, начало жизни, и второй – конец её. Этими берегами, как обручами, держится река твоей жизни, закованная в железные крепи. И не выско-чить тебе из своих обручей. Не вырваться из своего железа. Не сменить своих обручей. Не сменить раз и навсегда по-ложенного тебе судьбой пути.

Валерке удивлённо подумалось, что вот это его плавание со связанными руками – это ж сжатая до часу-двух вся его жизнь! Не правда ли?

Он даже покосил вправо, влево. Словно ожидал услышать подтверждение своей мысли.

Но по сторонам было безлюдно, пусто. Вокруг как-то за-брошенно и бесконечно лежала лишь чёрная и тихая, как в ведре, вода.

Не то что на море.

Прочна морская вода. Хорошо держит.

Но море он всё равно не любил. Бывать бывал, а ни разу не купался. Не тянуло. Постоит по щиколотку в воде и на берег. Не сказать, чтоб боялся. Однако неприятно себя чувствовал, когда входил в морскую воду. Непокойную.

"Там волны. Необъятная стихия... Не приспособлен я к этим волнам. А в тёплом уютном пруду в своём я чувствую

себя, как в люльке. Видать макушки затопленных лозинок. Иногда смутно угадывается местами шаткое дно. Не знаю, чего тут и бояться..."

Проходит с полчаса.

Усталость в ногах подаёт о себе знак. Плыть в этом омуте с мёртвой, стоячей водой всё трудней. Конечно, никакая утомлённость не навалилась бы на него так быстро, будь он в одних плавках. А то ж... Вата штанов налилась свинцом. Задеревенела нога в сапоге.

Может, сбросить сапог, штаны?

Не-е, протестует он, эдако скоро пробросаешься...

Безмерно потяжелели ватные штаны. Тянут книзу. Так сильно тянут, даже лопнул шнурок, что крепил их. Штаны съехали на колени. Вывернулись. Навовсе не дают развести ноги.

Вмельк глянул он на берег, куда шёл, и страх забрал его всего. До земли было Бог весть как далеко.

Как дотянуть? Что делать? Что делать?

На помощь не позовёшь. Засмеют. Да и нет смысла звать. Никто сюда не доплывёт. Полоса, куда продирались-таки отчаяugi, осталась позади. Теперь уже шла никому не доступная в Синих зона.

Что же делать? Что?

Он ничего не может придумать и сломленно смиряется. Отдаётся во власть случая. А! Будь что будет! Авось выведет, авось вынесет... А не вынесет, значит, так Богу угодно.

Не к чему тогда и выносить. По крайности, в претензии к Боженьке не буду...

Он жертвенно роняет руки на низ живота. Перестаёт во-рочать неподъёмными ногами.

С берега замечают, что Валерка не толкается ногами, опу-стил руки. Бросил «читать». Весь он в воде. На поверхности лишь блёсткая точка его лица. Вот пропадает и эта блёстка.

И с берега летит требовательное:

– Вале-ер!.. Чита-ай!!..

– Рабо-ота-ай!!!..

Стоймя опускается он на близкое, метрах в трёх, дно, по-крытое мягким, ласковым илом. Сильно отпихивается нога-ми от шёлка вязкого дна и чувствует, что необутая нога вы-дернулась из штанины.

На воле!

«Ну-у! Теперько я героец!»

Он шёл на спинке.

Приближение берега ощутил по всё теплевшей воде, по звукам сыпавшихся в воду и в липкий ил лягушек.

По самые глаза вдавился он с ходу в горячий скользкий ил. В бессилии уронил руки на сторону.

Но тут же спохватился.

Хоть и до крайности устал, аж извилины задымились. А всё ж равно негоже опускать ковырялки. А ну заметят, что я лежу отдыхаю против уговора? Я ж наобещался туда и обратно без передышки! Подметят мой отдых и я – в проигрыше! Что Раиса-то подумает?

Однако он не мог и плыть назад без отдышки.

С горькой завистью ему вспомнилось, где-то читал...

Озеро Развал, под Оренбургом, – образовалось в соляном карьере – настолько солёное, что в него нельзя нырнуть. Нельзя в нём и утонуть. Даже если очень захочешь. Зато можно на воде сидеть, как на диване, и читать. Сильная вода. Нашему б пруду такую...

Надо, решает он, полежать с поднятыми руками.

Он пробует поднять руки и не может.

Поискал вокруг глазами. Увидел корягу. Подтащил. Стараясь не подыматься, воткнул меж ног в ил и опёрся на её верх Гордеевым узлом на запястьях, взялся медленно водить

руками из стороны в сторону.

"Из такой дали кто различит, плыву ли я, лежу ли на месте. Главное, кегли маячат. Плыву!"

Помалу усталость вытекала из него; крепнувшая бодрость накинута блеску на глаза. Пробудилось любопытство, сподвигнуло оглядеться.

Прибрежная мутная, слегка пахляя, вода была с зеленцой и местами покрыта ряской. Невдалеке, в углу пруда, сыто дремали на воде гуси. Ничто не нарушало их покоя.

За молодой ивовой полоской по чёрному гляncу дороги всё реже помелькивали машины. Всё реже слышались шаги. Был тот предзакатный вечерний час, когда люди уже завершили, изладили свои воскресные дела.

Было тихо-натихо.

Стояла какая-то глухая, заброшенная тишина.

В этой тишине, в этом тепле ила, куда, казалось, Валерка врос, было так хорошо, словно в детстве на печке.

Он свободно вытянулся. С минуту разморенно смотрел в белёсое, выгорелое небо и задремал.

Хорошо ему, легко ему. Спит рука, спит нога...

Мимо шла девушка.

Цокающе уходящие шаги разбудили его. Загорелся он было посмотреть манилке вслед, но не смог выдернуть голову, спину из ила; в следующее мгновение ему расхотелось подыматься, ему даже понравилось, что цепкое тепло ила не от-

пускало его и на короткий миг. И он, довольный этим, с ленивым восторгом подумал про то, что вот скачут люди за девять земель на грязевые курорты. Да чего ж в этакую далищу забиваться? Разве в стакане, дома, грязи не найти? Чем этот наш прудишко не курорт?

Валерка вслушивался в тишину. Точно ждал ответа.

Но ему не отвечали на его вопросы, и он почему-то удивлённо покосился по сторонам.

Взбулгаченный ил всё не садился, ореольным изломанным чёрным кругом стоял вокруг и покрывал его. Коряга, на которую он вешал руки, торчала меж ног внаклонку к нему. Руки покоились на животе.

«Ч-чёрт! Ещё заметят!»

Он вскинул руки, с опаской вперился в щёлку меж витками бечёвки на тот берег.

Под газетой блаженно спал Гордей.

Рядом толклась ребятня.

Но где Раиса? Ушла?.. Одна?.. Куда?

Невспех принялся он изучать берег. Радость мягко толкнулась в душу, когда на самом бугре увидел Раису. Она стояла одиноко и взмахами рук звала его к себе.

"Хорошо, хорошо зовёшь, Раюня! – засветился счастьем Валерка. – Ты зови, зови... А я полюбуюсь на тебя, на милую. Славная ты... Есть на чём глаз согреть... Зови... Я приду... Я обязательно приду к тебе..."

Будь кто другая, я, может, и не стал бы в обстоятельный

разговор входить. А как же с тобой молчать? Как же к твоему к сердчишку не подкатить колёсики? Может статься, – тяжело, с захватывающей дух тревогой ворочает Валерка мысли, – пойдёшь за меня? И тут же пугается этой своей мысли. Разбежалась!.. Да кому я, мартышка, нужен? Земля лопнула – мартышка выскочила! И бесприютно болтается по белу свету... Вечный неустрой... Надоела мне эта одинокая болтанка... Один и один... Почему один? Хотя... Ну разве я намного страшней иных-прочих? Иди за меня... А чего!? Ты человек, и я не пугало какое, лоб в два шнурка... Не кочка на дороге, не обсевок в поле... К обсевку корреспондентов не засылают! Знаешь, я не стану тебе за так про себя петь. Я дам тебе своё это самое ин...тер...вью... А ты отдашь мне его назад согласиём быть моей? Согласна? Чего мужественно молчишь, как партизанка на допросе, очень гордая за свои героические дела? Или ты не можешь читать мысли на отдалении?.. Я извиняюсь... Каждый молотит свою копну... Я так думаю, хватит тебе мотаться по шарику. Какая ты москвичка? Ты беспризорная великомученица! Всё кочуешь, всё кочуешь! Оставалась бы у меня. Места хватит. Живи не хочу! И нетульки заботушки летать искать, про кого писать! Они всегда будут рядом. А ты знай рисуй да кидай в Москву. Вон тебе я первый на зачин. Расчехлю душу! Как на духу поведаю своё житие с самой началки..."

8

Он начал вспоминать свою жизнь.

Он никогда прежде не вспоминал свою жизнь. Считал её никому не нужной. Считал ни хорошей, ни плохой. Какую подала судьба, такую и жил. Что отгоревшее беспокоить?

Он не то чтоб боялся её вспоминать – избегал её вспоминать, не хотел, не отваживался-таки вспоминать, как не решаются робкие люди с кладки смотреть в клокочущую реку. Поспешно отворачивался от себя вчерашнего подобно дурнушке, которая, проходя мимо зеркала, в спехе отводила лицо.

Но вот, оказалось, понадобилась кому-то его жизнь, прикомандировали на беседу человека...

"Лет так с десяти стал я слабкий, хиловатый.

Достались детству моему война, послевоенье. Ну жизнь... Тогда все сводили концы с концами. Только, конечно, концы у всех разные... Откуда взяться достатку? То и богатствия было в дому, что бельевая верёвка во дворе. Жили бедно, нахватались голоду. Одно слово, не на сахарах возрастал.

С той поры и...

На дворе лето. Жарынь.

А я в валенках. В пальто. И всё равно холодно мне. Зябну. Почки допекали меня порядком. Плохо стало мне. Потом так

и осталось.

Был я толстый, неразворотистый, медвежеватый. Не мог играть в футбол. Последним был в беге, на гимнастических снарядах.

Наконец меня вовсе отчеркнули от физкультуры.

Мир отгородился от меня.

Соседские девчонки-сокласски раздружились со мной, извинительно роняя: «С тобой, Поросюша, стыдно ходить». К ребятам я сам боялся приближаться. Потому что, завидев меня, они начинали дразниться: "Бочка! Бочка!" – и кидались толкаться. Я и впрямь был круглый, как бочка.

Я ушёл в себя.

Я старался не высовываться. Всегда держался на отшибе. Жался в угол. У меня такое чувство, что я и вырос в углу.

У меня не стало друзей. Я ни с кем не разговаривал, кроме как с одной матерью. Случались дни, я не произносил ни слова.

Вот оттуда, из горького одинокого детства, такого жестокого, ко мне пришёл страх перед всяким незнакомым человеком. Даже и сейчас, если очень надо заговорить, бухнешь что не думая – он бледнеет, а ты краснеешь... Я не знаю, как к человеку подойти. Я не знаю, как к нему обратиться. Я вовсе не могу держаться свободно даже в знакомой братии. Меня всегда жмёт, давит, оттирает в угол, к двери. За дверь... Я понимаю, что эту чертовщину нужно и можно перебороть в себе. Но я не знаю, как это сделать.

Однако я отвлёкся...

Три раза меня выписывали из районной лечилки и – боль врача ищет – клали обратно. Так как я опять сильно распухал.

В больнице у меня завелись большие друзья. Ма-аленький ста-аренький дедушка Кирила Клёнов. Я звал его просто дединька Кирик. И была ещё тётя Нина. Дробышева.

Нас слила одна боль.

Мы целыми днями не расставались.

Сидим жалеем друг дружку. Жалеем, жалеем да вдруг и ударимся в слёзы иль в шebutной смех.

В последний раз меня положили именно на ту койку, где лежал дедушка Кирик.

Значит, лежу я и думаю, как ему там-то, дома, расхорошо.

А соседец мне и посмейся:

– Ну что, думовладелец, ты горячий заместитель Клёнова? Съявился, задохлик, амбразуру закрывать?

– Какую ещё амбразуру?

– А такую. – Он угробно сложил синюшные лапки на цыплячьей грудке, на секунду закрыл печальные глаза. – В ту амбразуру, голубок, как в трубу дым, всё человечество вылетело. А так, ёлы-палы, и не закрыло. Уж как дорогой минздрав предупреждал: «Лечение опасно для вашего здоровья!» Уж ка-ак слёзно предупреждал-уговаривал... А вот пустыри не слушаются... И совсемуще навпрасно. Ведь у каждого врача своё кладбище! И если врачун перестанет регулярно по-

полнять его своими «вылеченными», его же больные, доведённые в мучениях до отчаяния, скоренько самого уроют с песнями как профнегодника на кладбище его ж дорогого имени! Доходит?.. Поймал ситуацию?.. Вот твой дедука и... Полный триндец...

– Ты что? Какого веселина перехлебнул? Или у тебя болты посрезало? Когда я даве уходил домой, дедушке стало лучшать!..

– Вот именно... – сосед постно уставиля в потолок. – Стало... Да... Как верно подмечено не мной, «больной уже почувствовал улучшение, но врачи взяли ситуацию под контроль» и...

– Гроби отсюда! Да у тебя фляга свистит!¹⁸ Ты что несёшь?

– Что имеется в наличности...

– Ты хочешь сказать... Дединька Кирик помер?!

– Ещё на той, больнуша, неделе отнесли в расфасовку.¹⁹ Наглуха Загиб Иваныч²⁰ угрёб и не охнул... Вот такая расплошка...

Эта весть засекала мне сердце. Замутилось у меня в голове. Я встал и побрёл зачем-то к двери. Меня шатало.

– Ша, мышки амбарные!.. Шуба!.. Ёжики идут!²¹ Ложись, братовня! Ложись! – шепчет сосед. – Все по местам! Каваль-

¹⁸ У тебя фляга свистит – о сумасшедшем.

¹⁹ Расфасовка – морг.

²⁰ Загиб Иваныч – смерть.

²¹ Шуба! Ёжики идут! – предупреждение об опасности.

када движется. Последний парад наступает!

Тут дверь сама мне встречно распахивается. В палату набивается обход.

Упал я перед своей докторицей на колени и заплакал:

– Я не хочу умирать, как дедушка Кирик! Я не хочу умирать! Переведите меня... пожалуйста, с его койки!

Свободных коек не было. Поменяться со мной никто в палате не захотел. В коридоре класть не решились. Зима.

– Горе ты мое горькое, – утешает лечилка. – Потерпи денёшек-другой. Как кого выпишем, так и уважу твою просьбушку. А ты уважь мою. Иди ложись.

– Не могу...

– А ты переступи через не могу, ляг и ничего с тобой до самой смерти не случится. У тебя ж ничего серьёзного! Скоро выпишем!

– Не переведёте – сегодня же меня здесь не будет.

К той злосчастной койке я так больше и не смог подойти.

Дождался у двери, пока ушёл обход, и кинулся к нянечке. Неслышно вытащил у неё ключи из широко раскрытого кармана на боку халата, что натянула поверх душегрейки, забрал свою одежду.

Ключи честь честью тишком вкинул назад нянечке в карман, переделся в уборной и благополучно выскользнул из лечебки.

Дома я объявил, что у меня ничего страшного. А потому и выписан по обычаю на домашнее лечение.

Трудно мне поверили. Никаких справок наводить не побежали.

Слилось, может, так с полгода.

Иду я как-то раз из школы. Уже напротив своей калитки увидел почтальонку. Машет мне. Широко кидает руку из стороны в сторону. Такое впечатление, точно гонит от себя настоящий, тяжкий дух. Была она с глушиной. Подхожу я к ней вплоть. Она и шумит мне с погрёком:

– Слухай ты, Валера который... Ты вон, орёлек, как при- всегда, всё за наукой гоняисси! А товаронька твоя, Нинок-то, совсемко заскучала... Примёрла! Царствие ей небесное...

Я оцепенел.

Выходит, следующий я? Конечно... Кто же ещё?

Верёвка...²²

Из оцепенения меня вывели нарастающий жалобный стон и шлепоток полуторки. По осенней плыла хляби.

Что же делать? Чего ещё ждать? И на черта ждать? Какой смысл ждать? Сегодня... Завтра... Велика ль разница?

До машины оставалось всего несколько шагов.

Я выскочил ей наперерезку. Заслонил лицо брезентовой сумкой с книжками, повалился наземь...

Как потом я понял, машина вильнула, будто отпрянула от меня, толсто накрыла мне грязью голову, плечи, спину. Она с корня снесла нашу калитку, плетень и по самое брюхо вряхалась в нашу же грядку с чесноком под зиму.

²² **Верёвка** – безвыходное положение.

Обложив меня незнамо каким этажом и поминая богову мать, шофёр за ухо выдернул меня из грязюки и, не выпуская, мёртвой хваткой держа за ухо, поволок к отцу на правый бой.

– У тебя что, все батарейки сели?! – хрипло пришепётывал он. – Совсема раздолба повредился разумом! Прибитый на завязи... Тоже нашёл игрушку – со всей дури под колёса кидаться! Пускай батечка кре-епененько смажет тебе мозги!.. Чтобушки не скрипели...

Отец всё видел в окно.

Он готов был разнести меня на молекулы.

Моя выходка была ему чем-то вроде красной тряпки для быка. Батый отбуцкал меня мокрыми вожжами.

Я захлёбывался от обиды и слёз, убрёл из хаты.

Ночевал я тогда первый раз в скирде соломы.

Я возненавидел всё!

Возненавидел родителя! Возненавидел соклассников!
Возненавидел больницу! Возненавидел врачей!

О эти врачи! Первые горячие помощнички смерти! Что эти пинцеты понимают!? Да они там только и знают по шесть раз в день лупить уколы! Столько натолкали в меня пенициллина – горло заплесневело! Сёстры обматывали столовую ложку марлей, макали в йод и продирали, прочищали горло...

Залечили эти таблетологи дедушку Кирика. Всё пихали в бедного какой-то трынтравин... Залечили тётю Нину. А

тоже к диете привязывали!

Да плевал я на вашу диету с высокой кучи! Буду мять всё, что под руку ни подлети! Ну хотешко перед смертью наемся вволюшку!

Никакой диетологини!

Я стал наворачивать всё.

– Ты чего всё вподряде лопаешь, как свинёнок? – пытается за столом родитель. – Иль думаешь, что в рот полезло, то и полезно?

Мамушка и заступись за меня:

– А ему, Павлуша, врачевцы разогрешили, – заикалась и жалко моргала она.

– Чему только этих колпаков и учат! – хищно обсасывал наш хан лошадиные бивни. – У этих халатов по семь пятниц на неделе! То строго держи диету. Всё молочное. Всё несолёное. Соки... А то... – скосил на меня угрюмый взгляд. – Ишь ты! Рвёт селёдку, как шакалёнок козе горло!

– Голодом, Павлуша, ещё никто от болезни не откупился... Хочется малому есть. Значит, дело к поправке мажется.

А когда мы остались одни, мамушка и плесни:

– Ты, сынок, ешь, ешь взаподрядку всё, что душеньке мило. Ешь, да не ленись пройтись-пробежаться когда. Когда побегаешь, по себе знаю, оно вкусней естся. Ты бегай. Мне сдаётся, это к пользе. Стрясывай с себя большую пухлоту.

Я начал много ходить. Стал по утрам обливаться холодной водой в тазике. Зуб на зуб не приходит. А я знай полошусь.

Но бегать-таки не отваживался.

Сам по себе я не мог бегать. Мне надо за кем-нибудь бегать. И без видимой причины по деревне неловко пластаться. Скажут, сбился дурёка с ума.

И надумал я из школы и в школу пришпоривать за грузовиками, за тракторами, за повозками.

Оденусь, бывало, и к окну. Время идти. Я стою. Выжидаю. Завидел что на колёсах и задал бежака следом.

Раз за вечерей родитель и накатывается:

– Ты чего за машинами гоняешься, как бобик? Только что не обгавкиваешь...

Мамушка и тут поверни дело ясным лицом ко мне:

– Врачей, Павлуша, велела. Бегать ему надушко.

– А за аэропланом скоро повелит скакать?

– Да обскачет и аэропланий твой, будь у малого велосипедка. Давай-но укупим... Парубец у нас счастливуха. Что да, то да. Проверял вон облигацию и выиграл.

– Ну, коли самолично облапошил государство, возьми ему в премию этот хвостотряс...

На дворе ещё первый толчётся свет. А я на своём новом конике и завейся не в Скупую Потудань, так в сам Нижнедевицк. Что туда, что туда в один конец двадцать километришков. К урокам я поспевал обернуться. И так изо дня в день.

Велосипед, бег и вода отпихнули от меня врачей. Здоровому врач не надобен!

К концу школы я окреп. Забросил валенки.

9

Намечтал я шатнуться в сельский институт да вернуться в Синие, как мамушка, агрономом. Свой растить хлеб горел.

А дружки и подкуси:

– Или ты, товарисч, пупканутый?²³ Ну какой из тебя студент прохладной жизни? Да иди ты пустыню пылесось!²⁴ Тебя ж по здоровью к институту не подпустят на ракетный выстрел!

Я и фукни им всем в глаза:

– Ёшкин кот! На спор! Да я в любой амансаран²⁵ без звука промигну! По здоровью вломлюсь даже в само ракетное военное училище!

И проскочил, кури мой лоб! Не ударил в грязь яйцом.

Делать нечего. Надо учиться, курсант Липягин²⁶!

В грамоте я был не в последних. В школе на второй год не отсаживали. Трояков не хватывал. Из четвёрок да из пятёрок никогда не выпрыгивал.

То да сё.

Вот уже на носу и распределиловка.

²³ **Пупканутый** – с серёжкой в области пупка.

²⁴ **Идти пустыню пылесосить** – просьба оставить в покое, перестать надо-едать глупостями.

²⁵ **Амансаран** (армянское) – университет.

²⁶ **Липяг** – небольшой лесок в степи.

Первый раз в жизни задумался я, горелый колышек. За голову схватился.

Мамушка родная! Да какой из меня вояка?! Какой из меня службист? Воротничок вечно застёгнут! Встань по команде! За стол по команде! Ложись по команде!.. Даже, пардонушко, на горшок и то по команде! Всю житуху по команде! Не-е... Не гожо... Не хлебать мне эти щи!

Ёшкин кот! Что же предпринять?

Сесть за рапорт? Глупо. Отстегнут, отчислят под фанфары ни с чем.

А мне надо слиться с военной сцены красиво. По лавру. С почётом. С дипломом то есть.

Надо схитрить.

Через месяцок выпускные. Сдам. Дождусь присвоения лейтенанта и тогда, с поплавком, непотопляемый, просись, пожалуйста, в запас!

Экзамены я сдавал ни шатко ни валко. Это был мой манёвр. Начальству после легче будет отпустить меня домой.

На экзамене по литературе любопытный дедок пристал, как мокрый лист, с дополнительным вопросом: «Что вы скажете о замужестве Татьяны Лариной?» Не стал я распинаться по учебнику. Из своих запасов отломил:

– А что я новенького доложу? Надоело ей неизвестно где, когда и с кем, она и порх замуж.

Думал, лебеда врежет. А он трояк на вздохе отстегнул.

Своих не топим!

На физподготовке надо было перепрыгнуть обложенную кирпичом яму в два с половиной метра. Лоб мне свой ещё дорог. Я предусмотрительно обежал яму.

Дальше заскакиваешь на лестницу.

С неё идёшь по доске.

На земле хватаешь ящик с песком, бежишь по траншее. Дальше окоп, там две имитационные гранаты. Швыряешь в пулемётное гнездо. Первой гранатой я попал в цель. А вторая с моей помощью сорвалась и надёжно улетела в гости к госкомиссии.

Гордая комиссия благопристойно разбежалась.

Ни в кого я не попал.

И вот экзамены позади.

Приказом министра обороны Малиновского мне присвоено звание лейтенанта. Диплом в кармане!

Теперь можно и за рапорт.

Я припомнил родной армии всё!

И то, что зимой курсанты ходили без верхней одежды. На морозе зуб по зубу автоматной очередью строчил! По всяк день почки настукивали мне о себе!.. Припомнил и то, что тайком от товарищей я носил под гимнастёркой тёплый свитер и обливался холодной водой. Этим и спасался. Больше, писал я, не могу я скрывать свою болезнь.

Раскипелся – целую тетрадь измазал рапортом. Так раскатал себя, такой пасквиль навёл на своё здоровье, что министр без звука уволил.

Мамушка не знай как обрадовалась моему приезду.

А батон (отец) – высоко себя ставил! – даже руки не подал. Побелел. Набычился. Желваки дрожат.

– Хоть ты моё рождёное дитё... Руки я тебе не дам... Ещё мараться... Ты дезертир! Ты дезертировал не только из армии... Из самой из жизни дезертировал! Государство панькалось с тобой. Так утратилось! Всё учило, учило, учило! А ты?

– К твоему сведению, я по болезни пришёл.

– По дурусти да по лени! У тебя ж планка съехала! На таких больших целину пахать! Испугался труда, ответственности. Лодыряка! Привык гонять вальта! Попомни моё отцово слово. До те, пока ты не вернёшься назад, в армию, я не считаю тебя своим сыном.

– А я и без твоих условий вернусь солдапёрить²⁷. В том твоём училище совсем задолбали науками. Отдышусь, отоплюсь, откатаюсь, откупаюсь, отбегаюсь, отгуляюсь, отлюблюсь, отразведусь раза три, ещё женюсь и с семьёй сам вернусь тащить службу. Мне необходима семья, чтоб снять всякие подозрения на болезнь. Я считаю, женат человек – здоров, а не женат – нездоров.

Жизнь у нас не заладилась.

Батюня не разговаривал со мной. В презрении вообще не видел меня, топтал под пяткой.

²⁷ Солдапёрить – служить в армии.

Я исправно платил ему той же звонкой монетиной.

Бедная мамушка слабым огонёчком на ветру металась меж нами, ловчила присмирить нас с отцом и день ото дня всё гасла, гасла, гасла...

С полгода я на измор косил изюмишко да прилежно читал храпницкого. Плотно отдохнул и прикопался в школе в воеводах.²⁸ В серпентарии²⁹ только у меня не было своего стола. Подоконник заменял мне стол.

А через неделю пристегнули мне и уроки по труду. Бывший трудила серьёзно заболел. Впрягли меня сразу в две тележки. Ну, впрягли, я исправно тащу свои возки. Видит директор такое моё пионерское прилежание и говорит: «Бог любит троицу. А чем ты хуже Бога? Кидаю я тебе и кнутик. Будешь ещё и погонщиком ослов.³⁰ Чего тебе? Денежки не нужны?» Я ничего принципиального не имел против шуршалок.

Месячок так отпустя дуректор Баян Баяныч (этот бугор вёл музыку) великодушно воззывает меня на первую подковёрную бучу.

– Липягин, *lumen mundi*³¹ вы наш! Если желаете *in*

²⁸ **Воевода** – учитель начальной военной подготовки.

²⁹ **Серпентарий** – учительская.

³⁰ **Погонщик ослов** – учитель физкультуры.

³¹ Светоч мира (латынь).

perpetuum³² остаться in optima forma³³ в школе, hic et nunc³⁴ прекратите с учениками здороваться за ручку да потрудитесь уж заставить их величать вас не Валеркой или Валерио-холерио, а Валерием Павловичем. Что за панибратство? Ещё чего доброго – такова, увы, natura rerum³⁵ – станут просить закурить!

– Не выпросят. Я не куритель.

– Ну станут угощать. Вы же не откажетесь!

– Может быть.

Я смотрел на дурика, не понимал его и думал, тёмная лошадка чиновничье начальство. К чему оно? Чтоб держать в вожжах подчинённых? Чтоб-с портить людям жизнь? Чтоб бить по протянутой детской руке только потому, что ты учитель, а он ученик? Глядя на старшого, не примется ли он по нашему образцу обижать младших, слабых? Кого мы так воспитаем?

Эха! Сеем, сеем вроде разумное, доброе... А нивка-то камень, вечно не пахана! Что взойдёт-то, господа сеятелёчки?

Тут, конечно, не нужно большого ума, чтоб уловить существенную разницу в моих и директорских взглядах на педагогику.

И мы, понятно, расстались без горьких слёзолитий.

³² На вечные времена.

³³ В наилучшей форме.

³⁴ Здесь и сейчас; тут же; немедленно.

³⁵ Природа вещей.

«Обида как ни тяжела, а поскулила и ушла».

Я переметнулся на почту.

Правда, не ямщиком. Прилип письмоношцем.

– Э-эх... Был учителем и – несчастный почтальонишка! –

Гордей солоно выматерился. Обругал меня круглым слоффрайером.³⁶

Я был, естественно, другого мнения о себе. Не мог согласиться с Гордеем и снова залез в спор.

– Хочешь, тупак, в твой СХИ я на спор поступлю!? И будет тики-таки!

– Ха! На рак бы не сел!..³⁷ Да ты, мозгодуй, хоть бы в морковкину академию³⁸ впрыгнул! Тебе даже наш нижедевицкий кембридж³⁹ не светит!

Я доказал, что я вовсе не какой там дурилка картонный, не глупей него. На спор жикнул именно в тот СХИ, где уже заочно мучился Гордей.

И мы вместе стали ездить в Воронеж на сессии.

Будущие агрономы...

Гордей уцелился разводить сады. Метил во внука Мичурина.

Да снесло во внуки Обломова.

Как-то на маслозавод привезли саженцы киевских кашта-

³⁶ Слоффрайер – дурак.

³⁷ Сесть на рак – потерпеть неудачу.

³⁸ Морковкина академия – сельскохозяйственный техникум.

³⁹ Кембридж (здесь) – профтехучилище.

нов. Три саженца оказались лишние. Выбросить жалко.

Стали просить Гордея, возьми да возьми воткни у себя на пустом подворье.

Гордей вроде и не против каштанов под окнами. Да лень нести саженцы. Лень рыть ямки. Лень поливать.

Ребята с завода воткнули-таки ему под окном те каштаны.

Под кроной дальнего каштана темнеет курятник. Прямо из крыши курятника льётся радостный стан раскидистой яблони. И по весне, в пору цветения, бело-розовое облако плывёт над сараем и никуда не уплывает. Лишь одну эту яблоню и можно отнести на счёт Гордея и то с большой натяжкой.

Однажды после лесных яблок Гордей поленился бежать в ночи далеко в бундесрат на огороде, присел – такого совесть не убьёт! – меж закутками.

И поднялась-возросла на том месте яблонька.

Понадобилось место под курятник. Глухой простор забили досками, надёрнули толь, оставив в крыше дыру для яблонева тела.

И растёт яблоня из курятника. Густо цветёт. Только яблоки её никто ни разу не пробовал.

Червивые, гнилые яблоки опадали быстро. Даже кабану Гордей не осмеливался их давать...

Вот такой выплавился из Гордея садовод.

А я мечтал растить хлеба.

Да ни колоска у меня не поднялось.

Эхма, мечты, мечты... Так и манит пустить лихими стихами уличного варева:

Мечты, мечты, где ваша сладость?

Мечты ушли, осталась гадость...

Весь ералашка в том, что, кончив институт, я не стал агрономом.

Парадокс.

Видишь ли...

Покуда я заочно мучился именно на агронома, дома меня постоянно крутило в учениках, будто щепку в омуте, и потом уже, как самостоятельно хватнул дело в руки, – во всякую работу я был въедливый! – кем только ни терпужил! И пекарем, и каменщиком, и маляром, и стропальщиком, и плотником, и слесарем, и токарем, и охранником, и милиционером, и лесником, и линотипистом... За шесть институтских лет я добросовестно изучил-прощупал до глубины все эти ручомёсла. Ну не богатство ли это моё?

Тут нужно немного отшагнуть назад.

Как я уже говорил, после матери отец поджанился на другой, и я отбыл из дому чужие считать углы. Наверно, совестно стало батыю. Выкупил мне отдельную поганенькую хатёшку. Так, одно название. Под соломенной. Всеми ветрами прожигалась.

Навалилась зима.

Мне и вовсе худо.

Была у меня тоскливая постель, как у курсанта. Ни пуха ни пера. Даже тёплого одеяла не заводил. Конечно, я б наискал тугриков на одеяло. Но я из принципа не покупал его. Ещё разоспишься в тепле. А долго спать вредно. На стенке у изголовья у меня сидели рядышком под ржавыми кнопками вот эти две газетные вырезки. Это мои иконки.

(Первую заметку я показал Глебу, но он её выбросил.)

Врачи признали длительный сон опасным для жизни

Сон, длящийся более рекомендуемых 7–8 часов, повышает риск преждевременной смерти.

Это установили исследователи из Килского университета в Великобритании. Работа была опубликована в журнале *Journal of the American Heart Association*.

Ученые проанализировали данные 74 исследований, участниками которых стали более трех млн. людей. Оказалось, что те из них, кто спал около 10 часов в день, на 30 % больше были подвержены риску преждевременной смерти, чем те, кто спал около восьми.

Также десятичасовой сон на 56 % повышал риск смерти от инсульта и на 49 % – от сердечно-сосудистых

заболеваний. Плохое качество сна повышало риск развития коронарной недостаточности на 44 %.

Отклонение от существующей нормы сна в большую или меньшую сторону повышает риск развития болезней сердца, поясняют исследователи. Они рекомендуют врачам обращать больше внимания на качество и количество часов сна при консультации пациентов.

Здоровый крепкий сон приводит к тяжёлым заболеваниям

Крепкий здоровый сон всегда считался источником новых сил. Однако любопытные британские ученые опровергли эту теорию. Как сообщает газета Daily Mail, именно во сне человек может приобрести целый букет болезней.

Если человек спит на спине, у него есть все шансы заполучить астму и проблемы с сердцем – объясняется это пониженным содержанием кислорода в крови.

Спящим на боку тоже не стоит радоваться. Им придется чаще обращаться к косметологам, поскольку при такой позе появляются морщины.

Если человек спит с подогнутыми коленями, ему понадобится помощь сразу нескольких врачей – боли в шее и мигрень практически обеспечены.

Шея страдает и при сне на животе. Вдобавок будут неметь руки, а в определенных случаях можно

свернуть еще и челюсть.

Что касается пар, любящих спать в обнимку, то у них спустя некоторое время начинают болеть и спина, и шея, и ноги, и руки.

Других вариантов сна у британских ученых не нашлось.

Плохо искали. Даже у себя дома. А у них же под носом, в Лондоне, дорогой товарищ Маркс вон нашёл. Сидячий. Но это, правда, всё равно его не спасло. Помер ведь вседорогой товарищ Маркс как отпетый тунеядец. Весна. Солнце. Народ кто где. Кто в поле. Кто у станка. А дорогой товарищ Маркс немного почитал за столом свою нудяшку «Капиталишко» и потянуло его накоротке отдохнуть. Прямо в кресле неосторожно сидя задремал, а там роковая дрёма плавно перетекла в сон, и товарищ неосмотрительно уснул. На минутку, как думалось. И то ли поленился проснуться, то ли просто забыл проснуться. И досвидос!

А ведь жутковато.

В каком же варианте спать безвредно?

Только в одном. Совсем не спать!

Совсем не получится. Ну, по минимуму надо ехать.

А минимум удобств гарантировал минимум сна.

Унырну под одеяла – у меня было целых два байковых! – обложусь для согрева всеми пятью кошками и до утра бедное сердце с холода дрожит. Дрожью я грелся и не давал себе разоспаться. Берёт себя для долгой жизни.

Воскресенья я ждал. Как Пасхи!

По воскресеньям были мужские банные дни.

В эти дни прилетал я в баню к открытию. К десяти. Уходил последним.

И так всю зиму.

Делал я это не потому, что был большой чистоба, а потому, что я не мог вынести дома морозину.

Бегал в баню греться.

Мда-а... Что и говорить, мёрз я тогда круто. Раз во сне мне был даже вещий голос с небес: «Хватит тут дрыжики продавать. Давай устраивайся в «Огни коммунизма»⁴⁰ старшим заместителем главного истопника. Минуту назад это место освободилось...»

По приказу небес я тут же проснулся и загоревал ещё хуже.

В Двориках же у нас крематория нету. И в Воронеже нету. Надо ехать в Москву. Да как же это я покину свои родные Дворики?

И не поехал я в Москву на тёплую работу.

Надо строиться!

За весну и лето рядом с отцовым чумом я поднял новый королевский домик, чем привёл в невозможное замешательство отца, соседей.

Об этом своём подвиге я не стыжусь сказать под момент.

⁴⁰ «Огни коммунизма» – крематорий.

Вот тут-то, на постройке своего детинца,⁴¹ мне и понадобилось всё то, что на всяких ремёслах я твёрдо набил руку.

Работал я в ремстрое, выписал кирпича.

Мне как ударнику труда выписали без митинга.

Сам стены клал.

Верх сам сгандобил.

Двери с лазом для кошек сам навесил.

Сам печку выложил на чистую душу.

Окна сам вставил.

Одно слово, всё, всё, всё сам. Я не Машутка там какая Кривоногих. Руки у меня всё же правильно пришиты. А кому талант, тому всё.

Как видишь, не на засолку собирал я себе эти пятнадцать ремёсел. Нужда заставит сопатую любить...

Итак, учился я на агронома.

К этой главной своей идее я подлаживал всего себя. Уж к чему, к чему, а к учебе отношение у меня всегда почтенное. Коллекционировать тройки меня не прельщало. Такую зачётку стыдно поднести кому. Хотелось всё как посолидней сдать.

А хочешь сдать хорошо, готовься к сессии по серьёзке.

Я старался выкласть душу. Да разве одновременно ладом готовиться к сессии и работать возможно? Учеба первой всего!

За месяц-полтора до сессии я увольнялся, мёртво брался

⁴¹ Детинец – крепость, кремль.

за учёбу, сдавал экзамены и зачёты. А после сессии шёл уже проситься на новую работу. Отсюда и набежало столько ре-мёсел мне в сети.

А самое важное дело, ради чего пускай и на спор весь сыр-бор я затевал, так и не далось мне.

Не-е, по бумажной части полный абажур. Диплом почти с отличием мне честь честью отдали. Ромбик такой красивый тоже отжаловали.

Ветром радости несло меня домой к мамушке. Была мамушка уже в больнице. Ну, думаю, увидит диплом почти с отличием, сразу поднимется!

Мамушка меня не узнала.

Я ласково поднёс поближе диплом почти с отличием, значок.

Она как-то сморщилась, изморно замахала на меня руками. Надёрнула одеяло на лицо и жертвенно, с надрывом заплакала.

До самого конца мамушка не узнавала меня. Только устало и угрюмо смотрела на диплом из моих рук, вовсе не понимала, что это такое.

Да понимал ли я сам?

Я уходил от мамушки...

Диплом почти с отличием топорщился в кармане. Мешал...

И с ним я так и не стал агрономом.

Не дошёл до своего полюшка...

*Страх высоты многим мешает делать карьеру.
Джангули Гвилава*

И для Гордея, и для меня третий курс оказался завальным.

На третьем курсе быканат⁴² требует справку, что ты, такой-то, арбайтен унд копайтен по избранной специальности.

Не постеснялись, спросили справку у Гордея. Гордей был богаче меня двумя курсами.

К той поре Гордей раскушал, что ему выгодней доспать до бабьей пенсии на лавочке под дверью у компрессорной,⁴³ чем менять всё, ставить всё кверху тормашками и начинать новое, садоводово, житие Бог весть где и Бог весть как. Тут ты воздаёшь храпуна, и сны идут тебе в зачёт как вредные. По вредности выскочишь на пенсион еще крепеньким петушком.

Это раз.

Во-вторых, прибился он к мнению, – хватил выше Ивана Великого! – что способней и спокойней покупать яблоки-груши в ларьке, нежели самому растить.

Вследствие всех этих умствований Гордей заленился соскользнуть на колею садоводческую – ему не послали вызов

⁴² **Быканат** – деканат.

⁴³ С аммиаком связан компрессорщик. Его работа считается вредной. Имея вредный стаж – 12,5 лет, – он может идти на пенсию в 55 лет.

на сессию.

Неслышной, сухой веточкой отпал Гордей от института.

Но вот звонит мой час.

Я раскланялся с почтой и уваялся на практику в ближний колхоз, в село Малиновые Бугры, или, как их ещё звали, Вязники.

Там-то я и увяз.

Ни с того ни с сего кинули мне сразу вожжи от целой бригады. Иди направляй!

От такого навального доверия стало жутковато.

А тут посевная.

Первая моя посевная...

Что за народ сбежался в поле?! Мат на мате.

Шатнулся я в просвещение.

– Мужики! – кричу. – Не смей ругаться на севе! Урожая не будет!

Они ржут.

Я свои вожжишки не роняю:

– Один вон уральский учёный двадцать лет изучал силу бранных слов. И доказал... «Зёрна, политые водой, которую ругали трехэтажной бранью, проросли лишь на 49 процентов. Вода, заряженная вялым матом, подлучшила результат – 53 процента проросшей пшеницы. Затем учёный полил семена водой, над которыми читал молитвы. И семена проросли на 96 процентов».

Меня крепенько просмеяли на все боки и я притих со сво-

ей гипотезой "О влиянии ненормативной лексики на психофизическое состояние живых организмов".

Не дождался я своей первой уборки. Под матюжок сломала меня моя же первая посевная... Первый блин... На то он и первый, чтоб просвистеть комом.

Один сменьшил норму высева семян, ловчит побольше намотать гектаров на колесо. Второй архаровец в менялы заделался. Чувал семенного зерна при мне меняет на бутылку бормотухи или кисленького. Надирается по-чёрному и горит с вина.

Умом просекаю, надо бы мне этого менялу за хвост да к участковому. А я не могу.

Душа умирает...

Все тащат живым и мёртвым. Я не могу видеть эти страхи. Не то чтоб на дыбы всплыть – боюсь, ядрёна марш, голос поднять. Сбегáю! Абы не видеть. Абы не быть свидетелем. А то ещё прибьют да закопают... В каждой избушке свои погренушки.

Или...

Погодистый день.

Позднее, старое утро. А у меня ещё не все в работе.

Иду, погоныч, гнать в толчки.

Приворачиваю к уваловой, раскормленной бабёнке. Она будто ждала. Моментом на стол дымных щец, сметанки, мяска.

Буркнул про работу.

Надо бы и уходить – ногй поднять не могу.

Знамо, голодная блошка выше прыгает. И до таких степеней я напрыгался, что нету моей моченьки подошвы от пола оторвать. Приварило! Как тут уйти?

Столбом торчу на порожке.

Молчу.

А у самого голова с голода кругом идёт.

А в животе некормленные медведи ревут.

А она, ахрютка, заводит свою сахарную песнь песней:

– Жаль каковецкая! Поди, Валер Вы наш дорогой Палыч, устали, бегамши по дворам да выгонючи в толчки наших чёрных коммунариков⁴⁴ у поле? Не поевши сами, гляди? Жёнка-то хоть какая значится в наличности? Есть ли кому подкормить?

– Откуда... Я ещё студент. А студенту нельзя жениться. Если он будет уделять основное внимание жене, вырастут хвосты, а если учёбе – рога. А ежель разом хватнётся с жаром за то и за другое – отбросит копыта... Получается кислый пшик...

– А Господи! – полохливо и дробно крестится она. – Это ж куда такая ига бегить?! А... Совсема выпала из толку, со всема вылезла из ума... Пирожки ноне расхóроше пеклись! Не зябли! – и выносит, смертушка верная моя, на расшитом петухами полотенечке цельную горуху ещё тёплых пирожков со смородинкой!

⁴⁴ Чёрный коммунар – колхозник.

Знает, продувная бестия, чем добить!

Я вижу, как пирожок сам радостно заворочался в сметане, сам только ско-о-ок мне в самовольно распахнутую настешь варезку!

Я даже пожевал. Но проглотил лишь язык.

– Да что ж Вы, Валер Вы наш дорогой цветочек Павлович, навстоюшки? – всплёмкивает руками. – Садитесь! Пожалейте по́лы. Нехай не висят. Нехай трошки отдохнут! Покуда полы отдохнут, и Вы ж, Валер Вы наш цветочек Павлович, подзавтрикайте чем Господь послал. А то што ж на пустой желудок об дело язык колотить?

Я, шпендик, отнекиваюсь.

А колёса сами несут к столу.

А цапалки сами хватают пирожок.

А бункер сам уже раскрывается!

Смотрела, смотрела жалобно тетёха, как я не жевавши заглатываю пирожки, подпёрла пухнявой ладошкой розовую щёку. Пожалела по-матерински:

– Худы, худы-то што! Впряме ходячая смертонька!

За работу хоть меня и не хвалили, так зато не корили за еду.

Отпустил я ремень на три дырочки.

Напёрся, как поп на Пасху!

Какую тут работенцию спрашивать?! Поклонился поясно да на разбольшом спасибе и выкатился.

Расписал я Гордею первую свою бригадирскую неделю.

Гордей и насыпья на меня:

– Когда ж ты станешь мужиком?

– А кто я по-твоему?

– Му-жик? Ты му-жик? Думаешь, раз таскаешь два яйца, так и мужик? Яйца и у козла есть! Зла не хватает... Хорош гусик! Хор-ро-ош! Вот только не летаешь!.. Или у тебя болты посрывало? Как же ты, Шляпкин, такое зевнул!? От этой глупости надо уходить так... Не с того ж конца погнал ты, дураха, свою практику. Не с того... Какую кашу сварить, ту и будешь хлебать!.. Надо было, тайга, начинать с председателюги. И тогда все твои бугровские страдания сами собой рассосались бы, как нечаянная девичья беременность... Чего было с предом цацкаться? Он что, тебе родич? Как же... Твоему забору девятый плетень! Хо-оп этого председателька за жаберки, бумажулю в зубы. Хоть яловая – телись! Давай, контра, по госцене мясо, картошку, млеко... Набрал и пускай хозяйка знай готовит. Тогда б ты чужие куски не сшибал! Был бы круголя независимый. Сам бы кусал!

– Не могу я... Люди же! Как-то неудобно...

– Ойя! Или ты, Недоскрёбкин, стукнутый? Как говорил один, «да тебя даже послать некуда. Всюдушку ты уже был!». Или у тебя кисель в коробке? Ну брякнешь, на кулак не натянешь! Видите, благородство его закушало! Святоша! Не про тебя ли сама Цветаева всплакнула: «Не стыдись, страна Россия! Ангелы всегда босые»? Боженька ни у кого не оты-

мал права на глупость. Но зачем ты злоупотребляешь? Думаешь, они тебя пощадят? Подключай голову! Соображай! Действуй! Стучи!.. Разве дверь, в которую не стучишь, сама тебе откроется?

– Да-а...

– Вот именно! Шевели своей понималкой! А то придумал – неудобно! Неудобно на потолке спать, одеяло сползает, да и то гвоздями можно прибиться! А тут... Ты что же, хочешь прожить, как сурок в норке? Чтоб-с никто мимо не прошёл? Чтоб-с никто не спугнул? Чтоб никто, наконец, не пёрднул тебе в норку?.. Ты бригадир! Шишкарь! А быть давилой⁴⁵ и не кусать нельзя. Тогда тебя слопают! Вот что... Хочешь королевствовать в агрономах, дуй в рейхстаг.⁴⁶ Прямиком к первому. К самому партайгеноссе Сяглову! Распиши, что за безобразия в тех Буграх. Эта твоя неделя – экзамен на зрелость, на доброчестность! Экзамен на право быть настоящим человеком, если хочешь. Всякое дело начинай чисто!

– Я что, тормозной? Ты чему учишь маленьких? Выносить сор из избы?

– Выноси, милок. Чище изба будет.

Я рванул в райком. Прямой наводкой к нашему бобру Сяглову.

Но пока бежал я проклятые полкилометра, никакого за-

⁴⁵ **Давила** – начальник, руководитель.

⁴⁶ **Рейхстаг** – райком КПСС.

пала во мне не осталось. Вместо молний и грома, на что поджѣг меня Гордей, я развесил нюни, расплакался самым препасквильным образом.

– Заберите меня из Бугров... Я там помру с голода... Не могу я там... Не хочу... Виктор Семёныч... Миленький...

Меня отозвали.

Однако Бугры не отпустили меня с миром.

За неделю моего бригадирства у меня в бригаде скомуниздили сто сорок мешков семенного зерна. Пролетел я с мешками, как фанера над Парижем... Так лёпнуться родным кокосом в грязь!.. За зерно я не отвечал, я отвечал за мешки. Один мешок стоил рублёвик. Мешки пустили как бывшие в употреблении по полцены и при расчёте с меня вычистили семьдесят рэ. Рупий таких я не успел заработать. Пришлось родительскими откупаться.

В институте лежала моя справка, что я бригадирствую в колхозе. Мне аккуратно подбрасывали вызовы на сессии. Я аккуратно сдавал. Но Гордею я признался, что агрономом, наверное, не буду.

– А зачем учишься?

– Чтоб-с умнее быть, пожалуй... Ёшкин кот! Докажу тебе, что не такой уж я пустолобик.

– Ну-у, братец, глупее не придумать. На что мне твои жертвы? Вон я... Почувствовал, что выпал из меня садовод, я честно и брось институт. Чего зря тянуть с государства? А

ты, плужок... Ну кто ты сейчас? Маляришка? Маляр тоже нужен. Но нужен ли стране маляр с двумя высшими образованиями? Хапанул ты у родной державушки сверх полной меры. А кто за тебя будет отдавать?

Этот разговор долго не отпускал меня.

Как-то подспудно я чувствовал, что в ту бригадирскую неделю разминулся я, пробежал мимо чего-то очень большого и важного в самом себе, в своей жизни, но именно мимо чего – я не мог и себе сказать. Не знал. И это незнание тревожило, дёргало меня не во всякий ли день.

Задолго до диплома, не за полгода ли, засуетился я панически, завертелся.

Примчался в районное управление, открытым текстом прошусь к ним на службу.

– А опыт у вас какой-нибудь есть?

– Ну зачем же какой-нибудь? У меня хор-ро-оший есть! Я в Буграх бригадирил. Мно-огому научился! Мне б подале от материальной ответственности... Обжёгся на этих мешках... Как смерти боюсь этой матьответственности... Возьмите на самый бедненький окладушко... Ну что вам? Лишь бы только в управление. Лишь бы ни за что не отвечать.

А мне почему-то весело отстёгивают:

– Нет у нас такой должности, чтоб ни за что не отвечать.
Ладно.

Уже с дипломом беру я этажком ниже:

– Помогите устроиться агрономом хоть куда. В любой колхоз иду!

В управлении мне сулятся помочь. Твердят, нужен я. Заявляюсь на место – не нужен.

И что поразительно, на местах везде поют одинаково.

– Нам нужен на бригадира, на управляющего агроном со средним образованием. А у тебя высшая подготовка. Тебе подай главного агронома. А главный у нас есть. Так что ты нам не подходишь.

Мне тогда и подумалось, а не круговой ли заговор тут? Может, покуда доберусь я от районного кабинета до колхозного, из районного десять раз позвонят и накажут, чтоб не брали, расподробно раззвонив им про мой препасквильный скандал в Буграх?

Вот так клюква!

На родной сторонке места себе не найти...

А может, родная сторонка заколдована от меня?

Ну и пускай!

Не пропаду, не отброшу копылки в любом другом месте. Лишь бы при земле служить! Мне б только прикопаться хоть в самом захудалом колхозишке «Красное дышло».

Я в институт.

Попал под раз. Распределяли очников.

Попросился.

В охотку сунули в дальний конец области нашей.

Так уж припало, к бугру в овраге,⁴⁷ к председателю, я вошёл с одним парнем. Рука к руке пилили автобусом. Оказа-

⁴⁷ Бугор в овраге – начальник в кабинете.

лось, этот телок тоже агроном. Только из морковкиной академии, из техникумишка. Тоже по распределителю.

Взял перед наши дипломы и в бухгалтерию; вроде звонит куда-то и так громко говорит, а что говорит не разберу.

И что же вы думаете? Возвращается. Сначала в дверях появляется нос, семерым Бог нёс! Весь важнящий, спина шифером. И тычет пендюк в малого, рубит сразу, без митинга:

– Тебя я беру, середнячок. А тебе, – ткнул в мою сторону моим дипломом, – дать мне нечего. У тебя ж, – голос у него насмешливо улыбнулся, – слишком высокоушая образованка. Нечего мне тебе предложить. Не знаю пока, что и делать...

Я и всполошись.

Чего ещё не хватает в этом колхозе? Что ещё не так? Неужели я снова не на той телеге не с теми людьми припёрся не в тот колхоз?

Он будто угадал мои мысли и как-то пришибленно кивнул:

– Да-а...

– Ка-ак?! – остолбенел я. Хватнул воздуха, как тот заяц, что выскочил от охотников на опушку, и ну наотмашку чертей лепить: – Вы ж давали заявку в наш институт! Просили именно главного агронома себе! Да я и сам прежде чем стукнуться к вам в кабинет заходил в бухгалтерию, спрашивал, есть ли у вас главный. Мне и ответ: нету, вот ждём-с.

Да кому было печатно сказано в одной газете: «Не греми ключами, подобранными к шефу»? Надо было вымолчать до

поры. А я, козлий лобешник, с горячки всё и бухни, что знал. Пред и всплыви на дыбошки.

– Ну-у... – взялся он с лица морозцем. – Ежли вы знаете лучше меня, что у меня в доме есть, а чего нету, так как же нам, мил друг, столкнуться?

Я бы сказал, да ум совсем раскорячился. Молчу, как килька в ушице.

Так молчаком и побрёл к автобусу.

Я не нужен...

Тогда на что я учился? Да нет. Не может того быть... Вот так и не нужен? Неужели совсем нигде и никому не нужен на своей земле?

А может...

Неужели у меня завёлся персональный «коричневый карлик»?⁴⁸ И кидает против меня все эти козни? Тогда мои дела совсем швах... Да что я?.. Я ль один?.. Эта ж отморозенная «Немесис» тащит смерть всей Земле!!! В том числе персонально и мне. Без исключения... Так надо что-то предпринимать, тундряк!

Что ж мне... Постой...

Другие учёные вон тоже нашли в космосе кольцо пыли, в котором может существовать планета, похожая на Землю. Закатиться б туда! Да далековато. На отстоянии 424 свето-

⁴⁸ Ученые Национального управления США по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА) обнаружили невидимую планету в составе Солнечной системы. По мнению американских специалистов, появление глобальных катаклизмов, происходящих с перерывом в несколько десятков миллионов лет, вызвано действием именно этой планеты «Немесис» («Звезда смерти»). Исследователи утверждают, что она превосходит по размерам Юпитер в пять раз и является «коричневым карликом», не поддающимся визуальному наблюдению. Гравитационные поля «Немесис» направляют в сторону Земли поток метеороидов, комет и астероидов, что может привести к глобальным катастрофам.

вых лет от Земли.

Неужели весь свет восстал против меня?

Со стыда я готов был провалиться на три тарары. Воистину, удалой долго не думает: сядет да воет.

Земля, земля...

Если не принимаешь в свои работники, так расступись. Сокрой...

Ну чего гордо сидеть на нулевой кочке, смиренно сложивши лапки на груди?

Либо... Закачусь куда к чертям на кулички. На чужих дрожжах, глядишь, ещё подымусь!

– Дай, – прошу Гордея, – любой адрес. Сгину. Так мне всё в Синих постыло!

– Кати колёса в цветущую Грузию. Ну! Места красивые. Девульки горячие. Под боком целое море тёплое! Ну! Чего не пожить?! Может ещё статья, вернёшься с шахматиками.

– Тебе б всё выгибаться.

– И не думал. Кочеток ты молодой. В силе. Любвезадиристый. Не исключено, возложишь на какую грузиночку принципиальный, агрессорский глаз. А у грузин за обычай дарить невестам шахматы. Думаешь, чего это целых двадцать лет грузинки чемпионничают в мире? Наловчишься ещё почище Каспарова крутить фигурами и на доске, и в жизни. И потом... Там ты будешь в цене. С жёнками-тётками культурно обходишься. Рук не поднимаешь. А в Грузии... Там и по-

словица есть такая. Солнце не осмелится взойти, пока муж не побьёт свою жену...

Гордей назвал мне совхоз «Насакиральский».

Там Гордей жил со своими до армии. Сказал, к кому из хороших его знакомцев шатнуться при случае за поддержкой. Дал даже записки к ним.

Где-ка этот «Насакиральский»?

Это туда пониже, пониже, как по карте смотреть. Не у самой ли границы с турками.

Юг! Турчанки! И прочие гражданочки мусульманочки. А вдруг встречу какую?! Как себя с нею вести? Чтоб не ударить в грязь яйцом, побежал в библиотеку... Надо подковаться. И вот натолкался на такую первую газетную статьюшку...

Первая брачная ночь мусульманки

Желательные действия в первую брачную ночь. Положить руку на голову жены и сказать: «БисмиЛляхи (во имя Аллаха)» и попросить Его благословения в браке. После этого новобрачным желательно совершить два ракаата намаза-нафиль и читать после него дуа. Желательно накрыть стол с едой и напитками на второй день совместной жизни и позвать родственников, близких, Исламских ученых.

В целях преодоления чувств скромности, смущения девушки, молодой человек должен разговаривать с ней, шутить, поласкать ее, когда они останутся наедине. Перед су-

пружескими отношениями мужу желательно читать дуа:

”БисмиЛляхи, аллахумма джанибна шшайтана, ва джанниб шшайтана ма разактана (Во имя Аллаха. О Аллах, отдали шайтана от нас и от тех, кем ты нас наделишь)”.

Все виды половых отношений дозволены в любых позах, с условием, что происходит это во влагалище. При повторном половом акте супругам желательно совершить ритуальное омовение (вуду) или искупаться (гусль).

Переписал я эту цэушку, положил в нагрудный кармашек и поехал.

Правда, цидулька эта мне не пригодилась. Никакой мусльманочки я пока не встретил.

Ну ладно. Пережуём эту горю...

Держу дорожку на «Насакиральский».

Ехать туда просто.

В Натанеби, под Батумом, я пересел на пригородный поезд.

Общий летний вагон был забит школьниками.

Черноусая гренадерская тетёха с курчавой прореженной бородёнкой, как у подлетков на первом усу, простуженной трубой гремела посреди вагона:

– Дэти! Продольжим нашъ урёк на руска эзык. Эсчо разик повторяю... Запомнытэ... Слова *сол* и *фасол* пишютца бэз мягки знак. А *вилька* и *тарелька* – с мягки знак.

Припав на минутку к бездонному кладезю грузинского

просвещения, я больше не слушал русланку,⁴⁹ а пялился в окно.

За полтора часа поезд домчался мимо скал, мимо моря до разопрелого меж гор городка Махарадзе.⁵⁰

А от Махарадзе до совхоза можно уже и пеше дорулить.
Не возбраняется.

Стал я собирать чай.

Чаёка, конечно, растёт там на кустах не теми плотными пачечками по сто граммов в каждой, что берёшь в магазине.

Дали мне ведра на три корзинищу. Сплетена из тоненьких бамбуковых полосочек.

Посадил я ту корзину на пояс сбоку, переступаю меж рядами боком и дёргаю ломкие, хрусткие росточки величиной так с палец. Рву и в корзинку. Рву и в корзинку.

Рву день. Ничего.

Солнышко кавказское. Птички опять же кавказские. Девчошки черненькие. Смазливки. С дичинкой. Тоже не завозные. Кавказские...

Ну ладнушко.

Рву два дня. Рву три.

А надо сказать, не просто рву, а рву, переломившись в поясе надвое. Кусточки-то низковато сидят. То до коленки, то, извиняюсь, до тазика.

⁴⁹ **Русланка** – учительница русского языка.

⁵⁰ Сейчас Озургети.

лавка, с товаром! Что заработал, жертвую на ваши дожди.
Цвети, чаёка, кудрявее!

– Валера! Не дуракуй!

– Да плевать я на всё это хотел с высокой кучи...

– Сильно плюётся верблюды. При этом он верблюдом и остаётся. Но человек... Разве может человек одними плевками решить какое-то дело? Ты же хороший парень. Не бродяга... Чистенький... Не пьёшь, не прогуливаешь. Замечаний к тебе нет. Все тебя выхваляют. Помнишь? Когда я оформляла тебя разнорабочим, я спросила: «Что сюда завело вас, человека с двумя высшими образованиями?» Ты буркнул: так уж сложилось. А что сейчас?

Совестно в глаза глядеть. Я рога в пол.

– Катунчик, я должен уехать. – И пробую раскидать тоску. – Пить так пить, молвил слепой кутёнок, которого несли топить.

– Но ты-то не слепыш! Девчата, между прочим, с интересом, с надеждой уже поглядывают на тебя. Ещё уберём под венец с тобой такую кралечку! Есть одна на примете...

– И потом всю жизнь кисни на чаю? Не-е, Катюшка, не мешай мне. Я сам смешаюсь. Так уж спеклось... Я должен уехать.

– Должен. Но разве обязан?

Сухум не принимал.

Наш поезд зацепился за какую-то корягу в Келасури.

Выскочил я из вагона – я на всех остановках выхожу, занятно ж таки посмотреть, что за места проскакиваешь, – бросил глаз вокруг и обомлел:

– Господи-и! Красотень-то каковущая!

Слева море, люди. Кто купается, кто на песке поджаривается. Бедолаги чуть не дымятся!

Справа горы фигурные в лесах.

Распахнул я рот, потянулся глазами от корени к вышке диковинного дерева. Кепка с меня свалилась.

– Эчто, кацо, красиви? Ух... ух... Я так скажу... Келасури – зэмной пилиал рая! Нэт, да?

– Филиал, филиал, – бормочу я, без охоты поворачиваюсь на голос. Поворачиваюсь и вижу: по-турецки загнав под себя пухлые родные поршни, расселся, как чирей на именинах, короткий толстячок моих лет. Ухает от зноя, обмахивается розовой войлочной шляпой.

На самом верху руки по дужке синее вязевая надпись: *Син Кафкаса*. Пожалуй, передо мной не кто иной, как сын Кавказа.

– Ну что, сынок, клапана горят? – подмигиваю я мученику. – Трудно, вломак, загорать?

Он улыбается шире моря.

– Трудни, трудни... Уф... жяра... Плёхо... Вино будэт тёпли, и мой дэффочка будэт потни...

Тут ко мне заговаривает широкий, надёжный в кости благообразный дедок с белым мазком бородки:

– Извините. Я понаблюдал за вами... Вижу, нравится вам здесь. А вы, признаюсь, нравитесь мне. Потянуло к вам. Человек держится человеком, как плетень кольями. Я с места в карьер... Я здешний лесничий. Оставайтесь у меня лесником...

– Батя! Да вы что? Я ж, – веду руку в сторону, – вот с этого милого поездунчика.

Моя рука глупо висит в атмосфере.

Нету ни первого, ни моего последнего вагона! И вообще от поезда уже и след накалился.

Спасибо, что вещей у меня то и было, что на мне.

Мда-а... Номерок. По-аглицки сбёг от меня мой поездуха...

Денег до Двориков не хватало.

И неволя вжала меня в лесники.

Мой новый старшой, Кирилл Ильич Голубев, детски обрадовался мне.

– Да наши леса – это!.. – высоко начал он и не нашёл слов про то, что же такое абхазские леса, продолжал нотой ниже: – Это «убежище древних растений»! Это... На громких пейзажистов ходят в Третьяковку. Берут билет и идут смотреть. Но картины, увы, – копия природы, причём, может, не самая лучшая. А оригиналы, а оригиналы – вот они! – широко повёл рукой вокруг. – Я не побоюсь назвать наши леса Третьяковкой под открытым небом. Представьте, близ Сухума уцелели девственные леса с редкими древними породами. Жи-

вут только у нас! Да каждое наше дерево, каждый кустик, каждая травка – живая поэма! Я попробую вам рассказать... Одна московская газета с лишним пафосом пела про меня: "С ним войдёшь в лес тупицей, а выйдешь академиком". За-видую вам. Вы молоды. В вас сила танцует!. А мои дни захо-дят, гроб за задом волочится...

Я грустно покосился ему за спину. Он смутился.

– Лесные университеты будем одолевать по ходу дела. Главное для нас с вами сберечь кипарисовую нашу рощу. Это вам не сучки сбивать. Придётся много штрафовать и вон этих, – взгляд на пестрые палатки меж деревьев, – дика-рей, брезентовых самомучителей, и вон этих сынов Кавка-за, – качнулся в сторону толстяка с татуировкой. – Придётся смотреть в оба. В полтора не в моде. Как говорится, бди одиннадцатую заповедь: не зевай.

Уже на второй вечер в форме и с пачкой квитанций я хо-зяином шествовал по кипарисовой роще. На своём подворье и петух генералиссимус! Кругом народу, точно колосу в уро-жайный год. Бродят, как куры. Кой-где курчавятся тягучие дымки. Сыны Кавказа жарят шашлыки!

И первый, на кого я нарываюсь, был вчерашний красунец в гулевой компании таких же ветрогонов. Меж ними шьются пляжные мамзельки.

– Здравствуйте, – говорю я в крайней строгости.

– А-а! Здравсти, дорогои! – в сладком поклоне тянет он

мне руку. – Садысь, генацвалико. Сами дорогой гост будэш. Сэчас вмястэ с наш дэффочка будэм шашлик кушить... Но сначала выпьем!

– Выпьем! Выпьем! – защебетали пляжные чайки и стали хватать с разосталанной по скамейке газеты уже полные вина бумажные стаканчики.

Син высоко поднял свой стаканчик:

– Скажю-да тости... Товарищ Лессинг сказал: «Мир житейский – это часы, гири которых – денги, а маятник – женский пол». Так выпьем же за то, чтобы исправность хода данных часов зависела только от нас, часовых дэл мастеров!

Син выпил с утырками и только тут заметил, что я не приотронулся к стаканчику с вином.

– Пачаму бэзответствэнно отрываэшся от коллэктива? – насуровил брови синок. – Пачаму нэ пиёшь?

– На службе... Нельзя-с...

– Тогда кушай шашлик! Умнэй будэш. Как говорила мая троюродни дэдушка, ум живёт в желудке...

Оно, конечно, доброе слово и карасю радостно.

Однако я с подначкой, не в лад бросаю:

– Хоть оно и говорят, не учи дедушку кашлять, а я всё ж скажу. Дедулька не учил? Не носи свою ложку туда, где нет твоей миски?

И не выхожу из строгости, продолжаю держать свою суровую марку:

– Почему развели костёр в неподобающем месте?

– Дорогой! Шашлик жарят там, где душа хочет. А душа хочет на бэрэг моря! Под кипарис!

Ветки кипариса свисают низко. Того и жди пыхнут. Кипарис легко ловит огонь.

– Извиняюсь. С вас штраф.

– Пожалуйста, дорогой. Бэз извинэни!

Мы обмениваемся "верительными грамотами". Я ему квитанцию, он мне штрафную пятёрку.

И не было дня, чтоб мы не обменялись.

Конвейер этот до того у нас отладился, что "син", выше глаз занятый шашлыком и вековыми многостаночницами, загодя накалывал на ветку штрафную пятёрку. Я не досаждал весёлому гульбарю. Тишком снимал с ветки тугрики, вешал на то место квитанцию и утягивался в город подкрепиться.

В Сухуме я выбился в вегетарианцы. По нужде.

У меня был тонкий карман. Своих капиталов водилось невдохват. Оттого, правясь в столовку, я ловчил наесться, не доходя до неё. И это мне удавалось.

Сухумские райские улицы тонули в инжирах. Это что-то из сказки. Честно идёшь по улице, а спелые, репнутые инжиры как праздничные фонарики у тебя над головой горят на солнце тёмно-вишнёвым жаром. Будто молят истомлённо: ну возьми, ну возьми же нас, мил человек!

Как не уважить?

И потом, всё равно ж то там, то там падают с укором. В

лепёшки бьются об асфальт.

Остановишься, горькая душа, вытаращишь глаза, как прирезанный баран, на эту диковинную красоту и на всякий случай для возможно затаившихся за оградой хозяев долго держишь на лице восторг перед инжиром, а сам тихонько озираешься. Убедился, что опасности нет, живо рвёшь в простор рукавов. Накидаешь полные рукава, в сторонке понадёжней перепрячешь в себя – вот и сыт я до горла, хоть блох на пузе дави.

Но вот пошли инжиры на убыль.

Последний люд радостно повёз во все концы света счастливый сухумский загар.

Приугас и мой гладун.

Прихожу раз... А уже осень, заходил дождь. На берегу он совсем один. Как Христос в пустыне.

В своей огромной, как аэродром, кепке сидит у хиловатого костерка. В печали крутит ус.

Завидел меня, через силу состроил улыбку.

– Что такой грустный? – вхожу я в любопытство.

– А, дорогой, – вздыхает, – бэдному толко и остаётся, эчто уси подкручивать...

– Что так? Ёшкин кот! Какая беда тебя придавила?

Глаза в песок. Скорбно молчит. Будто в рот набрал воды. Конечно, молчать он может долго. Под боком же полное море! Воды хватит ого-го на сколько.

– Чего молчишь? Какое горе тебя подломило?

– А, генацвале... Мой умни зэмляк Джангули Гвилава хорошэ сказал: «Отдых на морэ укрэпляет здоровье и расшативает морал»... И эщо дорогои Джангули сказал прямо про мэня: «Любовник – это мужчина со знаком качества»! Вот... Знак мой стёрся... Сижю вэсь расшатанни... Эст у мнэ почти три одеял...⁵² Не малчик... Плэхо... Дэффочке надо каменни стояк, а не моя юмористическая восьмёрка... А я могу толко хорошэ погладить по руке, по спинке... Это лубофа? Мои дэффочка смэётся и називает мэня: мой гладиатор...⁵³ Всэ мой дэффочка, всэ мой птичк уэхал на сэвэр... Всэ бросил мнэ. Маленьки я козёл, зато рог болшие. – Он грустно поднял руки, трудно пошатал воображаемыми рогами над головой. – Наставили... Где плэтень ниже, там и перелезают... Дыалэктыка, дорогои... Да-а... Джигита, чито упал с осла, нэ сажяй на скакуна. Из этого ничего хорошего, – скорбно потыкал себя в сальные грудки, – нэ будэт... Ти понимаешь это, мой генацвалико?

Я не спешил оставить его одного в такую минуту безрадостную.

Посидели молча, значительно поглядели в землю.

Ну чего тут размуздыки разводить?

Я засобирался вставать.

– Нэ покидай и ти мне, – тоскливо взмолился он. – Оди-

⁵² В старину на Кавказе возраст человека определяли одеялами. Одно одеяло – двадцать лет.

⁵³ **Гладиатор** (здесь) – импотент, половой демократ.

ноки чалавэк чувствуэт свой одиночество и во врэмя еды. Вмэстэ будэм кушить мои последни шашлик...

– Нет, дорогой, каждый ест с в о й шашлык, – зафилософствовал я, глядя на ветку, где на привычном месте не было штрафной пятёрки. – Не всякой я дыре гвоздь...

Он сокрушенно протянул мне полный кулак мелочи.

Я пересчитал. Подаю назад пять лишних копеюшек:

– Взятки не беру.

– О кацо! – всплыл он в обиде. – Возми сэбэ!

Сказано это было на весь упор, на высочайших тонах и с таким широким, царским жестом, точно он навяливал мне миллион.

Я таки добросовестно вернул ему его пятак.

Сам дьявол качнулся в его глазах. Со смертельным оскорблением вломился мой *син* в амбицию:

– Ти не уважаешь мне! – докладывает во весь рот. – За цели месяц ти ни один раз не хочэш кушать мои шашлик! – загнул мизинец. – За цели месяц ти не хочешь взять сэбе ни один мой капек! – загнул безымянный. – За это, дорогой, я зар-рэжу тебе ровно два раз! Приходи завтра, дорогой, посмотри, дорогой, как из тебе я шашлик жарить буду. Приди толко... Нэ забуд... Денги у мне нету на барашка. Из тебе тэпэр буду дэлать шашлик!.. Сначала выпьем за моего лучшего соседа Ваню! И не за то, что Ваню имеет два машин и одну служэбную. Ми тожа не пэшком ходим! И не за то, что Ваню имеет два квартир и два дач на бэрэгу Чёрни мор.

Ми тожа нэ в хижинах живём! И нэ за то, что Ваню имээт жэну и три любовниц – ми тожа нэ с ишаками спим! Выпьём за то, что Ваню – чесни и принципиальни чалавэк. Он дажэ со взятки платит-да налоги! И ти за такого чалавэка не выпьешь? Только попробуй! Сначала выпьём, а потом я буду из тебе шашлик-машлик жарить. Толко приди Не забуд... Вот тэбэ напоминаю... Толко приди, дорогой...

Ну его! Ещэ ни с чего умолотит в гроб. Только свяжись с этим джигитом... Видал, на завтра сулит полный расчэтишко. Значит, даёт миром уйти. Надо уходить.

Его эта угроза явилась тем лишним пёрышком, от которого и судно тонет.

Я ушёл из лесников.

И не жалею. Всё время я чувствовал себя в лесной тарелке неуютно, скользко: не при своём деле кормился.

Может, на третий так сухумский день увидел я на столбе объявление. Звали специалистов на Амур, в совхоз "Надеждинский". Я написал. Мне живой рукой ответили, агроном им нужен, но нету жилья. Из-за жилья я и не поехал.

Наконец брошен вот и лес.

Куда деваться? В Синие возвращаться? Так скоро не рука было показываться Гордею на глаза. Неловко...

Тогда где искать приюта бедной головушке?

Шапочный знакомец, сосед по пляжному топчану, шутя помани, я и кинься за ним, как собачонка-голошмяк.⁵⁴

⁵⁴ Голошмяк – бездомный.

Задудло меня сухумским ветром аж на Камаз.

В отдел кадров толкнулись мы уже к закрытию.

Трудовую мою с почтением возложили в сейф под ключ. Сказали, оформим с утруска завтра, а сейчас идите отдыхайте с дороги.

Выписали мне бумажку в общежитие.

Общежитие мне глянулось.

На новом месте спалось легко. Как в детстве.

Парни в комнате мировые. Всё! Амба! Песец! Хватит метаться, хватит дуrolомить. Прощай, жизнь с дымом!

Здравствуй, Камаз!

Остаюсь по гроб дней!

Да с моими пятнадцатю ремёслами начальники цехов будут рвать меня на сувениры!

Но утром по пути в кадры я стороной прослышал, что в соседнем общежитии по нечаянности глубокой вроде как выронили одного в ночное окно. Была вчера получка. А в получку как объехать буревестник?⁵⁵ Вот и разыгрались ваньки-в-стельку... Так могут выронить и меня!? Кидаются в окна трудовым народом, ну как пустыми семечками!

Выхватил я свою честную трудовую и дай-подай Господь ноженьки!

Прощайте, камазятюшки, шальные козлятушки! Целоваться взасос не будем. Ну вас! Некогда!

⁵⁵ Буревестник – пьянка.

13

В Воронеже я присох к охране завода. Как я считал, на спящей должностёнке. Да ну один чёрт ей рад.

Ночь. Добрые люди спят. А ты слоняйся, как дурасёк со свистком. Это было противно моему естеству.

Хорошо птицам. Господа учёные доказали, что птицы могут спать в воздухе. Оказывается, те же фрегаты умеют полностью «отключать» мозг во время полёта, впадая в глубокий сон примерно на минуту в то время, когда воздушные потоки поднимают тела птиц вверх. Сейчас минутку покемарил, потом ещё минутку – за сутки набегает целый час полноценного сна в полёте.

Об этом я думал всё первое дежурство, до бешенства распалаял себя тем, что я ничуть не хуже Гордея.

Гордей вон даже в дневную смену безбоязненно спит запоем себе на здоровье на лавочке у компрессорной. А вредный стаж растёт.

А тут ночью майся!

Я не стал противиться природе. Тем более, нарешил я, глупо. Начальство ж умнявое – на то и начальство! – спокойненько задаёт у себя в серали храпунца. Не подловит.

Едва заступил я на второе дежурство, сон подсёк меня прямо на порожках. Даже не дал в караулку войти. Сидя я уснул.

Бугор (начальник) смаячил у меня оружие, благоразумно не разбудил меня.

А утром пролупил я родные глазоньки и обнаружил вложенный мне в руку приказ о моём увольнении. Прощай, спящая красавица!⁵⁶

Нигде и никому я не нужен...

Назад! Назад!! Домой!!!

Весь белый свет слился у меня в одну ясную точку Синие Дворики.

Простите, Дворики, меня. Простите и примите назад своего блудного валушка...

На автовокзале народу, как мурашей на сладкой корке.

Еле дотолпился до кассы.

– Милушка! Один до Синих! На сейчас!

– Или под глазами нос потерял? Не видишь? – В зелень крашенный коготь тукнулся в объявление на стеклянной отгородке. – Всё написано. Читай!

– А-а... Я читал... Нету... Ну и что? А ты, милаша, всё-таки подай один без места... У меня ж и без сдачи. Ровно руб три!

– Повторяю русским языком. На отходящий ничего нет. Бери на следующий. Через час пойдёт.

– На следующий так на следующий, – бормочу я, соображая своё, и радостно гаркаю: – А на следующий, любаня, по-

⁵⁶ Спящая красавица (армейское) – часовой.

давай уже два!

Кассирша захлопала метровыми фиолетовыми ресницами:

– Перед кем выхорашиваешься?

– А перед жёнкой! – созоровал я. По плечи вдавился в окошко, совершенно секретно докладываю: – Да за твой час я на всю жизнь жену себе тута такую отхвачу!.. Малый я добутной... Людей кругом без провороту. Есть из кого искать...

Однако перед глянувшейся подмолодкой в очереди я побоялся распускать пёрышки. Всё же вокзал. На какую ещё западёшь. Уж лучше дуну я по старому адресочку!

Справа от автовокзала кошачий домик (женское общежитие строителей). Вахтёрит там на КПП пожилая грубоватая лосиха. Временами она признаёт меня за своего. С одной и той же заботой я не раз подтирался к ней.

Она знает, какую мне надо.

Знаю и я, что за так она меня и в упор не заметит. Хоть сядь я перед нею на её дежурный кривоногий столик.

Я ей, куряке, на лапу бах пачку «Беломора».

После "Беломорчика" у неё выказывается зябкий интерес ко мне.

– Ну что, Сахар Медович, – лениво надрывает уголок пачки, – грехи душу всё моют да в рай не пускают? Разбежался наш анчутка за пачку беломорин хапнуть целинку, за что уз-

коглазик бобёр⁵⁷ отвалил мильоны на мильоны? Ит⁵⁸ ждѣшь-пождѣшь, когда поднесу тебе розочку п... на золотом листу? Счас попробую, бесталаннѣй ты гуляничик...

Мимо настѣгивает вприбежку в прирастѣгнутой сверху фуфайке загвазданная белилами канашка килограммов так на шестьдесят. С аккуратненькой, бомбической фигуркой валторны. Не какая там глиста в скафандре...⁵⁹ И афишкой Господь не обидел. Логарифмы⁶⁰ весѣленькие... Ну, средненькая так. По мне самый разище. Ой-оюшки-и! Так бы и засигарил аварийный снайперский европоцелуй!

Внезапно меня подсекло рыцарское великодушие. Я отважно спасу её от изнасилования! И как? Опаньки! Да я просто-напросто её уговорю!

– То-онь! Зиброва! – окликает вахтѣрка мою спасѣнку. – Жми на стоп-кран! Не спеши. Не водой ит несѣт. Передохни... Подгребай сюда... Я чтой-то давнешко не видала твоего быка-кадревича. Где он?

Не срезая торопливого шага, Тоня сердито кидает-рисует кулачком перед собой в воздухе крест:

– Помер от счастья!

– Вот и ладненько! – осиянно смотрит на неё вахтѣрша. –

⁵⁷ **Бобёр** – богатый человек.

⁵⁸ 23-летняя азербайджанская модель Махбуба Мамедзаде с аукциона продала свою девственность за 223 миллиона рублей. Покупатель – политик из Токио.

⁵⁹ **Глиста в скафандре** – худая девушка.

⁶⁰ **Логарифмы** – женская грудь.

Вовремя отстегнул валенки. Ты тормозни... Может, тут в самый моментарий, – кивает на меня, – прибыла ит боевая генеральная заменушка. Глянь... Здесько вот этот мормон всё пытается, не сподобится ли у нас какая завалиющая метёлка, чтобушко согласилась отчалить к нему в Дворики.

Тоне вкрай некогда. Но послушаться дежурную не насмеливается. Пристыла на месте.

– Да-а... Выбегали случаи... – мнётся чужевато. – Ездили к другим. Только возвращались трали назад. А общежитие уже потеряно. Вон Настя Обогреева влипла в такое...

– Ну, шуршунчик, потолкуй, потолкуй, – глазами вахтёрша кажет на меня. – Ищет сердешный хомуток по шее. Ит сбился с шарниров. Можь, мимо своего счастья прожгла. Можь, ещё подойдёт этот чухарик...

Тоня скомканно взглядывает на меня.

Конфузаясь друг дружки, мы знакомимся.

– Эх!.. Старость не радость, а заменушки ит нету, – то ли с попрёком, то ли с завидками стелет вахтёрка и закуривает.

– Вы живёте, – затягиваю я Тоне свой царский романс, – в общем житии... В этой кошаре... Дожили до средней поры. А семеюшки всё нетоньки? У меня тоже почти нету.

– Почти? Это как же?

– Ну... Оговорился... Вы... Ты одна, я один... Неприкаянные два одиночества. Ну чего нам блуждать по жизни подврозь? Чего тут век размуздыкивать? Надоело ж ойё одному... Нервы совсем стёрлись. Да ну давай как-нибудь это

дельцо ладком обкашляем... Да сойдёмся... Да и всё! Чего тут?

– Нет. Я вас не знаю.

– Ёшкин кот! А не то я вас знаю! А весь доподлинно согласен!

– Вашему брату ещё б жаться.

– Добро бы сразу выходить. Через час там какой. А то ну дня через три! Куплю пиджак, чин чином кину доску на пол и могу жениться! У меня вавилоны свои. Новые. Дворец съездов! Лише осталось доской пол задёрнуть. Ну? Катнём ко мне на фазенду? Посмотрим? Союзом достроим! А в перерывах будем слушать песни Солнца!

Тоня диковатым зверьком уставилась на меня:

– Чего буровить всяко-разно? Какие песни? Какого Солнца?

– А какое на небке! Песни Солнца... Это не байка. Астрономы Шеффилдского университета даже записали сверхъестественную музыкальную гармонию, производимую магнитным полем во внешней атмосфере Солнца. Так что от всей души приглашаю послушать в Двориках музыку Солнца! Ну так едем? – кидаю я вопрос ребром, и он тут же выходит мне боком.

– Ну пельмень сырой! Щас бросай на бегу дело, лети в какие-то Дворики слушать чёрте какую музыку с Солнца!

– А чего не послушать?

– Незнаемый человек... Да ну куда это ещё ехать?.. При-

липательный какой-то вы...

– Боитесь... Будто я повреждённый. А хотите, я справку от врача покажу? Всё у меня нормалёк-королёк-бум!

– Ну-у... Справка ещё какая-то... Никудашеньки я не поеду.

– Но я на тебя уже билет взял! – кидаю я главный козырь.

– Да, Тоня, нехорошо, – из дыма впрохладку ворчит вахтёрка. – Нехорошо отстёгивать гражданинчика от счастья. Человек расчехлился... Затратился... Ит пронадеялся...

– Да про какую вы надежду?! – на нервах бледнеет Тоня. – Я этого марамоя впервые вижу и не собираюсь к нему!

– А я думал, – жую я слова, – красную судьбу свою встретил. Место подле себя ослобонял... Я тебе сразу всё выпел по чистой. Не могу я гнать ботву. Да, в паспорте за мной числится жёнка. Цельный школьный директорат! А в душе никакой директории нету давно. Я-то, утюг, полное лето уже не вижу её. Я в каком направлении шевелил извилинами? Приедем с тобой в Синие. В загсе вычищу бамбуковую директорку из паспорта и спишусь с тобой...

У защёлки в глазах металлический выблеск.

– Нет! Нет!! Нет!!! – в свинячий визг завопила Тоня. – Что я, ну блудиха какая?!

Протяжно и уныло задудела машина.

– Это меня! – просияла Тоня. – Обед к оконцовке уже... Я заскочила взять кисть да на новый объект...

И Тонька, эта бесхвостая белобрисая шелупонь, прынула

в гору по лестнице к себе в комнату.

А дежурная катком накатилась жучить меня:

– Не пойму, что ты за шутило? Что же ты за фруктик? Ни к лугу ни к болоту... Не-ет! Ты не дурак. Рождён так! Видали... Вынь-подай ему запасной самовар! Игрища вчисте за-теял. Ну и играй. Да по правилам! Кто ж по нашей поре ляпает от всей души, кто там у тебя в печёнках с наточенным ножом бегаёт? Там лихово дело к разбежке клони. А тут тихой сапой надёжно бей новые клинья.

– Неудобно лапшой шлифовать людям уши...

– Неудобно, лоб ты в два шнурка, в кармане зонтик раскрывать! Пока б ты там развёлся, твоя Тонька поди знай и дозрела б. Бери её, терминатор, голенькими рученьками да в загишко и снаряжай! Тихо-смирно дело слито. А теперища ит что? А чтоб я твоего козлиного духу не слыхала! Во-он отседова, хуйло, к голодным мышам на переделку! Бесклёпочный баклушник!.. Ну чего разинул хлеборезку? Брысь с глаз, отрыжка пьяного индуса!

К автобусу я dospел в свой час. Аккурат шла посадка.

Посадка как посадка.

Спорая. Без происшествий. Скучная.

Но вот на подножку вытянулся парень с высоким рюкзаком на плечах, с сумками-авоськами в руках и заглох в двери. Застрял. Крутнёт так, крутнёт эдако... Не взойти!

Это уже всем любопытно.

И рюкзак мешает, и набитые битком сумки мешают!

Молодая фигуристая белянка, похоже, жена, в суете сверху дёргает парня за лямку рюкзака. Угарно причитает:

– Саня... Саня... Са-а-а...

– Ну что, середнячок, заклинило? – подтрунивает кто-то из толпы.

Средняком у нас в пошутилку величают всякого, кто носит поклажу наперевеску. Сумка спереди, сумка сзади, а сам посередине. Вот тебе и середняк!

– Мужики! Кончай гонять порожняк! Чем балаганить, лучше б помогли, – умаянно просит беляночка.

Я был ближе всех к парню и взял одну сумку.

Другую подхватил мужчина рядом.

Парень присел и пропихнулся с тяжёлой рюкзаком в автобус.

– Билет?! – встромила глаза в парня кубоватая контролёрша.

– Понимаете, – заоправдывался парень, – нам с женой достался один последний билет. За второй мы водиле заплатим.

– Нет билета – нет посадки! – вскудахталась контролёриха, глухо закрыв своей ширью проход. – Растележился тут!..⁶¹ Сдавай назад! На выход!! Знать ничего не знаю!!!

– Видали, – вступился я за рюкзачника. – Нашла чем тётя прихвастнуть... Ничего не знаю! Не спеши выставлять. Вот

⁶¹ **Растележиться** – мешать, стоять на пути.

его и мой билеты!

Я подал ей два билета.

Ей нужно было надломить их с краю.

Но она видимо не совладала с собой.

Разодрала билеты напополамужи.

Краска густо плеснулась ей в круглое лицо. Она прошептала слова извинения, заверила, что можно и с такими билетами ехать, и на всякий случай предупредила водителя.

Жена рюкзачника села у окна. К ней подсел пьяный и тут же уронил ей голову на плечо.

– Может, вы ещё на меня и ляжете?

– Ну вот ещё чего... Размечталась!

Девушка рывком убрала своё плечо из-под головы пьяниста.

Моё место было рядом с рюкзачком.

Парень притолкнул высокий рюкзак к стенке, сам неудобно сел, невольно полуповернулся ко мне.

Неудобно было сидеть и мне, я еле-еле прилепился на краешке, как воробей на колышке.

– Во-о где ци-ирк! – Мокрый от пота малый задёргал воротом рубахи, как опыхалом. Сердито покосился на брюхатый рюкзак. – Раньше из деревни всё тащили в город. Теперь из города всё тащи назад в деревню. Долги отдавай!

Я заинтересовался его горькой жальбой. Спросил, что у него в рюкзаке.

– А вы пошшупайте, – сказал он нарочито на стариков-

ский лад.

Я потрогал. Что-то зернистое.

– Ёшкин кот! Рассыпное золото? – предположил я.

– Почти. Проклятое пшено! Из самой из Москвы пру! Все руки пообрывал. Спина горит, спасу нет.

– Вы что, едете в отпуск? Боитесь остаться без каши?

– Если бы песнь обо мне... Брательниковым курчатам пропитание везу. Из самой из столицы!

Конечно, я не поверил.

– Это, – хлопнул он по рюкзаку, – исполнение заявки. А вот сама заявка. – Он почти зло выдернул из потайного кармана пиджака конверт, вытряхнул из конверта вдвое сложенный лист в клеточку. – Получите документ эпохи! Почитайте на досуге. Поизучайте. Серьёзные мысли будит... Вот как нынче селянин зовёт брата-столичанина с женой к себе в гости. В письме нет адреса, фамилии. Можете оставить его себе на память. И делайте с ним, что хотите. Хоть печатайте! Только уговор, не спрашивайте, где живёт брат, как его фамилия. Ну, зачем человеку усложнять и без того сложную жизнь?

"Приезжайте в начале сентября, – писал брат. – Помидоры должны совсем доспеть. В этом году весна поздняя, всё с созреванием опаздывает, а здесь ещё дожди не дают матушке земле просохнуть. Приезжайте, ждём.

К вам просьба. Деревня просит у города... Продукты у нас в дефиците. Я где-то читал: «Дефицит – это когда всё

есть, но неизвестно где». У нас точно нету. Поэтому просим... Возьмите 4 кг колбасы хорошей. Если достанете, сухой возьмите 2 кг и 2 кг на свой вкус – это раз; пшена, если достанете, – у нас его нету, в Воронеже тоже не сыщешь с факелом в руках, – 15-20 кг – это два. И, наверно, хватит. А то Саню так можно надорвать. Счета оплатим мы, ну а за труды в долгу не останемся.

Что-то нашу деревню прижали. Колбасу иногда заставишь только в комиссионке, 7 р. 20 к за кг, мясо 5 р. на рынке и то не всегда бывает. Так что...

У нас все хорошо.

Да, если сможете, крышек хотя бы 50 штук".

По вороватому мелко падающему почерку я сразу узнал руку Гордея. Чудик таки у Гордея братухай. Этот хохмогон тайну из Гордея лепил. Или скрывал, к кому ехал сам?

То не новость, что к Гордею ехал братец. О приезде брата – раньше мне не доводилось его видеть – я слышал от самого Гордея. А то была новость, с чем ехал брат.

Конечно, кого удивишь тем, что сельчане прикупали продукты в Воронеже? Благо, у кой-кого машины, вжик и он уже пристыл к хвосту городской очереди.

Но меня поразило то, что пшено ехало в мои Дворики из самой из Московушки. Пожалуй, не ехало б, будь оно на месте. В том-то и закавыка, что на месте, на двориковских полях, просо растёт. Да только в двориковских хатах пшена я

что-то не вижу сейчас. Почему это происходит? Кто в этом виноват? Я? Гордей? Все остальные?

И я, и Гордей, и все остальные!

Однако мы с Гордеем, наверное, больше остальных?

Из всех своих пустых блужданий по чужбине я вынес одну святую радость: нет мне места милей Синих Двориков.

За что Синим такая честь? Разве не Синие согнали меня с земли?

А может, я сам себя согнал, согнал в ту далёкую неделю в Малиновых Буграх? Согнал своей трусостью, своей растерянностью, своим неумением постоять за свою землю, когда при мне ей лгали, когда её при мне обманывали, когда при мне её обкрадывали?

Ну на что я ей такой попуститель?

Так оно, пожалуй, ближе к вероятию, оттого во всю разлуку я покаянно думал про Синие Дворики, искал Синие в газетах, а найдя, клал вырезку из той газеты в потайной кармашек на груди. Про Синие воспечатано!

Где только меня не носило...

Где только не ломал я горбушку...

Пускай жизнь спихнула меня с земли. Но напрочь порвать с землёй меня не заставишь. Ну пускай вот я токаришка. Да при химдыме! А химдым состоит в услужении земле. Вот уже и я, дурнохлеб⁶², каким-то бочком пристёгнут в прислуги к барыньке Земелюшке.

⁶² Дурнохлеб – нахлебник.

Какой-нибудь погорячливый болтушник, может, и колыхнёт, ах, как это слишком скромно для агронома. Да что ж его разве прыгнешь выше себя? Уж насколько доступно, настолько и служу матушке.

Матушка наша жестока. В солнышко, в лето, никого от себя не отпустит.

А в зиму какие разезды? И разезжает ли деревня? А разве ей не в охоту посмотреть другие места?

И что мне намечталось...

Подамся-ка я в свои отпуска на велике по стране. Буду свозить в районный музей землю с мест боев, из городов-героев.

Увидит наш деревенский сталинградскую или брестскую землю в ампуле, задумается. Мне большей медали и не надо.

Я в "Урожай".

Идею мою подхвалили.

Я под свою идею и попроси подсыпать тугриков хоть на одну запасную шину.

– Милый ты мой Дунканчик тире Тушканчик! – взмолился председатель и стиснул за плечи так, будто собирался жать из меня масло.

С лица я до смерти похож на английского пловца Дункана Гудхью, чемпиона московской Олимпиады-1980. Я "работал" под него. Разлысил голову. Как и он, всегда брился наголо.

Председатель называл меня только Дунканом. Это мне

льстило. Ложилось на душу светло.

– Да я!.. Тебе!.. Готов!.. Тут вот смотри... Не пожалели целую... – Он щёлкнул ногтем по газете и накатился читать: – «Житель города Минусинска Юрий Бабаев получил на конкурсе садоводов всего лишь за один помидор новенький автомобиль Lada-2107... Сибирский садовод смог вырастить на своем огороде томат весом в 2,146 кг».

– Что за бредовня? Ты что тут давишь косяка?⁶³.. Да по сараю мне твои томаты! Ты на что намекаешь? До утра я, агроном по диплому, должен тебе вырастить помидорину уже в три кило?

– Ничего я не намекаю. Я просто хочу сказать... Люди вон не пожалели за одну помидорину кинуть целую «Ладу». Тебе б я тоже не пожалел «Ладу». Но у меня её нетуньки... Ну что «Лада»?.. Да я тебе на чёртову дюжину шин сыпану! Мало – повалюсь перед тобой на колени, в пуп поцелую, только ты спервушки спаси меня от выговорешника!

Председатель подолбил пальцем в какую-то бумажку на столе.

– Эта грёбаная ёблать!.. Ну надо ж!.. Бах! С небес сообщение ТАСС... Ну!.. Завтра дорогие областные бега. А выставить некого! Ни на три, ни на десять. За каждый километр – шину! Плохой допинг? Выручай! Я ж тебя не в Австралию засылаю на смех кенгурихам с кенгурятами. Все-го-то умоляю в ёблать в нашу обыденкой смотаться... Ну!

⁶³ Давить косяка – рассказывать небылицы.

Сбегай! Что тебе? Молодой! Хлётский на ногу! Ты ж на своём веле боинга⁶⁴ можешь обставить! Ну?

– На что мне всё это? – отбиваюсь я. – Ну нафига волку жилетка?

Однако председателяева лесь подломила меня.

И я замялся. Запереступал.

– Если бы стрельба... Метание гранаты... Плавание ещё... Мне не жалко. Какой разговор! Я тридцать часов держусь на воде. Свободно плаваю. Да на спор сам Ла-Манш перемахну и не замечу как! Или вот велосипед ещё... лешегон мой... Двое суток могу не слезать. Накрою шестьсот кэмэ и ни в одном глазу не мигнёт! А...

– Крутишь-то педали, поди, не носом! – с корильной лаской в нетерпении бросает председателишка и зачем-то наклоняется к моим ногам. Наклоняется со своим элеватором в тягостях.

Сердяга на "урожайных" хлебах такую мозоль натёр, что под ремень не утолкает. Это же каким тяжеловозом надо быть – без роздыху таскает на ремне свинцовый ком с хорр-рошую кадушку!

Пощупал он мои рессоры. Похвалил:

– Мускулы твёрдые. Как пестом набитые. Молодчук, Дунканчик!

И радостно заключил:

– Ой! Видит Боженька и ты тоже – весело пробежишь!

⁶⁴ **Боинг** (здесь) – автомобиль «Запорожец».

Похвальное слово забирает у меня последнюю волю.

– На марафонском бы просторе... – лепечу я. – На марафоне я всех подомну. Выносливости посверх бровей! А на коротких дистанциях я всегда в битых. Скорости у меня нету. На верный прогар сватаешь.

– Светунец! Или ты обиду на меня какую склеил? Что за крамбамбули ты несёшь? Паньмашь, мне не до жиру. Тут абы выставить кого! Нужна ма-ахонькая, до-охленькая галочка... Знаю, в выходной тебя с велосипеда не то что за спасибо – за большое спасибо не сорвёшь. Я и не срываю. Наоборотушки! Может, всё ж таки саукаемся? Что тебе... Утречком по холодку вместо разминки не спеша – «скоро только коммунизм строится» – не спеша до Воронежа барабанишь на своём мозготрясе свои шестьдесят кэмэ. А там – невелика беда! – берёшь с ходу в компанию и чёртову дюжину моих кэмэ. Просто и быстро!

– Гнать телегу⁶⁵ за столом пупка не надорвёшь. А шестьдесят километров – это всё-таки шестьдесят!

– Нашёл об чём слёзки лить... Ловкий! Сильный! Я горжусь тобой без перерыва на обед! Ну что тебе!?! Помоги слабому, – потукал он себя в жирные грудки. – И это сделает тебя самого ещё сильнее! Да ты впрохладь мигом пролетишь эти шестьдесят! Конечно, не обязательно до Воронежа рвать жилы только на своём веле. Может, удастся какой кусок пути проскочить на попутном автобусе... Или на грузовике...

⁶⁵ Гнать телегу – говорить вздор.

Велосипед под мышку, скок на подножку и со свистом вперёд! Идёт?

– Бежит! – окончательно соглашаюсь я.

Выехал я поздновато. Солнце уже в дуб.

Неспешной разминки у меня не вышло.

Лётом летел.

Еле поспел на стадион прямушко к старту.

Дыхание ещё не успокоил – пистолет. Надо бежать. Надо ложиться в бег на три километра.

Публика не понравилась мне сразу. Как, извиняюсь, дубари оглашенно кинулись вперёд табуном. Готовы подавить друг дружку.

Ну, думаю, мне с этими ударниками детей не крестить. Плевал я на них с Останкинской вышущелчки. Я свою тройку без давки, без пота возьму. Да и ну куда уж нам, маленьким поросяткам, за большими свиньями угнаться?

Взял я свой темп и иду. Иду ровно, благородно. Язык на плечо покаянно не выбрасываю.

Иду в гордом одиночестве. С самого старта горжусь собой.

И тут стадионное радио поддаёт парку́.

Оказывается, дело мажется к финишу. А впереди у меня никого. Одна поперечная белая черта!

Объявляют, всем слышать, первым идёт кандидат в олимпийскую сборную. Правда, фамилию я не разобрал. Да что мне разбираться? Впереди ж меня ни одного хорька! Я – пер-

вый! Я, Валерка-холерка, – пер-рвый!!!

Эге, думаю, я ещё не финишировал и уже кандидат! А что будет, как через полоску перескакну?

Трибуны взнялись. В ладоши хлещут.

Я рыскаю глазами. Где телекамера? Ага, вон...

Приосанился. Залопатил рыло.

Я помню, побеждает не тот, кто спешит, а тот, кто не торопится. Мне торопиться некуда. Бег попридержал. Иду степенно. Фундаментально. Иду на красоту. Момент роскошный. Знай благородно пошевеливаю родными помидорками. Всё-таки не каждый день снимают меня на телевизор, не во вред у камеры подольше помаячить. Крупным же планом в Дворики иду!

Тут оператор толкует мне на пальцах. Давай, славаохотливый, поживей! А то обгонят!

Оглядываюсь я.

О Господи! Всё то же плотное пылит стадо. Ха-ха! То всю прыть улепётывали от меня, а теперь мне в загривок сопите, висите на плечах? Так-то! Фирма веники не вяжет!

Оглянулся я ещё раз дополнительно потешиться над догонялами. Распаренные, злые! Того и жди, настигнут – разорвут. Не-ет! От этих рыцарей надо во весь мах уходить. Скорей стереться с экрана!

Особенно не понравился мне один, попереди всего табунка пластался, словно скипидаром смазан. Растопырился, как петух, хекает во сто паровозов, а туда же... По надежде ко-

нёк копытцем бьёт! Ишь, раскипелся. Не обскакал бы...

Дунул я изо всех рысей. Глазом не мелькнуть, как оторвался от нагоняльщика и этаким козелком, с подпрыгом, прынул через черту заветную.

Но гонга почему-то не последовало. Зазевались?

Для надёжности пробежал ещё метров пять и присох.

Тут ветром подкинуло ко мне малорослого, раку по сраку, дедка. Видать, из судей.

Велит этот дедок мне, покуда сердце горячее, идти наёмом дальше.

Я послал его самого подальше.

– У тебя, – говорю, – или ширма поехала? Что, кто везёт, на того и вали? Я и так первый пристыковался!

У него глаза по семь копеек:

– Или вы рухнули на кактус?! Да вам ещё два круга бежать до финиша! – взвился дедок. – Хлопайте в ладоши⁶⁶ поживей! Ну!

– А они побегут? – показываю на всех.

– А зачем им бежать? Они своё отбегали. Бегите же!

– Боже! Да что ж вы пристали ко мне, как сопревший лист к горькой яголке?! Не знаю, как вы там считали, это меня не касается. Но отрываться от коллектива я не собираюсь! Я как все. Мне больше всех не надо. Я добавки не просил! И потом. Чего я один побегу? С кем я буду соревноваться? С самим собой? Или с ветром?

⁶⁶ Хлопать ладоши (здесь) – бежать.

Дедок сморщился, как попенгаген после бани. Плюнул и отпал.

А мне тоже край некогда.

Кинулся я бешеным порядком искать новый старт.

Теперь предстояло бежать десять километров по улицам города.

На этом старте публика покультурней. Не давятся, как хрюши у пустого корыта. Не толкаются. Уступают друг дружке. Мол, путь долгий, на финише сочтёмся.

Чтоб не мешать погорячливым бегунчикам, я из вежливости даже к обочинке взял. Увидал на тротуаре скамейку, хотел было присесть да как следует отдышаться от первого забега.

Но на присест я не раскошелился. Я и на ходу отдохну!

Иду себе ни шатко ни валко.

Ну... Пока я черепашился...

Без толкучки все уже промигнули.

Я немного вроде перевёл дух. Пора и мне, думаю, живеёй пошевеливать копытцами, и чуток надал, пошёл своим коренным темпом.

Бегу я себе, бегу...

Проезжая часть улицы пустая, по бокам дружинники, за бордюром зевалкины. Всё как полагается.

А тут вдруг это уже дружинников нету, народец по всей улице распохаживает. Прохлаждается.

С чего бы таковские непорядки?

Смотрю, а передо мной сымают – висела поперёк улицы – красную широкую ленту со словом **ФИНИШ**.

Увидали меня, машут:

– Сердешный! Ты всё бежишь?! На кой? Тормози-и! Глохни-и-и! Поезд ушёл, молоко сбежало! Всё уже давно кончилось! Ордена все розданы. Все уже Бог знает когда ушли пить чай. Заворачивай оглобельки...

– А я могу ещё три раза по столько...

И бегу себе в удовольствие, бегу. Вошёл только во вкус.

Бегу назад, к старту, где оставил на весёлую мороженщицу свой задотряс.

Мда-а... Скоростёнка у меня аховая...

Ну кому нужна моя выдержка на дальность?

Она не уберегла от выговора даже "урожайного" председателя.

Вышелкнулся этот председателёк скупой. Крепче стали! Только радостно ручки потёр и прихвалился:

– Скупость в кармане не трёт, а простота всегда в дырках ходит.

Не дал из обещалки ни на одну шину.

И расплёт нас развёл.

15

Но от дела от своего я не отступился.

Каждое лето ездил я на свои кровные в новое место.

К лету, к теплу, старался я сбиться деньгами, подкопить.

Всегда у меня копейка к рублю бежала, рубль собирала.

Ведь чем больше я имел, я дальше ехал...

Прохоровка на Курской дуге.

Харьков.

Севастополь.

Полтава.

Краснодон.

Волгоград.

Брест.

Куликово поле.

Тула.

Бородино.

Москва.

Новороссийск.

Киев.

Керчь.

Сколько уже излетал...

На одну Луну не заскакивал! А так везде отбыл. Сколько повидал... Сколько понаслушался всего...

Однажды перед поездкой захожу за закорючкой на маршрутный лист к одному райначпупису.

Был такой высер Понитков.

Конопатый – воробьи мордотень обосрала, – капризный, с норкой. Посток с вершок, а спеси на целого министра. Не зря молвится, во всяком чину по сукиному сыну. Бегаёт этот Понитков по своему тупику,⁶⁷ как маятник, а не расписывается. Ехидно так со смешками гугнявит сквозь гнилые кривые бивни:

– Слушай! Ты что, паралитик? Да на хрена ты, квадрат, и таскаешь, и таскаешь, и таскаешь этот навоз? У нас что, своей грязи мало?

Обожгла мне душу его побранка. Закипел во мне ад.

"Да вы что?! Эта ж земля – как святыня! Как знамя!" – хотел я прокричать в ответ. А молчу. Толку нипочём не сведу.

И не стал я ни кричать, ни просто говорить. Кому было говорить? Нет, всё ж не ту страну назвали Гондурасом. Гондурас – страна дураков и дур. Там эти понитковы!

Напусти Бог смелости, а то и горшки полетят...

Ещё смеяться!

Ничего.

Как говорил один генерал, «последним смеётся тот, кто стреляет первым»!

И я выстрелил.

Сваял документишко для Москвы.

⁶⁷ Тупик – кабинет.

Так и так, писал, всё время я мечтаю объехать все наши города-герои. Места крупных боёв.

Из поездок я привожу политую кровью наших людей священную землю.

А у нас в районе один товарищ Понитков не понимает важности моего дела. Глумится надо мной. Он обозвал все мои поездки за священной землёй матом.

Через пять дней приехал подполковник.

Вижу, киснет у моего оконушка незнакомыш в военном.

Было это рано утром, на коровьем реву.

Чего в такущую раницу? Откуда?

А, думаю, он не корова, я не солома. Не съест!

Напахнул на плечи выходной пиджачишко. Выхожу.

Пожал он мне так уважительно руку и долго, не без восхищения, как мне показалось, всматривался в мой значок мастера. Два других значка, за учебу, его не интересовали.

– Откуда у вас значок мастера спорта?

Я слегка трухнул и с пятого на десятое качнулся пояснять.

Рассказал, как размазал...

Подбежало времечко, когда весь смысл жизни я увидел единственно в этом значке.

Ездил я много. Полистай маршрутные листы. За десятых мастеров отбарабанил!

А значка нет как нет.

Как его добыть?

По правилам мне к нему не подскребтись. Очень уж скользкие правила. Вчетвером – в группе не должно быть менее четырёх кактусов – нужно в одиннадцати походах прошлёпать три тысячи сто пятьдесят километров.

Ей-бо, и грустно, и смешно.

Грустно оттого, где я буду искать эту группу? В Двориках же кроме меня никто дальше кафешки «Улыбаловка» на велосипеде не катается. Даже в Воронеже – народу под миллион! – нету велосипедной секции.

С кем ехать? Не с кем. А один, по правилам, ехать не моги: не в зачёт твои страдания.

Дальше.

За отпуск я выскочу лишь в один поход. Значит, надо на одиннадцать лет растягивать эту резину? Нужно мне это как слепому очки... Гхэх! Стать мастером – это вам не в кандидаты наук пробрызнуть!

А смешно оттого, что эти три тыщи надо мусолить одиннадцать лет. Да я в одно лето больше накручиваю!

А мне поют, хочешь стать мастером – всю жизнь посвети. Бросай-де свою деревнюху и дуй, где есть велосекция. Меня сватали в Тулу. Сватали в Рязань. Там добыть мастера мне ничего б не стоило.

Но я не хочу покидать свою землю. Свои Дворики. Не хочу спокидать свои грешные вавилоны. Как-никак сам выводил. Только тут и чувствуешь себя человеком...

Озорною метельною дымкой
Принакрылись поля и луга.
На чужбине мы лишь невидимки,
А на Родине мы – берега.⁶⁸

И вот вернулся со значком из армии Митя Просветов. По-уличному Дрюша. Хватанул по какому-то виду. Не то по боксу, не то по бегу.

Как больной лился я по пятам за этим Дрюшей.

У Дрюши был единственный на весь район значок!

Клянчил я хоть на что поменять. Не хочешь меняться, продай. Месячную зарплату суну! А сам... Голь мудрёна. На выдумку возьмёт – не евши поспит.

Митя ни на что не соглашался. Твердил, что значок у него вроде талисмана.

– Вот, – говорил, – гребу я, многоступенчатый долбонавт, мимо база. Культурно стоит за плетнём уважаемая гражданушка корова. Я к этой госпоже с картинным приплясом:

– У моей у молодой
Колокольчик ой-ё-ёй.
Она ходит, семенит –
Колокольчиком звенит!

⁶⁸ Из стиха известного поэта из Вязноватовки Нижнедевицкого района Воронежской области Ивана Семенихина.

– Я к ней с прочими дорогими королевскими нежностями. Му-у... Му-у-у-у-у, моя сладунюшка!.. А она, негодяха, от меня. Ну по какой причине такая гордая неприступность? Отвечаю. По причине отсутствия у Дрюши талисмана. А вот шпацирую я на следующий день. Тот же коровий отель под открым небом. Та же ненаглядная рогатая бизнес-ледя. И я тот же. А подхожу – стоит. Погладил ласково за лопушком ушка – стоит. Только шатнула лопушком в согласие. Я вся ваша, дорогой Митяша! Накинул на шею ремень – стоит. Потянул – покорно зашевелила коньками вследки за мной. Отчего эта сладунюшка такая вся согласная? Отвечаю. У Дрюши был талисман. И теперь, сколько б вы ни прохаживались мимо того гранд-отеля, той рогатой леди вам не увидеть.

Эх, Митя, Митя!

Всадил в тебя Бог душу, как в дуплистую грушу!

За волосатую кражу⁶⁹ чуть не загремел на срок. Еле отстегнулся. Потом всё дивился: «Не думал, что за взлом лохматого сейфа так можно жестоко пострадать...»

Да...

Грешные были у Мити руки. Пионерили кур, коров, телят, ковры, мёд... Ну отжигал номерочки! Хотел даже в нашем райсуде скамью подсудимых скомсомолить. Считал, раз не на чем будет сидеть подсудимому, так и не посадят.

Наконец, к моему счастью, утолкали Митю в камеру хра-

⁶⁹ Волосатая кража – изнасилование.

нения.⁷⁰ По барину говядина.

Добился я свидания с этим большим боярином в нашем козлятнике.⁷¹ Отдыхает поёт:

– Оторвали Дрюше лапу,
Чтобы девочек не лапал,
Потому что Дрюша очень
С-с-с-сексуа-а-ально озабочен...

В печали куражно покачал головой и ещё попел мне:

Я в ЧеКа мамашей клялся:
– Не виновен я ни в чём.
Поднажали и признался:
Триста лет я был царем.

– Сидит кошка на заборе,
Вышивает себе хвост.
Девки Паски не дождались,
Напились в Великий пост.

– Как и я. Накушался... Наступает для меня великий пост.
Придётся петь другие песни...

– Как в вязноватовском колхозе
Зарезали мерина.

⁷⁰ Камера хранения – тюрьма.

⁷¹ Козлятник – отделение милиции.

Три недели кишки ели –
Поминали Ленина.

Шла корова из колхоза,
Слезы капали на нос.
Отрубите хвост и роги –
Не пойду боле в колхоз!

Уже перед самым его отбытием на сталинскую дачу я ещё раз наведаль его. Он так удивился. Расстроился. И зажаловался: «Эха, паря, загудел я под трибунал под глупую кадрили с рогатой клюшкой. Не пришлось бы ехать в Сибирь погреться... Пошевели понималкой... Я, как и Сашок Локтев, придерживаюсь того бережка, что «лучше почивать на лаврах, чем на нарах». Да... Кому лавры... Кому нары за колючкой. С госпожой Судьбой не подерёшься. Ей видней, кому чего сунуть. Ну... Жаль... Какого честнягу взяли от сохи на время...⁷² Очень мне надо было в эту камеру хранения?» – два растопыренных пальца левой руки он кисло наложил крестом на два растопыренных пальца правой руки.

– Целей сохранишься! – бодрю его. – И нечего горевать. Сиди себе отдыхай да весело выдавай всем вподрядку многопартийный мат на все буквы! Какие твои годы? А «жизнь – шанец стать человеком». Ещё станешь. Знай в запас отдыхай на дачке да копи богатырскую силушку для новых восхождений!

⁷² Взять от сохи на время – осудить невиновного человека.

– Хых... Из меня труженичек... Раз по пальцам, два по яйцам... Наплетёшь... Иди ты в баню тазики пинать!⁷³ Я ещё легко отделался. Один пострадал... А вот даве у нас на станции Нижнедевицк фланировала на рельсах одна комолка. Наскочил на неё грузовой локомотив. Слетел с рельсов целый вагон с военной техникой и с дорогими боевыми гражданами солдатами! Корова сшибла вагон! Да какой!.. Во-о...

Подношу я Дрюше пускай не тысячные, а всёжки дороговатые подарки-гостинцы. В глаза заглядываю влюблённой собачкой:

– Ёшкин кот! Ты мастер, и я мастер. Только ты, дятел, со значком, а я без значка. Леший! Хоть на время, до возврата, дай поносить значок. Там он тебе никакой службы не сослужит. А мне – весь смысл жизни в нём!

– Ох! Будешь ведь, кукиш волосатый, барнаулить,⁷⁴ пока не выцыганишь... Ладнушки... Гони, тараканий подпёрдыш, десятку. И навсегда получай свой смысл, бесталанный Иисусик!

Он прислонил свою медальку мне к груди:

– Оя! Законченный краснознамённый жених!

И запел:

– Я Хрущёва не боюсь,
Я на Фурцевой женюсь.

⁷³ **Иди в баню тазики пинать** – требование оставить в покое.

⁷⁴ **Барнаулить** – назойливо приставать.

Буду ш-шупать сиськи я
Самые марксистския!

При Дрюше привинтил я значок на выходной пиджачок.
На полную красоту прошёлся по Дворикам!

Свете божий... Я не видел земли под собой. Я почувствовал себя человеком, кто в жизни добился всего, чего только можно достигнуть.

Конечно, с подполковником я держал язычок на коротком поводочке.

Не квакал про Дрюшу. Зачем самому себе марать хвост? Буркнул, что значок мне подарили. Сказал ещё, что фактически я имею полное правие носить значок, раз норму мастера я выполнил и не одну. Это можно подтвердить моими маршрутными листами.

– А-а. Ну, носи, носи...

А подполковник молодчина таки. Дал в районе шороху. Не зря этот полкан таскал фамилию Вострокнутов.

Произвёл этот быстроглазик Вострокнутов полный порядок!

Теперь куда б я ни ехал, маршрутные листы подписывают без звучика. Чуть ли не выстраиваются ко мне в очередь, лишь бы поскорей карябнуть свой автограф в мою тарабарскую грамотку.

Вот так их надо воспитывать!

А Пониткова и воспитывать не стали.

Видать, себе дороже.

Отведал наш панок Понитков порохового дыма. Вскоре после отъезда полканчика Вострокнутова вовсе стёрся с экрана, пропал с двориковских глаз.

Жидок оказался на расплатку.

Что тебе, милая Раиска, рассказать ещё? Я посмотрю, глаза у тебя грустные. Ну это мы исправим... Так что тебе рассказать?..

А-а, да...

Я, милая, скрывать, таиться не умею. Не хочу. С человеком меня тянет начинать с полной ясности. С белого листа.

Чтоб пасьянс был полный, доложу про своих жён...

Не расскажу я, расскажет колодезное радио.

А это будет ой да ой не одно и то же.

Ко мне в паспорт слетелось их целых три присоски. Трио!

Бог любит троицу. А чем я хуже? Я тоже трёх любил...

Я, может, и посейчас всех трёх люблю. Да безответно...

Что же они всей артелью спокинули меня? Что им во мне не в масть?

Поди пойми...

Наверно, нету у меня того магнита, что не пускает человека от человека.

Первая была...

Вначале... Мы только задружились. Но я был уже вхож в её хату. Да мне от этого легче не было. Всякий раз, как только пойдём мы на сближение в поцелуе, к нам в светёлку невинно входила её мамунька. Бли-ин горелый... Забомбись! Раз вошла, два вошла... А на десятый раз я сам вышел. И из ха-

ты, и из себя. И больше не вошёл. Ни туда, ни туда. На том и сохлась наша любня. Ну это ж немыслимо! Мать невесты – самый надёжный недремлющий презервуар. Враг детей!

А детей я любил. За детей я и постою, и полежу!

И я пошёл до конца.

Мы всё же расписались.

И от шатучей тещеньки я теперь мог гордо закрывать дверь на крючок.

Ну, живу я со своей лялькой год. Разменял второй...

Чего ей не хватало? Вредных же привычек вообще не держу! Не мотыга⁷⁵ я. Не пью, не курю, не...

В шутку она как-то плесни: «Вечером минута опоздания – расстрел!» И с работы я – минута в минуту. Как швейцарские часики! По магазинам я. За водой к колодцу я. В огороде я... Ка-ак любил... Трясся над ней, как над комом золота. А с золотом, что с огнём: тепло и страшно.

Убоялся, не под пару я ей. Стирывал за ней! Ножки мыл! Только что воду после тех лебединых ножек не пил.

Вру.

Однажды подожгла. На спор выпил.

На четвереньках тапочки в зубах нежно подавал!

А благодарность какая в конце отвалилась?

Бывало, в сумерках прибежишь с работы голодной волка. Спрашивает: «Вечерять будешь?» – «Обязательно буду!» – «Бу-удешь?! – на гнев она. – Я ещё ничего не сготовила...»

⁷⁵ Мотыга – ветреный человек.

Я перед нею спину ломал, она и угнездись мне на шею. Ну и знай давай сиди!

Так нет. Не сиделось. Стала царскую заботу обо мне метать. Побежала по чужим мужикам. Знай всё меня берегла. Этого ей мало. Попутно пригрозила уложить меня на голодную китайскую диету, по которой супругам дозволено-с строго лишь один раз в месяц разговеться сладкой любовной радостью. Я к ней за законной супружеской данью под бочок, а она давай теперь ногами драться. Я ей и говорю: ты рессорами⁷⁶ особо-то усердно не дрыгай, целинку порвёшь. Чем штопать-то будешь? Смоляной дратвы с цыганской иголкой я тебе не дам. Девсит!⁷⁷

Чую, припашет⁷⁸ она меня.

И горькое предчувствие меня не обмануло.

К участковому слиняла! Ойко... Ни струя себе фонтан!

Бегали, бегали за один плетень и – на! Стриганула сума перемётная к участковому. Это ж какие сладости-мармеладости раскопала в этом милицианте моя щеколда?

Руки, ноги, уши...

Ничего сверх того, из чего в горячке скулемали и меня. Ну, может, этой херзантеме форма глянулась? Формы у меня, понятно, нету. Так будет! Вернись только. Все формы одинаковые!

⁷⁶ **Рессоры** – ноги.

⁷⁷ **Девсит** – дефицит.

⁷⁸ **Припахать** (здесь) – бросить.

Каждый крутится по-своему.

Один кругом, другой через голову...

Она об меня не только ноги вытерла, но и всё остальное...

Да я ничего не могу поделывать с собой. Не могу отлипнуть от неё.

Прибился и я к милиционерии.

Прошёл курс первоначальной подготовки. Стажировку.

Вот и мне пожаловали пистолетию.

Вылетаю я на крыльях от хоря в яме,⁷⁹ вижу: под дверью с бумагами мой разлучник. Чёрт моей бабы!

– А! Привет, Красная Шапулечка!

От полноты чувств в первый раз после того как слилась к нему моя дурцинеюшка подал я ему руку.

Без охоты протянул он в обмен свою.

Что Бог дал силы давнул я вялую, липкую бульонку.

В следующее мгновение следовало бы отпустить его стаканодержатель и уйти. Но я почему-то медлил. Не уходил и не отпускал его.

Так мы и торчали у полураскрытой двери на виду у начальника.

Неловкость росла.

Я уже не мог вот так запросто отпустить его, разделай его в шишки! Что б такое спросить?

– Да! – почти выкрикнул я. Обрадовался свежей мысли, что в таких случаях справляются о погоде, о здоровье. – Как

⁷⁹ Хорь в яме – начальник в кабинете.

погода?!

Он насторожился.

– Как хозяйка? Как там у вас любовня? Всё по полной? Ты чего за нашей женьшенихой плохо глядишь? Иссохла вся... Меня это очень беспокоит. Хотя оно и говорят, чужая жена – чужая недвижимость, но я не совсем согласен. Столько я прожил с этой лаларой...⁸⁰ И посеичас переживаю за неё. Была она у меня справная. А чего она так у тебя усохла? Осталась доска, два соска... Всю доску начисто стёр! Хотя... Я слегка тебя понимаю. Дорогое потомство угарно добывал? «В древности огонь добывали трением. Детей так добывают и по сей день». И какие успехи? Пока нулевые? А чего тогда было гробить доску?.. А с виду не скажешь... Я думал, ты простецкий половой демократ.⁸¹ А ты, похоже, в биатлоне посвирепей Тарзана? Половой гангстер? Или целый сексуальный оборотень? Какую мармеладку затиранил! Сам-то эвона какой пузватый! Ты мне, милициант, на поворотах смотри-и... А то я могу и физическое порицание по-свойски отвесить.

Он молча стал вывинчивать свою скользкую от пота клешню.

– Как, милиция – милые лица, здоровье, нервишки, наконец?! – млея от восторга, подпускаю я голубца.

– Н-не... ж-ж-жалу...юсь...

⁸⁰ **Лалара** – красивая девушка.

⁸¹ **Половой демократ** – импотент.

– А это мы проверим!

Я и приставь заряженную пукалку ему к виску.

У него отвисла чалка.

– Ну! Как самочувствие? – потыкал я дулом в висок.

Доброжелатель мой стороне улыбнулся. Глаза его задёрнулись, как на отрубленной курьей башке, и козлогвардеец тяжёлым мешком мягко вальнулся через порожек к нашему бугру в яму.⁸² До предельности размахнул дверь.

– Ни к чёрту нервы, – растерянно пробормотал я и перевёл взгляд с доброжелателя на начальника. – Обморок... Ну с чего? Я ж так... Шутя... С полноты в сердце...

– Липягин! Сдать табельное оружие! – приказал мне начальник трибунала.

«Пока не смазали мне лоб зелёнкой,⁸³ надо поскорей убраться отсюда», – подумал я и покорно сунул ему на стол свою керогазку.⁸⁴

Так я и разу не закатился к своей трале фараоном при кобуре на боку. Радость что сотворила со мной.

Не поняли моей радости.

Горевал я по первой, пока не нарисовалась на горизонте вторая паранджа.

Козетта Амуровна Гуляева-Вертипорох. Ох, штучка за

⁸² **Бугор в яме** – начальник в кабинете.

⁸³ **Смазать лоб зелёнкой** – убить.

⁸⁴ **Керогазка** – пистолет.

моё почтеньице-с! В глазах высверк восторга! Спереди хороша. Сзади ещё лучше! Там фигу-уристая... Одно слово, сильный зверь!⁸⁵ Ну прямо зверюга!

А как вызнать её характер?

Разве мне не поможет тут эта газетная заметка, которую я таскаю с собой в нагрудном карманчике?

Что говорит о женщине форма её груди

Впервые гадать по форме женской груди начали в Испании в XVIII веке. С тех пор появилась целая наука – стерномантия. Ученые-стерноманты несколько столетий занимались изучением предмета, и вот что им удалось выяснить.

Оказывается, характер женщины можно определить по форме ее груди, а зная характер, не составит труда предположить, как сложится судьба женщины в дальнейшем.

Лисьи носики

Такая грудь по форме напоминает лисичку, которая подняла острый носик вверх и что-то вынюхивает. Обладательница "лисых носиков" легка на подъем, весела, сексуальна, но немного ленива.

Яблоки

Считается, что среди женщин, чья грудь по форме

⁸⁵ **Сильный зверь** – очень красивая молодая женщина.

напоминает яблоко, чаще встречаются фригидные. В то же время это очень верные женщины, которые не любят менять партнеров и становятся хорошими хозяйками.

Груши

Грушевидная форма груди выдает страстную любительницу секса. Она ветрена, легкомысленна, хотя может быть хитрой и коварной, если захочет.

Баклажаны

У самых артистичных женщин грудь похожа на баклажан, они непредсказуемы и сведут с ума любого, кто встретится им на пути.

Арбузы

Властные натуры обладают массивной грудью, напоминающей зрелые арбузы. Они напористо идут к своей цели, не сворачивая с пути.

Укусы пчелы

Противоположный "арбузам" тип женщин. Они приятны в общении, игривы и легки на подъем. Часто у них много друзей-мужчин.

Не менее красноречиво говорить о характере женщины могут и соски. Если большую часть времени соски торчат так, что ими можно резать стекло, то их обладательница, скорее всего, отличается добротой, щедростью и великодушием. Слабо выраженные соски выдают скрытный характер. Темные соски свидетельствуют о любви к риску, с такой женщиной точно не соскучишься: авантюра – ее второе имя. А вот розовые соски чаще всего

встречаются у девушек тонкой душевной организации, они нежные, и легко чувствуют перемены в настроении своих мужчин.

Пробежал я глазами эту заметку и раз и два, но по груди Козы так и не оперелся с её характером.

Была Коза очень раскрашена. Отчаянный раскрас «а-ля Амазонка перед нападением на заплутавшее племя мужчин с соседнего острова» меня сильно ободрил. Срочно нужен ураганной матрёнке бой-мужичонка! Хотя б в моём скромном лице.

У неё дядюня не то Иосиф Абрамович Цукерторт, не то Абрам Иосифович Цукеркекс крепко замещал кого-то не то в райпо, не то в райфо.

Со связями набежала.

Наша она. Гусёвская.

А заполучил я эту гордую птичку в жёны аж с самого Сахалина. Доблестно отбывала там замужество.

Черновичок⁸⁶ Пальцун-Нехорошкин достался ей борзой.

Однажды раз возвращается её чубрик с работы загазованный. Коза и разыграй сварливую жёнку-армяночку.

– Ти чито, – набросилась криком, – под хмельницком, херсон старый!?

– А-а-а ти не керчи! А то как дам по харкову, замилитопашь до бахчисорая! У мне это бистро!

И по пьяни выболтнул...

⁸⁶ Черновичок – первый муж.

Оказывается, скрывал ревнушка от Козы, что она у него вторая. А что с первой утворил? За измену кухонным тупым ножом хотел отчекрыжить своей звездатой камбале голову и за ненадобностью шваркнуть в форточку. До резни и разбросов дело не дошло, разбежались мирно.

Однако Коза была потрясена.

Коза боялась высоты. Боялась лететь хоть частями с девятого этажа.

На страхах затаилась Коза. Подмалкивает.

Знай моет свои косточки:

– Ах, раздолба! Ох и раздолбайка! К кому самокруткой⁸⁷ убегала!

И вот её головометатель отбивает на промысел в море.

Он в своё дальнее плавание, она, кручёная коза, на самолёт да и в обратку. Домой.

Разошлись они, как в море две селёдки.

Снова она свободна, как шайка в бане!

Вернулась Коза с приданым. С малушей Наташкой.

Наташка уверяла, что скачали её из интернета.

Я и называл её интердевочкой.

Козуля – моя соклассница. На соседней парте с тоскливым усердием грызла кочерыжку науки. Ещё в школе мы вроде задружили. А заболей я – откачнулась от меня Козлиха. Перестала узнавать.

И вот через вагон лет совстрелись мы у её завалюхи плет-

⁸⁷ Самокрутка – вышедшая замуж укладкой, против воли родителей.

ня.

Узнала, едрёна вошь!

Посмотрел я на неё попристальней, и моё ретивое ахнуло. Затрепетало, как бабочка.

У неё Пальцун-Нехорошкин солдапёрил под Прагой. Слегка сёк в чешском. А орденоносную двустволочку свою просветил-то? Вот и прошшупаем, кактус тебе в карман!

Я вскинул в приветствии обе руки и дурашливо ору:

– Ахой, синьорина перделка!⁸⁸

– Ахоюшки, синьор падло!⁸⁹ – воссохотамши, радостной отплеснула волной. – Смотрю, при сумке полной. Из магазина, вестимо? Вонявки⁹⁰ мне не купил?

– Ещё куплю! А пока ташу чёрствыы потравины.⁹¹

Я дополнительно взглянул на неё принципиально и нестандартно подумал:

"Коза, я тебя расшифрую! В школе я разбежался пристыковаться к тебе, да ты меня бортанула. Это тебе, титька в каске, так не сольётся сейчас... Пускай запоздалое, но беспощадное сексуальное возмездие гарантирую! Хоть ты, может, и думаешь, что я ни Богу свечка ни чёрту огарок, а быть тебе, недотрожка, за этим огарком. Хочешь на спор?"

Спора даже мысленного я ещё ни одного не проиграл.

⁸⁸ **Ахой, перделка!** (чешское) – привет, подружка!

⁸⁹ **Падло** (чешское) – статный, красивый парень.

⁹⁰ **Вонявки** (чешское) – духи.

⁹¹ **Чёрствыы потравины** (чешское) – свежие продукты.

– Знаешь, – говорю. – Я могу читать твоё сердце, как открытую книгу.

– Читай. Только не трогай обложку руками.

Минут с пяток потолкались мы у её падшего плетня. Перевеяли все колодезные новостёнки да и зову я её культурно этак в кино.

Она на ласковом приколе отнекивается:

– Нет. Не пойду. В кино слишком много секса.

– А ты в кино смотри на экран, а не в зал.

Этот мой довод донно убеждает её. И она соглашается.

А лето.

А юбочка на ней тесная, куцая.

Всё по науке, доказавшей: короче юбка – длиннее жизнь!

В сакле у меня висит на стене такая газетная вырезка.

Мини-юбки удивили ученых своими свойствами

Неожиданное открытие сделали британские ученые под руководством сэра Эдвина Буркхарта, известного антрополога. По результатам исследований, они пришли к выводу, что мини-юбки продлевают жизнь.

В этих необычных исследованиях принимали участие более 5000 женщин. Но дело тут не в каких-то магических свойствах мини-юбок, а в том, что химические вещества, попадающие после стирки с одежды на кожу, образуют в реакции с потом опасные

для здоровья соединения. Соответственно, чем меньше на женщине одежды, тем меньше вредных веществ попадает в организм.

Однако это не всё. Женщина, одевающаяся более откровенно, по мнению ученых, имеет больше шансов выйти замуж, а замужние живут дольше одиноких, по данным статистики. Кроме того, есть и психологический фактор: такие женщины более открыты, умны и независимы. Словом, чем откровенней наряд, тем дольше жизнь.

А по мне, бегали б бабёнки нагишом – были б все очаровашки хоть куда!

А эта роднулечка и впрямь совсем обнаглела. Вечно разбежалась жить! Все ж радости почти на улице! Такое впечатление, будто она вовсе забыла надеть юбку.

А ножки... Ах эти ножки... Схожи с телевышкой! Чем выше, тем круче дух забирает. Ну совсем же растележилась канашка. Распушила свою амбразуру... Куда! Вещее так и запело у меня петушком!.. Мысленно поцеловал её в ямку под ушком, сбоку на бугорке за ушком, на равнинке над ушком, в само ушко... Быстренько освоившись с ушным районом, смелей соснул в щёчку, сестрицу ушка, и пропаще припиявился в фантазиях к медовым губкам... Быть сексторжествам на королевском евроуровне! Железобетонный стояк авральню телеграфирует генералитету: быть жестокому демографическому взрыву на отдельно взятом бугорке Гусёвки! Раз сказал – три отжался!

Засмелел я. То тронешь за локоток, то вничайку прижмёшься к плечу...

– Раньше ты таким отважиком не был.

– Так то раньше.

– Оё! Смотрю, что-то ты сегодня с первой минуты такой трогательный⁹² да прижимистый...⁹³ Что, бедовая головушка шаловливым ручонкам покоя не даёт?

Я покраснел и сложил свою активность в тряпочку. Закрылся в минусе.

Вечером катим родные колёса в клуб.

Во мне всё поёт!

Для скоростного охмурения запускаю в боевую разведку вступительный стишок.⁹⁴

– Я бы хотел подарить тебе небо
С блеском мерцающих Звёзд!
Воздух с пушистыми хлопьями снега,
С вихрем счастливых Грёз!
Я бы хотел подарить тебе Землю
С лаской любящих рук!
Птичье весёлое звонкое пенье
И солнца сияющий круг!
Я бы хотел подарить тебе радость

⁹² **Трогательный** (здесь) – везде трогающий.

⁹³ **Прижимистый** (здесь) – любитель прижиматься.

⁹⁴ Автор А. Лёвшин.

И беззаботный смех!
Юных мечтаний прекрасную сладость,
Жизни твоей успех!
Я бы построил из молнии стены,
Заставив замолкнуть гром!
Сделал бы крышу из облачной пены
И ввёл бы тебя в этот дом!
Будь же хозяйкою дома, что миром
Люди повсюду зовут!
Будь для кого-то мечтой иль кумиром.
Только, пожалуйста, будь!

– Лихо навёрчено! – хлопнула она меня по плечу. – Ох эти писарчуки-коробейники! Всё раздаривают налево и направо. Только хотела б я увидеть что-нибудь из подаренного. Тот же дом со стенами из молнии и с крышей из облаков... Как жить-то в таком «государевом доме»?

– Своей лоховитой прозой всю радость срезала... Ну как сапогом в суп!

Над входом в клуб я уныло ищу обычную в Праге вывеску на увеселительных заведениях «Девки даром». ⁹⁵

А тут нигде никакого и намёка на даром.

Беру два билета.

В тёмном зале уже жужжал журнал.

Пригнулись, затёрлись мы в угол.

В конце журнала взял я Козу за руку.

⁹⁵ Девкидаром (чешское) – вход для девушек бесплатный.

На начальных титрах мы пилотно поцеловались. Обменялись микробами. По-царски сыпанули друг дружке по три миллиона микробов. А чего мелочиться?

На последних титрах я прошуршал своё коронное:

– Может, саукаемся? Будь моей...

– Побуду... Вот только шнурочки разглажу, – шепчет она ответно и, простите, хихикает. – Коль сельцо наше крошущулька, и, как говорится, порядочной девушке некуда и сходить, как толечко замуж... А потому так и быть, раз планида моя таковецкая... Схожу...

Я почувствовал, что в ней ко мне что-то щёлкнуло и нет у неё никаких шансов уйти из моих объятий. Шелудивый восторг заворочался во мне.

– Навсегда чтоб! – выставляю строгое обязательное условие.

– Это как хочешь обзывай.

– Да «увезу тебя я в тундру»!

– Спасибо, хрюндик! Но на близкие дистанции я больше не езжу. Или ты забыл? Меня уже увозили и подальше, на край сахалинского света. Да прижало возвращаться своим ходом в родные Синие Дворики. Я б от того ласкуна готова была отрулить вообще на край Вселенной!

– Не упылила б... Уж больно долго добираться... Тот твой край обретается в тринадцати миллиардах световых лет от Земли!

Фильм был оперный.

«Божественное дело ёпера. Но пускай лучше коты доживают век без разлуки со своими яйцами!» – пламенно рассудил я и плотней сжал Козе локоть. У Козы правильно заточенные мозги. Она не стала меня ни о чём спрашивать. Даже не глянула в мою сторону. А молча встала и пошуршала внаклонку к выходу. Я следом. Люди мы не жадные. Нам много не надо. Хлебнули трёхминутной ёперной радости, мы и сыты на сверхсытку, упрясаи ко мне. Горячий и живой компресс на всё тело и на всю ночь – наш!

Брачного бала мы не давали.

Не накрывали поляну.

Маленький слепили княжев столик. На два носа.

Правда, я не тронул бутылочку благородного вина. Пожалел для Козы. Всё никак я не мог ей простить, что она когда-то отпихнула меня. И выставил припасённую на всякий пожарный случай тяжёлую бутылку солнцеудара.

Вот пожар и подоспел.

Э! Здравствуй, стаканчик, прощай, вянцо!

Открыл я огнетушитель.⁹⁶

Державно тряхнул над головой солнцеударом:

– Ну что, красавеюшка, поехали аукаться?! По махонькой для храбрости? Иль по гранёному для глупости?

– Поехали по аллее Королевские Глупости! – великодушно велит она.

⁹⁶ **Огнетушитель** – большая бутылка спиртного.

Встали мы с полными стаканчиками. Я и говорю:

– Шамиссо сказал:

«Любовь душой жены завладевает,
Любовь ей рай, любовь ей и темница;

Когда жена себя ей подчиняет –

Она раба и властна, как царица». Так выпьем за наших любящих и любимых цариц!

Мы чувствительно чокнулись, и Коза одним глотком осушила свой стаканчик.

И понеслось!

Не пить самому неудобно. Я себе полстаканчика таракановки, а ей с краями. Я когда только к губам подпущу, поддержку так да поставлю назад. А она раз за разом только и переворачивает досуха. Пьёт моя Федорушка до донушка. Отдохнёт да примахнёт! Накидалась – еле держится на плаву.

Ну и гульбарий у нас разыгрался! Такой веселяж закрылся!.. За вечерину бутыль мы доблестно разгерметизировали. Убаюкали. Надёжно свернули-таки шею зелёной ящерице!

Вот тебе и непьющие! Вот тебе и не считаем стаканы!

Огонь по жилам побежал. Стало жарко.

Чую, крепко нам дало по шарам.

Кое-как вытащились мы на бугор.

На душе у меня солнечно.

Стоим на травяных ножках. Весёлый чёрт нами обоими качает. Чёрт всегда загазованными качает. Работа у чёрта та-

кая.

– Отгадай загадку! – кричит Коза. – Не солено, не варено – между ног готовится еда. Что будет? Только на похабень не залетай!

– Сдаюсь... Не знаю...

– Эхо ты, тюря... Козье вымя, молоко – вот что будет!

– Даю свою загадку. Если б не папина лопатина, заросла б мамина лохматина. Ну?

– Я согласна на подсказку...

– Плуг, пашня.

Никто не отгадал. Боевая ничья!

Тут с бутылочной храбрости осмелел я.

Надо ж, думаю, на родном просторе поцеловаться. Надо закрепить стартовый, пилотный поцелуй в клубе и приумножить.

Я кегли на полземли раскрылил и к ней. А глупая шаткая червивка тянет бегом назад. Я, пьяный в сандалях, и отбежал напопятки.

На последнем усилии дёрнулись мы снова друг к дру+жке с раскинутыми плавниками навстречу и разминулись.

Тут меня повело на стихи. Говорю Козе:

– Ты не забыла что я бегаю в клубную самодетельность? Чтец. Клубный центр не позволил мне прочесть со сцены этот хулиганистый стих. Так я хоть тебе и своему бугру его расскажу. Внимай!

Давай присядем, Дуня, на завалинку,
Прижмись ко мне – я знаю, что и как!
Какое солнышко стоит
над банькой-каменкой,
Совсем, как медный, новенький пятак!
Гляди – зашло! Да ты устала, девица,
Пойдём в стожок – там тихо и темно,
Ишь, как туман над нашей речкой стелется,
Ну прямо заграничное кино!..

Какая свадьба? Что ты дурью маешься!
С завалинки – да сразу под венец!
Ты в сене с кем попало кувыркаешься,
Что я тебе – дурак или юнец?!

Давай присядем...
Ксюша, на завалинку...⁹⁷

Коза расхохоталась и, раскинув плавники, бросилась ко мне:

– Какой ты смелюга на словах!

Мы опять разминулись. Раза с четвёртого кой да как сбеглись. Успели зацепиться друг за дружку. Успели лишь обняться и в экстазе рухнули с хохотом на хрусткий плетень.

Винцо подкинуло мне смелости. Я стал её обнимать-целовать.

Она, не переставая смеяться, схватила меня за уши, стала

⁹⁷ Стих Валентина Викторовича Киреева.

за них тянуть кверху и со всей моченьки вдруг завыла на весь бугор дребезжащим голосом:

– Л-л-люди-и!.. М-му-ужики!.. Хоть один!.. Кто-нибудь!.. Скор-рей!.. П-п-пом-м-моги-ите!.. Нас-с-силуют!.. И – н-н-н-никак!!!..

– Га! – откликнулся я аврально.

– Ты чего, леший-красноплеший, гакаешь? – удивилась она.

– Проверочка небольшая на плетне... Слышу ль я себя? Не оглох ли?

– С чего?

– Да вспомнил тут газетную статью-призыв «Целуясь, не оглохните!» Одна китаянушка от страстного поцелуя оглохла на одно ухо. Врачи выяснили, что у юной горячей гражданки из-за резкого перепада давления в ротовой полости произошёл разрыв барабанной перепонки. И вообще с этими китаянками держи ухо остро. И не только ухо. Вон 21-летняя Фен Лун, а по-нашему Феня, застучала своего муженька Фань Луна с чужой козлицей. И что же! Р-раз и Фаня уже без шкодливого петушка. Пришили Фане несчастную его дудку. Это вчерняк оскорбило Феню. Прокралась ночью в больничную палату к своему Фанюшке и на втором забеге снова отхватила чёртову каменную долбалку и шваркнула в окно. Истекая кровью, Фанюшка на улице догнал свою добродеешку и отвесил ей вагон и большую тележку люлей. Да что из того? Фанюшкин дырокол не нашли, и горький Фа-

нюшка в тридцать два года навеки остался без родного консенсуса. Во-о-о что творится... Дважды отчекрыжила одно и то же всесокрушающее оружие пролетариата!.. А у них, у Фени с Фанюшкой, уже скакало по лавкам пятеро козлятушек тире ребятушек. О-ох...

– Ты-то особо не переживай. Ты не Фаня, и я не Феня... Чужие перпендикуляры меня не колышат...

– Ну, спасибо... Успокоила... А оглохшая китайянушка не даёт мне покоя... Видишь, какой побочный эффектишко может выщелкнуться от страсти?

– Ты-то чего всполошился? Мы ж и не прозвонили ещё друг дружке вниз, не поцеловались ещё.

– Ну и ладнушко... Так оно спокойней. Слышу я на оба уха и себя, и тебя. Осторожность тут не навредит.

– А давай, – в лихости заезжает она с другого боку, – сольёмся прямо на плетне в любви по-акульи!

– Это ка-ак? – в лёгкой панике падаю я в вопрос.

– Эха-а, темнотиш-ша... Луковая непросвещёнка... Ну! Для началки ты кусни меня, агрессор, чувствительно!

– Да я вроде не голодный... Зачем кусать-то?

– Мда-а... С тобой, с амёбой, акульей ущицы не сварись. Оказывается, у акул какая заведенция в любви?

Акула ж и есть акула. Её ни один акул не возьмёт, как ни гори у него жабры. А он укусит её в пасть, и она вся мигом согласная-пресогласная. Акула по жизни хоть и злюка злюкой. А тут вся неженка. Сама панночка. Он по полной схеме

её грызанёт, Акулина на радостях вмиг и цепенеет, солнечно отбывает в кайфульку. Срочно теряет бдительность строго на пятнадцать золотых минуточек. Теряет и не забывает перевернуться на спину. И в эти дорогие пятнадцать минут – ну ёперный театр! – акул во всю прыть хлебает счастье самой большой ведёрной ложкой. Отбиатлонился и, пока цел, пока не счавкала дорогуша Акулинушка, в дрожи скорей насторонь. Вот такая она, Акулькина ламбада. И никаких няшмяш!

Я налегке припечалился.

Конечно, на акулу Коза вроде не вытянет. Можно не волноваться. Да... Ещё круче... А вот, случаем, не богомолочка ли она? А то ведь на шальных восторгах мебель подвигаешь с нею, а она в благодарность возьми да и слопай тебя? У господ богомолов это запросто... А у пауков? Натешится перепихоном паучиха – и на десерт уже лакомится своим сладеньким хрустким паучком.

У нас пока Бог миловал.

Ну, живём мы неделю. Живём полных две. Всё у нас катится без сучка, без раздоринки. Одно слово, живём хорошо. Ожидаем лучше.

Скованному всё золотой верх!

Ликую я.

Нравится мне моя присушка. Ещё б не нравится... Красотуля – смак!

Я люблю её целовать. И когда её нет в сакле, я расширяю свой поцелуйный кругозор за счёт внимательного чтения этого дорогого послания влюблённым. Эта газетная вырезка висит у меня над столом на гвоздке в стенке.

25 причин целоваться

Поцелуй – это выражение привязанности людей друг к другу, будь то платонический поцелуй в щечку или страстный поцелуй, который мы часто видим в фильмах. Но ввиду того, что существует так много видов поцелуев, с помощью которых можно выразить свою привязанность к человеку, бывает очень трудно определиться, как именно целоваться. Не волнуйтесь – в этой статье вы найдете описание нескольких видов поцелуев, а также ответы на вопросы "как?", "когда?".

Перед поцелуем подготовьте ваши губы к поцелую. Губы должны быть гладкими и приятными, а не пересошими, обветренными и напряженными. Советы по подготовке губ к поцелую помогут как мужчинам, так и женщинам, сделать губы привлекательными и соблазнительными. Вот некоторые основные принципы:

Сделайте пилинг губ,⁹⁸ используя сахар. После этого они станут очень мягкими.

Увлажните губы, чтобы сохранить влагу.

⁹⁸ **Пилинг губ** – избавление от отмерших частичек эпителия на губах. При этом кожа становится мягкой и ровной.

Слегка расслабьте губы, приоткрыв рот.

Летом люди целуются в три раза чаще, чем в другое время года. В среднем за свою жизнь человек проводит за поцелуями всего две недели. Мы нашли 25 аргументов в пользу поцелуев и надеемся, что теперь вы будете целоваться чаще.

Поцелуй для романтика

Немецкие ученые доказали, что поцелуй благотворно воздействует на настроение человека. В Берлинском университете установили, что 20-секундный утренний поцелуй создает романтический настрой на весь день. Педантичным немцам хочется верить.

Поцелуй и похудение

Невинный поцелуй в щеку сжигает пять калорий. Во время страстного поцелуя вы можете сжечь до 30 калорий. Бросайте утомительные диеты и начинайте целоваться!

Поцелуй иммунитета

Любители целоваться реже обращаются к врачам. Это связано с тем, что во время поцелуя в нашем организме вырабатываются нейропептиды, именно они уничтожают болезнетворные бактерии и различные вирусы. Целуйтесь и укрепляйте иммунитет.

Энергетический поцелуй

В древности в Японии считалось, что поцелуй приносит пользу здоровью человека. К примеру, он способен заряжать положительной энергией, причем как мужчин, так и женщин.

Кстати, именно японцы ввели в обиход «сэпун», что означает искусство ласк при помощи языка и сам поцелуй. В технику «сэпун» входит огромное количество видов поцелуев (дождь поцелуев, поцелуй огня, бабочки, души и другие).

Поцелуй желания

Врачи-сексологи уверяют, что поцелуй при помощи языка возбуждает сексуальное желание у 70 % мужчин. К тому же в слюне человека содержится такой фермент, как андростерон. Он повышает сексуальное желание и у мужчин, и у женщин.

Оптимистичный поцелуй

Британские психологи провели исследования, в ходе которых выяснилось, что любители целоваться чаще проявляют себя оптимистами, они уверены в своих силах, вследствие чего скорее добиваются профессиональных и личных успехов.

Поцелуй против кариеса

Длительный поцелуй гораздо лучше жевательной резинки нормализует кислотность в полости рта. Целуясь каждый раз после еды, вы значительно снижаете риск возникновения кариеса.

Поцелуй адреналина

Страстный поцелуй вызывает в мозгу те же химические реакции, что прыжки с парашютом или стрельба из пистолета. В результате поцелуя в крови повышается уровень адреналина, и это способствует физической и умственной активности. Занимайтесь любовью, а не войной!

Поцелуй от боли

Поцелуи любимого человека могут действовать как болеутоляющее, которое в 200 раз сильнее морфия. Поэтому, если у вас болит голова, просто попросите вашего мужчину поцеловать вас.

Поцелуй молчания

Лучшее средство уйти от ответа или заставить «замолчать» своего мужчину – это поцелуй. При помощи поцелуев можно избежать ссоры и неприятных объяснений.

Семейный поцелуй

Как утверждает статистика, 40 % семейных пар считают французский поцелуй одним из главных проявлений любви. Психологи, в свою очередь, уверяют, что «глубокий» поцелуй – это определенный эмоциональный всплеск, который является лучшей профилактикой разводов.

Поцелуй для долгожителей

Американские ученые провели исследования, в ходе которых выяснили, что те, кто много целуется, живут в среднем на пять лет дольше тех, кто не разделяет эти увлечения.

Поцелуи против аллергии

Японские медики утверждают, что поцелуй уменьшает выработку в организме гистамина, вызывающего сенную лихорадку. А для того чтобы получить вакцину от этого заболевания, надо целоваться непрерывно в течение 30 минут, да еще и под приятную спокойную музыку.

Под «25 причинами целоваться» висит на гвоздичке ещё одна вырезка, бомбочка против святости наших женьшених.

ЖЕНЩИНЫ ДУМАЮТ О СЕКСЕ КАЖДЫЕ ПОЛЧАСА

Мысли об интимной близости в состоянии бодрствования посещают представительниц прекрасного пола за сутки порядка 30 раз, утверждают итальянские специалисты. Ученые из университета «Кампус Бьо-Медико» в Риме опросили более 2000 дам в возрасте от 25 до 40 лет на предмет частоты сексуальных фантазий. В ходе работы выяснилось, что почти все женщины думают о сексе каждые полчаса. Причем останавливаются на этом по 5 – 10 минут.

87 % девушек не предъявляли жалоб на половую жизнь и занимались любовью не менее 2 раз в день. Однако постоянно прокручивали в голове новые идеи на тему сексуальных отношений. В среднем получилось, что женщины тратят на это 30 минут за 24 часа. А 13 % дам настолько увлекаются воображаемыми страстными картинками, что иногда их незамедлительно воплощают, несмотря на какие-либо неотложные дела. Приятные ощущения стимулируют мозговую и физическую активность.

Однако отвлекают от рабочего процесса, рассказала руководитель исследования психолог

Барбара Гьеполо. Наиболее частые образы, которые дамы придумывают – это характер прелюдии, позы в постели, длительность контакта и сексуальные движения. При этом представляют себя рядом со знаменитыми актерами и певцами. Особой популярностью пользуются такие звезды как Бред Пит, Том Круз, Джон Траволта, Метью Макконахи и Орlando Блум.

.....

Хоть оно и говорят, с красивого лица воды не пить, а я и мёду пивал!

А вместе с тем и тревожусь.

Ночами дёргаю бессонье своими тошными догадками.

Винцом же от моей пованивает!

Неужели со встречи всё запах держится? Мы ж больше после того первого вечера ни грамма не прикупали.

На работу моя маракуйя не устраивается. Знай всё баклушки сшибает да хулиганистый романсьё напевает «Без обмана нет романа».

Заведу говорилку, у ладуни у моей готовые слова:

– Не тупи! Мой бугор Цукерсекс соображает, куда прилепить с барышом. Не торопи лошадку. Врубинштейн, брателло?

А между тем шила в мешке не утаишь. Наружу лезет.

Стороной мне телеграфирует наш вседеревенский ТАСС: ротозиня, твоя козебака запала на выпивку! Жуткая лебе-

дьянь! Повело кобылку на щавель! Ёшки-переёшки! Как ты это допустил? Где ты был? В коме? Докатиться до такого... Твоя паханка заточена под жестокий разлюляй.⁹⁹ Ну там бы хоть потиху, вполупотай... А то ну на полный замах! Весь же твой хрусталище на портвяшок пихнула! За таковушие бякости ты б подвоспитал... подштопал бы малешко рваное поведение своей пьяной клюшки... Сам не можешь?

– Дрессировке она не поддаётся...

– Тогда упакуй её как подарок в красивую коробочку, перевяжи сувенирной ленточкой и отправь на довоспитание её марксам!¹⁰⁰ А лучше... Бежал бы ты от этой милуши со скоростью звука!

У меня весь чердак навпрочь был забит этим лихим хрусталём: банками из-под вареньев и компотов. Проверил – порожняк мой весь усвистал. На гордом сижу я нуле.

Что же делать бедному крестьянину? Метать красную икру баночками?¹⁰¹ Замешивать разборку с отоваркой?¹⁰² Закатить по полной программе вампиреллу? Или просто почитать ей ботанику? Да ну её... Поезд ушел, молоко сбежало... Хоть я за ней и «всё зрил, всё зрю, всё зря»! Поздно копать колодец, когда хата уже горит. Я матильде ни полслова. А шут с ним, с хрусталём! Моя ж сексокосилочка всего хруста-

⁹⁹ **Разлюляй** – пьянка.

¹⁰⁰ **Марксы** – родители.

¹⁰¹ **Метать красную икру баночками** – скандалить.

¹⁰² **Отоварка** – драка.

ля стóбит!

Пропадай хрусталь! Абы раздрай не влезал между нами.

И я приподзакрыл глаза на её политуризм.¹⁰³

И по-прежнему каждое утрело весело выдавал своей кла-
ре целкин на королевский обед по рублю семьдесят.

Стала она у меня забываться. За чем в магазин ни пошлю,
обязательно забудет, за чем именно шла, а вернётся непре-
менно с родным пузырьём антизнобина. Три разка посылал за
хлебом – получил три пузыря. Про хлеб забывала. Зато про
свой боекомплект – никогда!

Но однажды прихожу я с работы – под дверью генеральное
послание:

Мой любвезадиристый король!

*Самый любимый инвентарь всякого человека –
грабли. Я их просто обожаю. Я не то что наступаю
на них изредка – я по ним постоянно хожу, гуляя по
проспекту Русские Грабли. Вот сегодня нарвалась на
грабельки. Получила в лоб и срочно прозрела. Поняла,
не для тебя я цвела.*

*«Каким бы надёжным ни был у женичины тыл, её
иногда тянет на передовую» Ну, сбегала ещё раз на
передовую. Разочаровалась во второй раз.*

*Мой дорогой король и по совместительству
сексмэн!!! Я, твоя королева, в полном рассудке и в
полном здравии покидаю твой фигвам¹⁰⁴ и тебя, так*

¹⁰³ **Политуризм** – пьянство.

¹⁰⁴ **Фигвам** – от вигвам.

как не могу существовать с тобой на 1 руб. 70 коп. Покидая тебя, я хочу со всей ответственностью сказать, что мне жалко тебя. Жалко, что не в поп ад¹⁰⁵ такая умная голова дурахе досталась.

Мужчина, как костёр. Надо постоянно подбрасывать. Не будешь ты подбрасывать – другая подбросит. И на здоровье! Остонадоело быть твоей истопницей.

Со своими данными я б могла заарканить аллигатора...¹⁰⁶ Да некогда...

Вслед за Машуткой Дубиковской я не постыжусь сознаться в контриках с дилетантами:

*«Я к этой мысли шла четыре дня,
Но лишь сейчас внезапно осознала:
Вокруг полно любителей меня!
И крайне мало профессионалов».*

Если я когда и брошусь с баллона,¹⁰⁷ так разве что с хохоту над мужиками.

*Прощай, мой пластырь!
Прощай, мой верный шлейфоносец!
Прощай, несравненный мой саврасушка де Валерио!
Прощай мой солнценосец!
Я разочаровалась в работе твоего отца, то есть в*

¹⁰⁵ **Невпопад** – невпопад, некстати.

¹⁰⁶ **Аллигатор** – олигарх.

¹⁰⁷ **Броситься с баллона** – умереть.

тебе. Я поняла, ты не мой формат, и отбываю туда, где буду твёрдо получать на обед по два рэ и всегда новенькими. И к тому же теперь я автоледи. У моего ласкуна своя мотайка.¹⁰⁸ На веле не догонишь!

Чао, какао!

Твоя бесхвостая Козетта Вертипорох.

3 сентября.

15.00 по дорогом товарищу королевскому боро Гринвичу.¹⁰⁹

Мда... Вокняжилась Коза в мои сердечные владенья, да не навек.

Не саукались...

Слила меня...

Ну бесхвостая ошибка природы! Всю душу изорвала, как Тузик грелку!

Всё-таки человек слаб, как и вся наша планета. Вон сама Земля после землетрясения в Чили 19 марта 2010-го даже потеряла равновесие. Из-за этого сдвига земные сутки стали короче на 1,26 микросекунды. Пустячок, а неприятный. Сегодня оторвало микросекунду, завтра... Что от суток-то и останется нам? В конце концов что будет?

¹⁰⁸ **Мотайка** – мотоцикл.

¹⁰⁹ Королевский боро Гринвич (англ. Royal Borough of Greenwich) – «морские ворота» Лондона, историческое предместье, а теперь – один из 32 лондонских боро (районов), находится на правом берегу Темзы. Гринвич знаменит тем, что является нулевой точкой отсчёта долготы и часовых поясов земного шара. Топоним Greenwic буквально значит «зелёная деревня».

А землетрясение в Японии 11 марта 2011-го сократило земные сутки уже на 1,8 микросекунды. Собственная ось Земли, вокруг которой планета сбалансирована по массе, сместилась на 17 сантиметров. Что стихия творит...

Я, конечно, после побега Козы равновесия не терял, при ходьбе не падал. Но потерю ощутил. Как подсчитаешь, какой кусок жизни отломила от меня эта козья измена?

А что обещала? И от обещанных золотых гор не осталось и прыщавого пупырышка.

Теперь я кусаю локти, до которых не достаю...

Ну тюлькогонка!¹¹⁰

Ах, жёны, жёны...

Тут у одного как-то молодая присоска выскочила радостным майским вечерком в лавку за хлебом. Была лавка в соседней хате. А вернулась янгица лишь в октябре уже заряженная, с икрой...¹¹¹ Скоростница...

Вернулась бы моя пускай и с шариком...¹¹² Принял бы... Все дураки одинаковы... Да не возвращается моя живая грелка на всё тело и на всю ночь... Был один, и снова один... Приехал к старому разбитому корыту... Один, кругом один... Вот такая моя мировая скорбь.

Обида подсекла меня. Всё-таки Коза застряла во мне по

¹¹⁰ Тюлькогонка – вруша.

¹¹¹ Заряженная, с икрой – беременная.

¹¹² Проглотить воздушный шар – забеременеть.

полной схеме. Хоть ставь сандалики в угол...¹¹³

Я б ее!..

Я, понятно, ревнив. Но не до степеней же Сейфа аль-Ислама. Этот несгораемый Сейф – сыновец Каддафи. В приливе ревнивого энтузиазма Сейф этако отважисто метнул в закрытое окошко с двенадцатого этажа молодую жену. Хохлуху, кстати. Вылетая на волю по горячей милости Сейфа, Надийка невольно разбила своим тугим телом оконное стекло. Видишь! Ну прямые ж зримые и звонкие потери! Сейф не побоялся, что пробросается. Надийка переломала при падении всё, что можно было переломать. Сорок семь дней тихэ-э-э-э-эсэнько отсыпалась в коме. Врачи подштопали её на его же джорджики,¹¹⁴ и снова они в тарзаньей любви. Теперь другая напасть. Во время любовных турниров подрядился Сейф примитивно душить её. Значит, так сильно любит. Не швыряет в окно, так душит. Ну не сидится неукротимому джигиту без дела у молодого тела! Да Надийке ж каково? Разве хрен слаще редьки?

Но что об других бить язык?

Нашла-таки моя беда денег...

Чердак мой опустел.

Кончились банки. Кончилась и агу-агу?¹¹⁵ А может, ёшкин кот, любовня и не начиналась? Пускай и так.

¹¹³ Поставить сандали в угол – умереть.

¹¹⁴ Джорджик – доллар США.

¹¹⁵ Агу-агу – любовь.

Так вот сейчас, когда чердак опять тяжко кряхтит под хрустальком, я б новый месяцок со своей витаминкой Ц счёл бы за божий дар.

Что у меня за житьё-вытьё сейчас? Драма или трагедия? «Если жена ушла – это драма. если вернулась – трагедия». Ёшкин кот! Вернулась бы... Я б от радости был на седьмом небе и чуть выше! Я эту трагедию принял бы как дар небес. Только Божечка мне этого дара не подаёт.

Теперь я понимаю Мендельсона, который после свадебного марша стал сочинять только траурную музыку.

Траур...

Ну на что мне такой бейсбол?

Тяжковатушко... Как перескрипеть? Оно, конечно, «свет в конце тоннеля есть, но тоннель, сволочуга, не кончается»!

Эхушки, жизнь, жизнь...

Восемь дыр, а выскочить некуда.

Ить всякой собачке своя косточка сладка...

Однако... Вечно думать нельзя. Головка заболит.

Ну, раз оказалась Коза сойкой, громко рыдать не будем.

Сходил посмотрел, как стреляют из ружья солдаты,¹¹⁶ и на душе стало мягче.

Всё легло на своё место.

А то... Да копни, бамбук, глубже, чего уж так и убиваться-тухнуть? Ушла... Разве стоило мне, раздолбайке, ждать

¹¹⁶ **Пойти посмотреть, как стреляют из ружья солдаты** – сходить в туалет.

чего-то другого? Двустволки ведь запрограммированы на супружескую неверность! Это не я вякнул. Это британские учёные доказали с фактами в карманах!

Дома я долго стою у газетной вырезки в рамочке, посаженной на гвоздок в стене у стола. В тоске перечитываю...

НЕВЕРНОСТЬ ЖЕНЫ: ПЯТЬ ПРИЗНАКОВ

Изменяет ли тебе жена или нет, на ощупь это, ребята, не определишь. И не пытайтесь. Я пробовал – пустое! Визуально тоже все вроде бы на месте. Тут надо стать немножко психологом, психоаналитиком и сексопатологом. Внимание!

А). Ваша жена из толстопузика-хозяйки стала вдруг красавицей моделью, без присущей ей хозяйственной сумки, новая прическа, грудь топорщится, лихорадочный взгляд, маникюр, педикюр, новые трусы, навороченный лифчик, зад ходит ходуном. Все! Щупайте голову!

Б). Отказывает вам в близости: «Голова болит, устала, отстань, завтра, послезавтра, мне нельзя. От тебя дурно пахнет!» Ищите мужчину!

В). Задерживается на работе. Работы много. Ага! Знаем мы эту работу! Сами задерживались!

Г). По выходным уходит: к подружке, на курсы, в фитнес, в библиотеку, в планетарий, на шопинг. Да знаем! Сами на рыбалку ходим!

Д). Появились дорогие цацки, цветы с работы приносит, духи новые, дорогие. Это при её-то зарплате! Немедленно проверьте шкаф, балкон и под кроватью!

Р. С. В Иудее изменщиц коварных забрасывали камнями. В некоторых странах Азии смертная казнь за измену ещё не отменена. А в Африке – оха и ужас! – отрезают клитор тупым кухонным ножом и без наркоза. Девчата! Бабоньки! Гражданки! Дорогуньки! Берегись африканов!

.....

Нда... А неточёный ножичек отдохай. Чисто сработала Коза. Ни по одному из пяти пунктов к ней не придраться. Ушла мочалка по своему пункту. По шестому. Бухалово.

И попутно доложу, что именно я сегодня открыл рентген. Потому что это я в сердцах воскликнул, щёлкнув ногтем по её цидуле:

– Я тебя, эстафетная палочка, всю насквозь увидел!

И всё же... Я б дорого дал, вернись она снова ко мне. Всё б простил!.. От радости я б подскочил на седьмое небо и чуть выше!.. Да не возвращается. Не подаёт мне Боженька такого счастья. И что ж тут поделаешь, раз ля мур пердю?¹¹⁷ Всё гениальное – просто.¹¹⁸ Изменщица! И сколько их наказывали в разрезе истории в разных странах – не бросают при-

¹¹⁷ **Лямур пердю** (французское) – любовь проходит.

¹¹⁸ **Простынь** (здесь) – просто.

вычку убежать к чужим козлам...

У себя в дупле я в грусти перечитываю свою настенную вырезку из газеты...

Как в разных странах карали женщин за измену мужу

Древние датчане карали прелюбодеяние смертью, тогда как за убийство полагался простой штраф. Это показывает, какой из двух поступков считался серьезнее. Монголы рубали изменницу на две части. В Тонкинском королевстве ее затапывал слон. А в Сиаме обычаи были более терпимы, хотя и здесь участвовал слон. Виновницу помещали в специальное хитроумное приспособление, и слон мог наслаждаться несчастной, думая, что это самка-слониха.

В аналогичных случаях древние бретонцы, также скорее всего из извращенных побуждений, засекали прелюбодеек до смерти. В Африке есть маленькое королевство Луанго, где существует обычай сбрасывать изменницу и ее любовника с крутой скалы. Галлы обычно мазали ее грязью, потом волокли ее тело по земле через весь город. В некоторых странах жену судил сам супруг: казнил ее на месте, если считал, что она виновна; это можно назвать отголоском той давней традиции, по которой мужья могли избавляться от наскучивших им жен. Такой же обычай имелся у готов, который давал мужу право казнить жену своими руками, если обнаружива-

лась ее измена.

Дикари племени майами отрубали прелюбодейкам нос, абиссинцы вытаскивали их на улицу и разрывали на куски. Аборигены Канады делали им надрез на голове, потом сдирали скальп.

В Восточной Римской империи грешниц продавали на рыночной площади всем желающим.

В Диарбекире преступницу казнили всей семьей, и каждый должен был нанести ей хотя бы один удар кинжалом. В некоторых провинциях Греции, где, в отличие от Спарты, адюльтер не разрешался, безнаказанно убить изменницу мог любой человек. Дикари племени Гуакс-Толиам, обнаруженного французскими исследователями в Америке, бросали изменницу к ногам вождя, разрубали на куски, и все присутствующие съедали их. Готтентоты, допуская отцеубийство, убийство матери и детей, сурово относились к супружеской неверности. Они карали изменницу смертью, причем доказательством вины служило даже свидетельство ребенка.

Эхушки-и... Как ни карали, а не помогло.

То-то и оно...

Нечётная жена. Третья...

От товарища Сатаны...

Первая жена от Бога. Вторая от людей. А третья от самого

сатаны!

Эта тоже была сокласка.

Раз бегу с поля по Логу. Тут сельцо под Двориками. Рядом.

По пояс я голый. В руках травки-муравки всякие смеются.

Тогда я заочно мучился в СХИ. На трёх курсах собирал гербарий. По пятьдесят видов в каждое лето.

Бегу, значит. Впереди колыхается кошёлка кошёлкой кубатуристая бабенция с бубликом на голове.¹¹⁹ Ни дать ни взять телега сала, воз костей. И сановито так вихляет своей толстой топкой.¹²⁰ Вдобавок раскрепощённо, тихонько мурлычет себе под нос юрий-ермолаевское:

– Мужчины, прочь стеснения,
Ведь я – ничья жена.
Гоните прочь сомнения,
Что слишком холодна.

Я смотрел, смотрел ей в спину и, сронив философское «Мда!», в задумчивости сам увязался петь:

«Климакс меня дома не застанет.
Я в дороге, я в пути...»

Однако таковские самовары меня не колышат.

¹¹⁹ Коса, уложенная на голове кольцом.

¹²⁰ **Топка** – задница.

Скользнул я ещё раз ленивым глазом по развилке, откуда ноги разбегаются в разные губернии, – нет, ничего не ёкнуло. Ну и ладненько.

Вежливо обегаю этот банкомат кружком и по привычке непростительно оглянулся.

Го-осподи!.. Санькя-дробь!!! Метр с кепкой на коньках!

Я её с выпускного не видел.

А не видел бы и век – горюшка не знал.

Эта лохнезия ещё в школе была страшна, как смертный грех. Какая-то некультяпистая, неухоженная. Что называется, мать родила, да не облизала.

С годами последний растеряла девичий цвет.

По бокам развисла. Прыщавая. Зубы через один. Глаза цвета влюблённой курносой жабы. Лицо, извиняюсь, какое-то из разряда, как говорят, тюряжных. Интересно, давно ли эта квадратно-челюстная мамлютка любовалась собой в зеркале? Ну ведь такой хариус таскать – только трудовой народ смертно пугать да со стахановского, с патриотического ритма его сбивать. Одно слово, хватай мешки – вокзал поехал!¹²¹

Обделил Господь, забыл в сутолоке будней кинуть в неё хоть капелюшку радости. Какая-то угрюмая.

Хотел я уже было приналечь да отвалить, как из-за угла вывернулась велосипедная стайка ребятни. С поклоном

¹²¹ **Хватай мешки – вокзал поехал!** – сигнал опасности, призыв немедленно скрыться, убежать.

нестройным хором поздоровалась с Санькой.

– Чего это они с тобой такие вежливые? – смехом вхожу в вопрос.

И она важно так рапортует:

– Этикет требует. Я не клавиша там какая лохматая. Как-никак директор восьмилетки в Логу!

Ну что делается на белом свете! Санька – дирик-чирик! Кто бы мог подумать?

А давно ли вытворяла?

Пуще смерти боялась Санёка контрольных.

В предконтрольный день Саня нарастающе стонала. Скулила про боли в животе, покуда родители не отменяли завтрашнюю школу.

Однажды мать не выдержала да и кликну неотложку.

Саню запихнули в больницу. Взяли анализы. Выяснилось пониженное содержание эритроцитов или какой-то там ещё холеры.

Врачун в который раз внимательно осмотрел Саньку, отозвал мать в сторонку и шёпотом шуршит:

– Ничего критического я в ней не выловил. Может, у неё острое воспаление хитрости?

Мать даже пала в обиду:

– Вы оскорбляете мою дочку жестоким ложным подозрением!

– Сильно ли жаловалась девочка на боли в животе?

– Ой! Да прямо вся смертно крючилась! – аварийно паль-

нула маманя.

Ну, пинцет¹²² на всяк случай и выхвати невинный аппендицитишко.

Не на что стало Санёке жаловаться. Вернее, боялась уже жаловаться. Пришлось ходить на все контрольные.

Только после горькой разлуки с безвинно пострадавшим родным аппендиксом стала у неё почему-то обычной, нормальной температура тридцать семь и восемь. Как у лошади.

Бож-жечко ж мой! Вот эта мушкетёрка – директриса! Вот эта горькая мхатовка-мохнатовка¹²³ – целая дирюга! Не-е... В ней что-то положительное да пляшет!

Как замечено, «мужчина любит женщину за выпуклости относительно плоскости». Вот эти выпуклости и заплясали у меня в глазах. Срезали меня с корня.

Мы коротко повспоминали общих школьных друзей. Своё прошлое.

Дошли вместе до угла триппер-холла,¹²⁴ я и брякни на авось:

– Какая ты всё-таки красёнушка!

– Да! – закокетничала страшуха. – И тут ничего не поделаешь!

Я и подгони черту:

¹²² **Пинцет** – хирург.

¹²³ **Горькая мхатовка** – артистка МХАТа (Московского Художественного академического театра имени Горького).

¹²⁴ **Триппер-холл** – кожно-венерологический диспансер.

– Долго ль разбежалась девовать?

– Какая я тебе залежалая дева? У меня сын! Я в разводе.

– И я надкушенный... Соломкин вдовец... Что тут шевелить извилинами? Всё ясно. Ну... Может, давай сольётся в семейном экстазе, что ли?

Хмыкнула она себе на уме.

Но соглас в милости кинула.

В тот же вечер я примчался к ней домой.

– Я пришёл переночевать... Пусти. Не разочарую.

– Однако... Какой прыткий... Ещё солнце не село, а он уже прибёг на ночёвку. Какая-то борзая любовь у нас выплясывается. Со знакомства сошло часов пять и он уже прибёг на ночёвку. Оха... Только и вздохнёшь по глубоким чувствам. Вон в Британии один сорок два года добивался своей матрэнки!¹²⁵ Романтично...

– С той горбатой романтики мёду не опиться. Эстолько

¹²⁵ Случай действительный. 74-летнего Колина Джонса можно назвать одним из самых терпеливых мужчин на свете, ведь он делал предложение своей возлюбленной ежегодно на протяжении 42 лет. И вот, когда он уже потерял надежду, 72-летняя Полина Янг сама позвала его замуж. Полина и Колин до своей встречи уже были в браке и на двоих имели пятерых детей. Однако их первые союзы оказались неудачными, они развелись и, будучи холостыми, познакомились в школе, куда ходили их дети. Уже через полгода Колин предложил Полине выйти за него замуж. Она отказывала ему сорок два года, пока британка сама не попросила возлюбленного жениться на ней. Была скромная свадьба. Однако супруги вынуждены жить раздельно: несколько лет назад Полина сильно заболела и переехала в дом престарелых, так как нуждалась в круглосуточном профессиональном уходе. Колин регулярно навещает её. Он несказанно счастлив, что наконец-то смог жениться на женщине своей мечты.

водить за нос! Такое измывательство как стерпеть? И ты что, тоже хочешь растянуть резину на полвека?

– Какой нетерпяшка... Ну... Ладно... Переночевать можно и днём...

Как потом узнал я стороной, черновичок¹²⁶ был у Санёки клопик-раскисляйка. Всё подпекала его где-то вычитанной забойной прибаской: «Не дыши мне в пупок – глистов простудишь!» Боялся труслий своей согревушки пуще смерти. До того был робкий, что перед первой брачной ночью в майке и в тётчиных тапках на босу ноженьку выскочил во двор покурить и вернулся только на третий день вечером. Да не сам вернулся. Санёка вернула под бдительным конвоем.

– Ишь, удумал чего! Перед пламенной первой брачной ночушкой сбёг! Со святой премьеры сбёг!!! Да не на ту запал!

Приготовилась Санёка к биатлону. Прилегла, ждёт первого боевого всепланетного схлёста... Ждёт-пождёт пять минут... Десять... Слились все тридцать... А биатлониста чёрт ма. Иль где в снях заблудился?

Санёка намахнула халатишко на плечи, рысцей прожгла вокруг хаты – нету. За сараем в огородчике – нету. Наверняка удрапал марамой¹²⁷ к папке с мамкой!

В ночь Санёка не решилась бежать к его родителям. Но на первом свету была у них. Марксы¹²⁸ на месте. А мужень-

¹²⁶ **Черновичок** – первый муж.

¹²⁷ **Марамой** – непорядочный человек.

¹²⁸ **Марксы** – родители.

ка-то нет! На третьи сутки еле выловила у дальних родичей на глухом хуторке.

– Ты от кого вздумал бечь, баклуша? – победно осведомилась Санёка и грозно потрясла кулаком. – Ещё разок сбежишь – смерть зяблику гарантирована. Припашу!

В их отношениях Санёка была паровозом. Худо-бедно, а до загса таки ж дотащила.

В загсе захмелелый зяблик дерзко расписался, как на повергнутом рейхстаге. Расписаться расписался, а на отплатку супружеского долга ни духу, ни желания не хватило.

С полгода промаялась с ним Санёка и вытолкала на все четыре ветрушка.

Пристал я, ёшкин кот, к Санёке в приймаки, втёрся к ней в дом жить.

Эха-а... С этой каркалыгой мозги все сломаешь. Оно хоть «мозги и не видно, но их отсутствие заметно». Как твёрдо известно, «в каждом мужчине есть несгибаемый стальной стержень, и слабым женщинам не согнуть его. Остаётся одно – пилить». Пилит, пилит меня, несгибаемого, пилит, пилит... Отдохнёт да примахнёт... Когда ж ты, пилка, затупишься?.. Ну что я ни предложи – свои резоны поперёк лепит. Ну что ни сделай – обязательно всё не так, всё не по её разумению. И стал я её звать поперечной.

Хотешки она и дыря-гиря без цены, бесценная, а блинца нормального, дырявого, не испечёт.

Сляпает...

Учёность из неё прыщами лезла. А сварганит толстую блин, как в заставку клин! С сырцой. За день с длинными передышками не прожухёшь! Руки, вишь, у моей матрёны не из той деревни растут... Эхушки-и... Кому Бог дал рученьки, а кому грабельки!.. Но с Богом не подерёшься. Сверху Боженке видней, кому что подать...

Дирюга моя даже пельмени в холодную воду засыпает! Носки начнёт эта бычка¹²⁹ стирать – умудряется руки поранить!

Годов у меня распрепорядочно. Как просил, роди мне маленького и спокойно вместе уйдём солдапёрить. Надо окончательно выглядеть здоровым. Я ей не раз твердил суворовское «Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, правдиву, благочестиву». Да куда... Она лишь посмеивалась ехидно. А-а... Есть жена, есть киндерёнок – только тогда и здоров!

Ёшкин кот! Да где ж тут быть ей в дамках?¹³⁰ Да где ж тут дитю выбежать на свет, если она стала в открытую отлучать меня от постельных боевых поединков? Поначалку вроде б и ничего. А то взяла моду... Только загонишь хомячка в норку... Бац! В самый распал скидывает с себя. Это какво стерпеть?.. Это как перескрипеть такой бабский пердимонюкль? Даль хуже. Вообще никакой топтушки! Вроде и со смехом

¹²⁹ **Бычка** – глупая полная девушка.

¹³⁰ **Оказаться в дамках** – забеременеть.

всё это делает. А на болт не взять. Все проходы перекрыла к своей балалайке. Никакой игры! Неделями ж не кидал в топку и одной палочки... Ну совсем, бывало, затупилась шашка... Милые бранятся – только чешутся. У нас же никакого чесания. Глухая оборона. Глухая голодная диета! А дело жизненно необходимое. Как быть без её телевизора-розочки? С горя хоть падай на подножный корм? Погнаться за двумя яйцами?¹³¹ Как уточнил один умнявый дядько, гонка эта «заключается в ритмичных постукиваниях молотком по головке пениса на фоне фантазий о совокуплении с эмбрионом инопланетян во время Курской танковой битвы в горячей самоходке».

Гонка эта радости не накинёт мне.

А цесарка ломается, как копеечный пряник.

– Тоже мне выискался вояка... Из-за пушек дразнил квакушек! Ты же...

Прямушко вот так в лицо и напоясывала.

Кажется, эта какаси¹³² верила в какую-то мою таинственную болезнь.

– Кто тебя, – гремела крышкой, – в офицеры-то возьмёт? Ты вроде графа Монте-Кристо. Граф трещал про свои сокровища. Да кто эти сокровища видел?.. И я от тебя никаких сокровищ не вижу и не увижу, ненаглядный ты мой сеньор-помидор де Валера!

¹³¹ **Гоняться за двумя яйцами** – заниматься онанизмом.

¹³² **Какаси** (японское) – пугало.

С подпёком намекала на мои некрутые заработки.

Всё же временами Санюта опрометчиво теряла бдительность, и я иногда героическим штурмом прорывался-таки к её волосатой хромосоме, и моя Санёка трижды бегала к прыщавому работничку органов... Ну... к этому... К писькину врачу. А моему малече, а моему росточку так и не дала войти в свет.

И нигде не растёт, нигде не цветёт мой колосок...

Ни дома, ни в поле...

Крепко Санькя меня нажгла...¹³³

Ну баба-петля! Ну баба-кандалы!

Да как же вот так жить один одним?

Воистину, «нет таких препятствий, которые бы помешали нам свернуть шею»...

¹³³ **Нажечь** – обмануть.

Женщине нужен мужчина, на которого можно опереться, а мужчине нужна женщина, на которую можно положиться.

К.Мелихан

Одна ласточка гнезда не вьёт...

Не хочу я один. Не могу я один.

Оттого и кинулся раскатывать по свету.

Земля для музея, конечно, землёй. Но земля вроде ширмочки. Не скажу же я, что поехал искать жену. А так вроде едешь за делом, а сам и щупаешь, и щупаешь глазами людей, всё пугливо заглядываешь девушкам в глаза. Не моя ли Алёнушка? Не моя ли?..

Ищу далеко. Ищу поблиз дома.

После смены в химдыме прыг на велосипед и по окрестным сёлам во всю вторую смену. Второй сменой ребята называют у нас в Двориках ночные культпоходы по девкам. И шарнирам¹³⁴ развитие, и сердцу цветастые хлопоты... Ищу через бабок, ищу через знакомых.

Невестами я особо не перебираю.

Это Гордей привык бугаевать. Носом всё ворочает. Сороку взять – щекотлива, ворону взять – картавита, взять ли, не

¹³⁴ Шарниры – ноги.

взять ли сову-госпожу?

Мне не до переборов. Тут я мальчик-колокольчик. Не привереда.

Ищу себе под пару пчёлку лет так сорока. Помятую.

А они всё попадаются или мочёные козы, пьянистки, или чересчур правильные, или дурки с папиросами. Ненавижу курячек! Ведь курящая курица – это унитаз, которым пользуются, но в котором ни разу не смывали! Так что мне ни те, ни те, ни те не годятся.

Сам я не пью, не курю. Тихий, спокойный, домовитый.

Мне б с такими *дефектами* найти какую себе в пару... С *дефектами* легче прожить. Сам я уже седой, как мерин. Для равновесия пускай и она будет с брачком слегка. Ну, очки её я ещё вытерплю. Ну, оспу там... Ну, пускай подхрамывает... Если ей так уж охота... Ну, подкашивает... Пустяковый изъянишко мне не помеха.

Пускай только будет она физически здоровая. Чистоха... Не стакановка... Чтоб не воровала... Чтоб отзывчивая была. Аккуратная. Ценила чтоб домашний уют. Чтоб негулячая была. Понимала чтоб меня...

С дитятком, с прицепом, не хочу. Вон Козулину черти-хвостку, Санькина звурёныша с рук не спускал. Всё одно не то. Чужая, не моя кровушка.

И я не один такой искатель.

Вон в Китае одинокий тридцатилетик пробежал по авто-

страде 222 километра за 45 часов. Во имя любви! Свой марафон он назвал «За веру и за неё». Надеется бедолага так найти любовь. Его девиз: «Делайте то, что любите, и вы встретите того, кого полюбите».

За весь забег он останавливался отдохнуть лишь на три часа. В поддержку к нему на марафоне присоединялись некоторые сочувствующие спортсмены.

Езжу я. Езжу...

«Жизнь жительствоует»...

Глянется какая генерал-деваха, ватно подойду. Поздоровкаюсь. Чуток настрою тишину, помолчу как бы для передышки-разгонки да и леплю своё:

– Я королевским замашкам не обучен. Я слова про любовдружию складывать не умею... Я хочу на тебе жениться... Какой вот есть, такой вот и есть...

Чуть ли не бежмя она от меня.

А что я поделаю?

Я знаю, так нельзя подходить к незнакомому человеку.

А как надо?

Пособий, как ухаживать за теми же тёлками или свиньями, сверхраздостаточно. А как подойти к незнакомке? Как сладить семейную жизнёнку?

Неужели про это люди ничего не знают, раз ничего не пишут?

Ездил я в Воронеж. В бюро знакомств.

Мне говорят:

– Оденьтесь получше. Приезжайте на танцы. Потанцуете. Познакомитесь. Поговорите...

А я посылаю их лесом:

– Мне ваши плясандины до лампы. Я танцевать не могу. Разговаривать не могу... Ля-ля – тополя... Это не моё... Я не разговаривать... Я жениться хочу! Мне красуню не надо. Мне б... Руки-ноги по бокам, голова на возвышенке в центре... Весь наличный комплектишко первой необходимости на месте... Мне ну и ладнушко.

Понятно, ни на какие те скачки я не поехал.

Я прямым налётом в рейхстаг.

Райком свой, ближе и как-то понадёжней того бюро.

Нарезаю пряменько к первому. К Виктор Семёнычу.

Виктор Семёныч у нас давно. Он ещё вызволял меня из голодной эпопеи в Малиновых Буграх. Знает меня как облупленку.

Спроста захожу. Сразу речь.

– Вот выговор! – кидаю с порожка. – Это вы – пожалуйста!

По части выговоров вы мастаки. Этому за срыв сева, тому за молоко... И грамоты под вашей властью... Но я пришёл к вам не за выговором, не за грамоткой... Знаю, надо – станете вы искать человека на место бригадира, управляющего, зав-фермой. Расшибётесь, а найдете. А вот при мне не первый год пустует свято место жены. Почему вас это, извиняюсь, не кольшет? И вообще. Вот почему человек один? Почему он столько лет состоит в холостом звании? И что, вас это ни

под каким соусом некасаемо?

– Говоришь ты, Валерий Лодыревич, много, а послушать нечего, – с лёгкой обидой в голосе возразил Сяглов. – Напрасно ты так сразу...

Сяглов запнулся.

Осторожно выдернул из-под перекидного календаря газетину. Разостлал передо мною по столу.

– С единственной думой про тебя еле выпросил вчера в поезде у одного. А ты... Смотри, сколько я тебе невест привёз! На любой вкус! – постучал ногтем в полосу с объявлениями. – Мармеладки все ещё свеженькие. Можно сказать, только что с огня. Газета ж выскочила тринадцатого июля. Три дня назад. Пиши любой. Ну, хотя бы вот этой.

"Царевна-несмеяна 24 лет, рост 165, волосы русые, глаза голубые, ждёт Емелюшку 18 – 40 лет, каштанового, рыжего или русого, с шоколадными глазами, можно с конопушками, рост 165 – 185, без усов". Ну, выходишь на связь?

Я дал отмашку. Проскакиваем эту остановку!

Сяглов на подкрике:

– Ты оперируй фактами, а не голым пальчиком!

– А чего тут оперировать? Подожду... Не под масть я этой царёвке. Я не царевич. Даже не сиятельный граф. Не рыжий. Я уже седой.

– Самокритично. Хвалю! А что на это скажешь? *«Высокая, худенькая...»*

– И не читайте дальше!.. Тоже мне радость всепланетная.

Худенькая!!! Да на что мне эта глиста в платочке? Щёки, по-
ди, мохом позаросли... Не брилась же со дня рождения...

– Ты чего про какой-то мох пуржишь? Я тебе про мох чи-
тал? Про бритвё читал?

– Тут и без громкой читки догадаться можно...

– Ну-ну... Ладно. Проезжаем этот разъезд... А вот... Вни-
май обоими ушками. *«Озорница с достойной головушкой ра-
да отдать всё тепло своей души и сердца шалуну-девствен-
нику с бесёнком в глазах, бесконечно ритмичному, признаю-
щему культуру и искусство во всех его проявлениях...»* Твой
ход?

– Картина Репина «Не ждали»! Ну к чему мне это искус-
ство? Слишком много хочет... На самой, поди, негде печат-
ку хлопнуть, а ищет девственника...

– Тэ-экс... А вот... *«Ищу мужчину. О себе: хорошая хо-
зяйка, терпелива, умею копать червей, имею лодку...»*

– Мимо! На что мне её лодка с червями? Она что, разбе-
жалась прикнопить меня на червивую диету?

– Рыбачка она, наверное...

– Пусть там у себя и рыбалит! А то намахнула сети на всю
державушку...

– Гм... Ну а эта? *"Стройная женщина 30 лет, русская,
рост 166 см с высшим образованием, ищет спутника жизни
до 40 лет. Писать: 483310, г. Талгар, главпочтамт, предъ-
явителю паспорта У-ИА № 610262"*. Чем плоха? А?

– А чем хороша? – выставляю я свой козырь. – Мне б лет

под сорок... С небольшим физическим изъянцем. По положению из простых. Можно даже уборщицу. А тут с высшим да стройная, да молодая... Да ну её до банки!

– Чего это ты испугался высшего? У тебя ж у самого два высших! Молодая... Гм... Большой грех. А что тебе – эту? *"Работающая пенсионерка, вдова, 60 лет, украинка, рост 166 см, приятной внешности, образование среднее, хорошая хозяйка, приветливая, желает встретить одинокого мужчину 58 – 65 лет, высокого роста, энергичного, неполного, трудолюбивого. Можно из другого города"*.

– Божий обдуванчик никак не облетит... Всё ищет! Постеснялась бы старых дней своих. Дай-подай ей в шестьдесят пять стройного с уклоном в энергичного. Да он уже верблюд, два горба, перешёл есть колючки!

– Стара... Дореволюционной выпечки... Ну, давай тогда сами дадим в газету такое объявление: *«Невинную девушку ищет всеми уважаемый житель села Синие Дворики. Для брака...»*

– Гм... Невинная... Так зато наверняка чумная страхолюдина. Ну да никого ж не разогрела на горбатый подвиг! Мне-то на кой такая чумричка?

– О Господи! Ну ты и труслияка! Притих, как мышь под веником. Испугался быть первопроходцем? Ну, – щёлкнул он ногтем по газете, – от этой ты не отбояришься! *"Если вы хотите найти хорошего друга и создать семью, напишите мне письмо. О себе: умею создать домашний уют, люблю пу-*

тешествовать, интересуюсь искусством. Мне 40 лет, рост средний, кандидат наук, хотела бы познакомиться с интеллигентным мужчиной не старше 48 лет, без вредных привычек, добрым, чутким, с серьёзными намерениями, с образованием не ниже высшего". Ну как?

– Да никак... До зонтика она мне... Я б хотел своего ребёнчика. Своего киндера-сюрприза... Да она по своим летам уже и котёнка не родит. А ещё... Любит путешествовать! Да я ж сам по этой части большой любитель! Оба уедем, кто дома-то будет? Потом... Была б хоть с простинкой... А эта чересчур умная... Эта из меня будет мягкие пироги ворочать. Кандидат! Загонишь её в навоз, в наши Дворики...

– А зачем обязательно в Дворики? Сольётся-сладится всё, дуй к ней.

– Куда? Откуда она?

– Газета называется "Вечерняя Алма-Ата". В Алма-Ате твоя сударка.

– Алма-атинского киселя мне только и не хватало! Нипочём она мне не нравится. Не поеду. С чего это вы надумали меня услатить в такую далину? Чем я вас подгневил?

– Однако! – начинает сердиться Виктор Семёныч. – Проблем с тобой выше ушей. Крепенькой ты жанишок, какой-то расхлыстанный. Сам не знаешь, чего хочешь. Только и слышишь от тебя: не жалам!.. не жалам!!.. не жалам!!!.. Какую ж тебе предложить? Вот задачка... Верно французы говорят, что нет ничего более трудного, как распознать хороший

арбуз и порядочную женщину... Слушай! А может, выписать тебе из Москвы советто-ебалетто-шик?..¹³⁵ Ну такой сладкий эректорат запростяк отшвырнул! Как я погляжу, ты слишком вумный, только худенький. Целый же поезд с невестами пустил под откос! Какой-то неостановимый гасильщик! Ещё тот мотуший типяра. За единый присест отмёл двадцать каких акварелек!

– Да ну хоть и сто двадцать! А нет чего надо, не кинешься.

– Все рода женских войск перешерстил – не подобрал себе ляльку! Ну что мне с тобой делать, пан Капризкин? Может, на дочке Кармелитки тебя подженить?

– А кто эта сама Кармелитка?

– Кармелитка уже замужем. Коза, а замужем...

– Чего гнать пургу?

– Тогда слушай! – щелкнул Сяглов ногтем по газете. – *«Житель Бразилии Апересиду Кастальду решил жениться на своей домашней любимице, козе Кармелите... По словам 74-летнего мужчины, брак, само собой, не будет оформлен официально, но торжественная церемония все равно состоится. На вопрос о том, почему он решил жениться на Кармелите, Кастальду ответил, что она его полностью устраивает. «Она не тратит деньги в торговых центрах, не разговаривает и не сможет забеременеть»... Выгодная невеста... Апересиду молодчуга! Глядишь, может, в порядке исключения козлята поведутся, всегда отличное молочко*

¹³⁵ Советто-ебалетто-шик – красавица из кордебалета.

на столе!

– Мда-а... «Крыша едет не спеша, тихо шифером шурша»... Хотя... «Мужики на мужиках в Гейропе ну женятся же... Чем коза хуже грязнухи педика?» Однако... Несчастливая коза... Она дала согласие? У нее кто-нибудь его спросил?

– Оттого и несчастная, что у неё благоверный – старый козёл.

– Эта коза ещё своего благоверика какой-нибудь напастью накроет. Вон у азиатцев главные поставщики спида госпожи ослицы... Нет, не верю я этому браку...

– Твоё дело. Только... – Сяглов снова сунул нос в газету. – *«Так... австралиец Джозеф Гуизо женился на своей собаке, а в мае этого года немец Уве Митциерлих стал супругом своей больной кошки».*

– Совсем оборзели мужики... Зачем же больную кису обижать? Вы мне козами да кошками глаза не замазывайте!

– Ладнушки... Слушай! А может, ты в саму в Америку рванёшь!? Потискаешь бабку Лизку?! Сбросишь давление... Ты боишься молодых. Так вот тебе божий обдуванчик! Семьдесят восемь гэ!

– Чего гэ?

– Годов! В девятый раз намылила лыжи под венец. Избранник на тридцатник моложе. Пока не сошлись... Ты ещё юнее... Гляди, она и переиграет свадебную кадрили, и ты на первом крупном плане!

– Зачем мне рухлядь?

– Оно, конечно, так... А жаль... Обдуванчик дорогой. Это между нами она бабка Лизка. А по жизни она актриса Элизабет Тейлор. Миллионщица!

– Не... И подумывать не хочу про этот пердимонюкль. Ну чего тут парить бабку в красных кедах? Слишком высоко и далеко эта уже давно прокисшая сметана...

– Ну... Не жалаешь кислую сметану... Так мы тебе подкинем сам свежачок. В той же Америке студенточка Элизабет Рейн продаёт свою девственность за 550000 долларов. Берём? Чего морщишься? Сомневаешься в качестве девственности? Ну... У нас и поближе сыщется свой путяк! Дай от себя объявление в местную газету!

– Ёшкин кот... Не... Я никогда не писал таких штук... Я и не знаю, как их составляют...

– Так подучим! Мне как хохму передал один знакомыш подборку объявлений почти столетней давности. В московской «Брачной газете» печатались в 1907 году. – Он достал из нижнего ящичка стола конверт и плеснул на стол вырезки. Разложил их аккуратно. – Вот... Читай, ищи для образца свой вариант.

Я без охоты просматриваю вырезки по диагонали.

АДРЕСЪ

для письма желающимъ со мной сойтись на краткомъ жизненномъ пути нашего человѣческаго организма въ ростѣ движенія безпредѣльной вѣчности:—Кіевъ, Александровская ул., 5, новому русскому художнику Х. серьезно.

9742.

Брюнетка

не смуглая съ гол. глаз., выше сред-
роста 32 л., чисто русск., правосл.
интел., развитая, скромная, тихая,
женств., съ честной, правдивой, ве-
селой и чуткой душой. Хорош. семьи,
привел. сосл. Безъ средствъ. И безъ
претенз. Хорош. хозяйка, домосъдка
и семьянинка; зн. немн. муз. Жел.
выйти замужъ за спокойнаго, поло-
жительнаго, благороднаго, съ мяг-
кимъ характеромъ и добрымъ отзыв-
чивымъ сердцемъ, обеспеченнаго ма-
териально или службой господина отъ
38 до 60 л. Могу и за вдовца, имѣю-
щаго дѣтей; буд. другомъ, добр. ма-
терью его дѣтямъ. Предложеніе вполне
серьезное и искреннее. Адресъ: г.
Харьковъ. Аптекарскій пер., Мих.
ул., д. № 22., кв. Гут. передать Л.
М. Письма закрыт. 0065941

Мнѣ тридцать лѣтъ,

шатень, средняго роста, имѣю 20,000 годового дохода, желалъ-бы познакомиться съ хорошенькой женщиной. Бывать въ театрахъ, прокатиться за города въ лучшую морозную ночь и затѣмъ согрѣться за стаканомъ вина. Послѣ же серьезнаго изученія другъ друга я не противъ вступить въ бракъ и предложить избранницѣ всѣ удовольствія жизни. Москва, главный почтамтъ, предъявит. кредитнаго билета 100 р. Д. Я. 117396.

5833

Холостой человекъ

33 лѣтъ, желаетъ познакомиться съ особой, при взаимномъ сочувствіи бракъ. Прелестнаго отзывчатаго характера, коммерсантъ, не долюбливаю спиртные напитки, не курю, въ карты не играю. Тайну переписки гарантирую честнымъ словомъ. Москва, Почтамтъ, до востребованія, предъявителю 3-хъ руб. кр. бил. за № 794612.

ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ

одинокій купецъ, 37 лѣтъ, имѣеть около двадцати лѣтъ большое торговое дѣло. Ежегодный оборотъ около ста тысячъ рублей, желаетъ познакомиться въ цѣляхъ брака, съ барышней или вдовой не старше 30 лѣтъ. Предпочитаю брюнетку высокаго роста, полную, съ капиталомъ. Предложеніе серьезное. Адресъ: Главный почтамтъ, предъявителю кредитнаго рубля № 889990. 5591

Безъ подруги, нѣтъ отрады,

Сердце сдавлено тоской,
Сиротливость безъ услады,
Къ низу клонить головой.
И въ умѣ моемъ тѣснятся
Думы грустныя гурьбой,
Дружба, хочешь отозваться,
Грузъ раздѣлимъ мы съ тобой!
Ты расплавь окаменѣлость
И на мой призывъ иди,
Мысли дай полета смѣлость
И за то награды жди.

Нужно мнѣ успокоенье,
О расходахъ здѣсь не рѣчь;
Я ищу въ часы томленья
Головой на грудь прилечь.

Глав. почтамтъ, предьяв. 50 р.
кред. бил. № 259093. 5687-2-2

Поэтъ-безумецъ

мистическій анархистъ, ходящій надъ безднами, призываетъ изъ далей ту, что дерзнетъ съ нимъ рука объ руку пройти житейскій путь и познать все. Предложеніе серьезно. Москва, 34 почт. отдѣл. Предъявителю почт. квитанціи № 375. 5675

Провинція.

Дѣвушкѣ труда

блондинкѣ или шатенкѣ, съ умѣренными чертами лица (небольшой ротъ и носъ) предлагаю хорошаго жениха. Вильно. Почта—до вострѣбованія. Рицкевичъ. 9613.

СИЛЬНО

скучаю, куда не пойду,

Вездѣ одинокій брожу я съ тоской,
Нигдѣ утѣшенія найти не могу
Неужели-жъ рожденъ я такой?

Откликнись! утѣшь! твое сердце скромное жду

На груди, у тебя лишь найду утѣшеніе,

Лишь въ ласкахъ твоихъ имѣю нужду

Я молодъ, богатствомъ убогъ,

Но не въ этомъ, вѣдь дѣло, пойми-же!

Ты встрѣтишь во мнѣ лишь смиренье.

И тихое счастье въ семьѣ удѣломъ намъ будетъ обоимъ.

Адресовать: Москва, «Брачная Газета», для пересылки П. Н. 9765.

Въ цѣляхъ брака,

ищу подругу жизни для совмѣстнаго труда и счастливой жизни. Мнѣ 48 лѣтъ. Имѣю дѣтокъ, состояніе ВЪ ПОЛМИЛЛІОНА. Особу дѣвицу не старше 30 лѣтъ, вдову до 35 лѣтъ, бездѣтную, со средствами. Веду обширныя экономическія и торговыя дѣла. Желательно подругу интеллигентную, окончившую Средн. учебное заведеніе, знающую музыку, некурящую. Переписка серьезная. Адр.: г. Александровскъ, Екатеринбургской губ., И. А. Куржупову. Въ собственныя руки. 4399

Балансъ

на 1-е января 1907 года движимаго и недвижимаго состоянія.

ИМѢЕТЪ.

ДОЛЖЕНЪ.

- 1) Имѣніе въ Полтавской губ., Переяславскаго уѣзда, при с. Рудяково изъ 1200 дес. 175000
- 2) Имѣніе въ Курской губ., при ст. Отрашиково 67 дес. 20000

Дома доходные въ Александровскѣ:

- 3) Дома на Соборн. улицѣ 25000
- 4) " по Екатер. ул. „Михайловское подворье“ 80000
- 5) " по Александровск. улицѣ, гдѣ и торговля 75000
- 6) Дворъ съ амбарами на площади Шевченко 5000
- 7) Капит. въ товар. (торг.). 75000
" въ долгахъ 25000 } 100000
- 8) Заплатившая на дома въ Александровскѣ 10000
- 9) Въ билет., рент. и обер. кн. Госуд. банка 13000
- 10) Въ движим. имуществахъ и цѣнн. вещахъ 10000
- Наличн. денегъ 1000

Балансъ 514000

- 1) Заложено въ Полтавск. Зем. Банкѣ 24000
- 2) " " Харьков. " " 5400
- 3) Не заложень.
- 4) Заложень въ Бессар.-Тавр. банкѣ 24000
- 5) Не заложень.
- 6) Не заложень.
- 7) Долговъ по торг. счет. за
товаръ 16000
" Екатер. Отд. Госуд.
банка 14000
" Азове.-Донск. бан. 5000
" С.-Петербур. М.К.В. 7000
42000
- 8) Долг. по спец. сч. банкамъ въ
банк. 6000
- 9)
- 10)

101400

– Нет, – собрал я вырезки назад в конверт и отдал Сяглову. – Это не для меня.

Он говорит:

– Ну... Нанёс бы визит бюро знакомств у нас в области.

– В конце июня я наведывался в то знакомое бюро. Я по своему навеличиваю его... С горячих глаз отвалил целую пятёрку! Входной взял билет на вечер "Кому за тридцать". А вот пошевелил шлемаком¹³⁶ и отдумал. Сегодня эта вечеруха. А я не еду. Что-то думы одолели... Дополнительно пошевелил пузырями и выскочил на вопрос. Что за шоша да ероша слетается на тот гульбарий? Как бы потом не пришлось на капремонт в химчистку¹³⁷ бежать!.. Ну пускай до химчистки не дойдёт... Судите сами. Танцы-шманцы кончатся ближе туда к двенадцати. Волчья полночь. Ночевать негде. Чалить на вокзал? Или, может, своим порядком двигать поршнями аж в Дворики? Это ж шестьдесят кэмэ с гачком!.. Конечно, прокуковал бы до утра на вокзале. Не помер. Да ради чего куковать? Вы вежливо поталкиваете меня в город. Не в Алма-Ату, так в Воронеж. Всё вроде выпихиваете на асфальт. На свет. А мне туда нейдётся. Не хочу я в город! На те разгуляи сводят городских. Да сбежись я с какой клещихой в союз и – оставайся в Воронеже? Не-е!

– А от меня тогда чего тебе надо?.. Не пойму... На днях

¹³⁶ Шевелить шлемаком – думать.

¹³⁷ Химчистка – кожно-венерологический диспансер.

читал про тебя в нашей районке. Два высших образования! Пятнадцать ремёсел сидят в золотых руках! Токарь-ас!.. Видом интересный чубрик... Неужели при таких королевских козырях нельзя заарканить какую вяжихвостку себе под пару?

– Газету читали и те бабуинки, кого бы я хотел видеть рядом с собой. Но ни одна из них не подала мне голосок.

– А я тут при чём? – в досаде вскрикивает Сяглов.

– А что это вы подымаете на меня свой вокал? – исподтиха кольнул я.

– Да никто и не думал подымать на тебя голос. Ты любого доведёшь... – Он беззлобно обложил меня многопартийным матом и уныло постучал карандашом по столу: – Так что же, жужжало, с тобой делать?

– А ничего лично со мной не надо делать. У вас весь район в кулачке... Разожмите пальчики... Все на ладошке... Вы всех знаете... Вам проще в пару кого мне подобрать...

– Ты что же? – срезается на полушёпот Сяглов, обомлело подымается со своего дорогого родного красного кресла, вскинув щитком руку с пальцами веером. – Ты что же, со мной породниться хочешь?

– Ёшкин кот! Да не лезу я в родню. А прошу потихонешку шукнуть бригадирам там, где у кого в бригадах есть одинокие молодуньки, николаевские девки от голодного года¹³⁸, что обитает в райцентре такой-то, несудимый, необлучён-

¹³⁸ Николаевская девка от голодного года – старая дева.

ный, физически нормальный. Пускай бригадиры проведут распояснительную... ну, эту вашу... разъяснительную работу по моему вопросу... Разъяснилровку там...

– Такие вещи не делаются! Ищи сам... Ну, паря... У тебя в черепке маньячит жуткий сквозняк!

– И прекрасно! Ведь зато постоянно идеи самой последней свежести!

Недовольный Сяглов дует под свой нос:

– Всё! Нет больше моих партийных сил. Кыш с моих глаз! Кыш! Пошёл бы потрепал теперь нервы самой вот этой, – щёлкнул он ногтем по газете. – Вот этой потомственной магине!

– Кому, кому?

– Магине... Есть шах – есть на него и шахиня. Есть маг – сыщется на него и магиня!

– А-а, понял...

– Внимай! Читаю: *«Потомственный маг Марфа Власьева. Ушла жена? Верну и налажу отношения. Поставлю мощную защиту от измен. Сниму порчу, сглаз, венец безбрачия, восстановлю мужскую силу, заговорю недуги. Мощный финансовый обряд «Золотое руно» на привлечение денег, карьерный рост и успех в работе!»* Ну!/? Дарует всё в комплексе! Жену! Здоровье! Деньги! Согласен?

– Не надо. Наколдует ещё с короб чёрте чего...

– Тэ-экс... Ну... Тогда... – Сам читал... Тайский миллионер Арнон Родтонг предлагает десять миллионов ба-

тов¹³⁹ и свой бизнес – плантации по выращиванию дуриана – тому, кто женится на его 26-летней дочери Карнсите. Девственница! О!

– Подумаешь! Всем девкам Боженька за просто так дарит звёздочки¹⁴⁰

– Да не все просто так отдают! Вон парижская студенточка за миллион триста тысяч долларов продала свою звёздочку лондонскому банкиру и бесплатно в него влюбилась. А тут... Национальность жениха не имеет значения. Миллионер уточнил, что ему не нужен кто-то особенный, и он будет рад видеть мужчину, который любил бы его дочь и работу на его плантациях. Вопреки распространенным догадкам, девушка недурна собой. Она слишком занята своей карьерой, так что на поиски бойфренда у неё просто нет времени. Свободно владеет английским и китайским! У тебя вот тоже в загашнике целых два института! Ну!

– Так эта мисс не знает русского! Не, не сосватаете! И что я забыл в Таиланде?

– Свою судьбу! Свою кларку целкин¹⁴¹ Карнситу и сто миллионов батов. Столько стоят папашкины сады.

– Не о том хлопчете! Никаких Таиландов!

– И какая твоя идея на эту минуту?

– Что ж тут неясного? Мне чего попроще... Я совсем о

¹³⁹ Тайский бат равен 2,07 рубля.

¹⁴⁰ **Звёздочка** – девственность.

¹⁴¹ **Клара целкин** – девственница.

другом... Ваш авторитет, ваша рекомендация, – толку я свою ступу, – помогли б мне связать семью... Я понимаю, райком не сваха. А почему, собственно, не быть ею по совместительству? Вот вы улыбаетесь... Бодрость изливаете... Конечно, у вас душа, а у меня балалайка... На вас накатило веселье. А мне не до улыбок. Уходят годы... И не у меня одного... Где-нибудь в Трудолюбовке или на том же Золотом хуторке, или в той же Голопузовке на таком же полозу едет какая-нибудь горевая сиськодёрка¹⁴² ли, свекловичница ли, птичница ли... У себя в селе то ли годы, то ли история какая вышибли её из цены. Сама в другое село она не шатнётся искать себе жениха, как не поедет за девять земель в область в то знакомое бюро. Вот в Воронеже бюро... Что ж это бюро нипочёмушки до деревни не дойдёт? Что бы да вам не подумать про такое бюро в Двориках? Пускай сначала хотя бы в райцентре? Оглядиись да ладь бюро уже кустовое, на несколько деревень. Можно открыть там летучее. Один год оно работает на эти два села, в новый год – на те два и так по кругу, покуда всех николаевских женихов и невест не пересватает. А то... Надои, центнеры, привесы, гектары... Ума не дам... Вы всё это планируете сверху донизу, из кожи вылупаетесь – вон как во всё это вникаете! Вон как за всем за этим следите... А мой быть, прежде не грех побеспокоиться о живом человеке? А уж потом о центнерах? Взять вот так легко да и поменять местами. На первое поднять человека, а уж за спину ему, на

¹⁴² Сиськодёрка – доярка.

второй план, пихнуть центнеры в чувалах? Да знаете, как вы подвинете разом всё! Единым махом два дела побивахом! За двумя зайцами погонитесь – оба будут у вас в лапках! Да выведи вы человека из беды, помоги только радость найти, он вам, одурев от счастья, этих центнеров наворочает, как танк, сверх всех ваших планов. А то... Вы распрекрасно знаете, сколько вам надо сдать того-то и того-то тогда-то и тогда-то. Всё это у вас по месяцам-кварталам раскидано. А задумывались ли вы, с какой душой люди работают все эти ваши планы? А знаете ли вы, сколько у вас в районе несчастливых? Или у вас в статотчётке нет такой графы?

– Графы такой действительно нет... Но пищи для размышлений предостаточно.

– Что размышлять... Надо бы дело делать.

– Само собой. И дело будем делать...

– Не хотите ли вы сказать, – подпускаю в весёлой надежде, – что берётесь-таки подыскать мне тётку с маленькими минусами?

– Ко-го-о?! – в оторопи привстал Сяглов. – Тётку? Нянечку? Ты что же? Больной?

Его всего перевернуло не то, что я просил помочь найти жену, – он привык ко всем моим неожиданностям – его срезало то, что жену я назвал тёткой. Про себя я жён называл тётками. Как ни берёгся, сорвалась, упала с языка тут эта *тётка*.

– Это уже предел, – с чужеватинкой в голосе подбил он

бабки. – Вдуматься... У тебя в словах *свой* смысл, отличный от общепринятого. Супруг, насколько помнится, означает: в паре запряжённый в одну упряжку. Но ты ни с кем в одну упряжку не летишь впрягаться. Ты ищешь не супругу, а тётку, удобную, выгодную во всех отношениях, которая бы тебя обихаживала, кормила, как ребёнка, делала бы в доме всё. А ты бы сидел на печи и ногой сверху показывал, что ей делать дальше. Что ж это ты за прынец за датский! Не-е... У него шишка дымится, а я... Да не разбегаюсь я тебе искать!

– Вам же и дороже обойдётся. Напишу на вас в Москву. Мол, не заботятся в Двориках о трудовом человеке...

– Видал! Ему не хватает моей заботы! Да, по части розыска новой тётки я и ноготком не пошевелю! Сам ищи. А как найдёшь и если что там у вас не заладится – вот тебе скорая помощь! – щёлкнул он ногтем по газете. – Золотая кудесница-чудесница Слухай. Это фамилица такущая. Так слушай, что тебе предлагает эта госпожа Слухай. *«Слухай Ксения Пантелеймоновна. 100 % возврат любимых за один день. Результат навсегда»*. О темпы! – торжественно вскинул он указательный палец. – *«Без греха сделаю сильнейший приворот на всю жизнь (за 1 день!). Верну Вам любовь и всегда тёплую постель (полная сексуальная зависимость любимого человека от Вас!). Помогу Вам стать желанным и интересным для женщины (награжу Вас даром очаровывать!). Сниму наведённое колдовство, ворожбу, порчу. Быстро уничтожу любовную связь на стороне. Результат увидите в*

день обращения! Мгновенно избавлю от соперника. Результат почувствуете сразу! Накажу разлучника и восстановлю разбитую семью! За один день заставлю жену возненавидеть своего любовника и бросить навсегда! Очень сильная, честная работа!» Ну как?

– Мимо проскакиваем эту кислую станцию, – тоскливо говорю я. – Вы на эту Ксюшку в латаных панталонах не перекидывайте свою государственную работу. Чего нести пургу о семье, которой ещё нет? Всё же придётся мне капнуть на вас, извините, в сам цэка или в комитет глубинного бурения...¹⁴³ Правда есть, её не съесть... Москва разберётся...

– Что Москва!?! – сквозь зубы зыкнул Сяглов, едва удержавшись от многопартийного мата. – Ты и дорогую ООН осчастливь! Нигде и ни у кого не будет безработицы. Все будут в поте лица искать тебе тётку, поилку и кормилку!

– ООН не трону. А в Москву...

– Кончай этот кобеляж!¹⁴⁴ Хватит аллилуйю за хвост тянуть! – в сердцах толкнул он ко мне литую стопку бумаги. С пристуком накрыл её открытой ручкой. – Нет в тебе порядка, дисциплины... Пиши!.. Не по специальности работаешь, не по специальности и живёшь!.. Не мной сказано: «Родившись человеком, довольно сложно жить по специальности». Сложно! Да только у тебя всё просто. В домашнюю работу тебя не воткнёшь!.. – Он пристукнул по стопке бумаги

¹⁴³ Комитет глубинного бурения – КГБ.

¹⁴⁴ Кобеляж – заносчивость, вызывающее поведение.

пухлявой ладошкой: – Пиши. Только правду! Так и пиши: я, такой-то, несусветный байбак и матёрый, запатентованный прихлебатель... Можешь помягче поставить... иждивенец, в полном здравии... но до того обленился, что не хочу самому себе искать...

– А что это вы меня в иждивенцы произвели? – выпустил я коготки. – Я хоть копейку у вас просил?

– Копейкой тебя осадить! Пока одиннадцать лет толокся в двух вузах, ты сколько у государства счавкал? Скажешь, ни грошика не шпионерил? Или ты бесплатно грыз кочерыжку науки? Долги отдавать думаешь?

– За училище я готов. Наладилось бы с семьёй, гляди, я ещё и вернусь барабанить в армию... Но СХИ... Оно всегда так... «Когда всё зарабатываешь своим горбом, на тебя смотрят, как на верблюда»... Деревяшками за учебу в СХИ вы меня не тыкайте. Не стегайте по глазам. Тут всё чисто. По справедляку. У государства я не лизнул ни копеюшки!

– Просто поменял государственный карман на женин. Перед каждой сессией бросал работу. Готовился. Сдавал. Устраивался на новую работу. В году по три месяца ни рупия не получал! Итого полностью полтора года кормила тебя бедная Александра Григорьевна! И чем ты ей отблагодарил? Сбрызнул в цветущую Грузию и далее везде?

И пошла тут до сблёва претоскливейшая лекция на тему "Есть ли жизнь на Земле?" Припомнилось мне и то, что за шесть лет я не принёс Саньке ведра воды, и то, что ни разу

не наколол дров. Легло в строку и то, что по временам питался я с Санёкой подврозь, что звал её иногда миссис Гуантанамо...¹⁴⁵

В получку часом накатывало на меня, я предлагал: "Санюха! А давай-ка питаться вразнопляску. Всяк сам по себе". – "Давай".

Нагребу полный угол тортов, кулей с дорогими, в нарядных обёртках, конфетами, с печеньями, с пряниками, с пастилой, с мармеладом. Притараню полмешка бубликов. Чуден бублик! Кругом объешь, а в серёдке так нет ничего. За что только и кинуты бабашки?.. Ну, натаскаю ещё мандаринового варенья...

Степенно накрываю поляну на одну персону...

Неделю я царствую за ширмочкой в своём углу.

Разложу на табурете с дыркой посередине свои богатства. На полу сяду на пятки. Дую чай.

У меня культурная диета.

Утром один чаёк. В обед чайковец. Вечером чаище.

Сегодня чай. Завтра чай...

Только знай меняй воду в аквариуме.¹⁴⁶

Санёка не сядет за стол, не позови чтобушки меня.

Да нужны мне её щи!

Я ни разу не звал эту Гуантанамищу на чайковского. Перетопчется!

¹⁴⁵ **Гуантанамо** – американская тюрьма, известная зверскими пытками.

¹⁴⁶ **Сменить воду в аквариуме** – помочиться.

И она ни разу не закатила мне день Бородина.

Ну, одним сажу себе, гордо знай в поту распиваю вдвоём с тортиком чаёку.

Иногда прискажу, если Санька где близко:

– Была жена, да корова сожрала. Да кабы не стог сена, самого бы съела!

Эти мои чаепития в одиночку на полу Санька прозвала половыми игрищами.

После моей культурной чайной диеты можно б перескакнуть вообще на бесплатную голливудскую диету. Эти звёзды как ловко приспособились! Чтобы похудеть, без разбору бомбят жуков, пауков, тараканов, червей, муравьёв! Этого добреца у нас в Двориках внавалищу! Актриса Сальма Хайек особо обожает копчёных кузнечиков и уверяет: "Приготовленные во фритюре муравьи хороши с гуакамоле". Я б тоже устроил богатую муравьиную обжираловку. Так у меня нету фритюрницы. А потому всех синедвориковских муравьёв дарю бесстрашной Сальме! Пускай на здоровьице голливудит и дальше!

Ну, за неделю всё своё я, ушатый, по-стахановски дохлопаю, смахну последние сладкие крошки в рот и убираю на глубоких вздохах ширмочку. Прощайте, милые половые игрунюшки! Не царское это дело сидеть голодом. Я ж не китайчик Чунг Ваи¹⁴⁷ и вовсе не Джани.¹⁴⁸ У меня нету его бо-

¹⁴⁷ 17 лет назад на западе Китая при землетрясении обрушилась шахта, все 118 шахтеров погибли. Шахту закрыли. Тем не менее группа шахтеров недав-

жественного эликсира.

Грешил я тихо.

Но каялся громко.

– Мамчик Санушка! Моя светозарная Гуантанамушка!.. –
в печали сдаю обратный ходок. – Светик ты мой белый!..
А давай-ка сочиним ноне день межполового примирения?!..
Давай, скоромилушка, наверное, питаться вместиах за одним
твоим столом...

Жёнушка-душка, пуховая подушка, и на это согласна.

Ох...

Не тужи, красава, что за нас попала. За нами живучи, не
улыбнёшься!

Однако хозяйка была грех пасквильничать. Не зря пихну-
ли её в Монголию преподавать в школе русский. Плохую не

но возобновила работу в заброшенной шахте и случайно обнаружила шахтера. Ему удалось выжить внутри смертельной ловушки в течение 17 лет. 59-летний спасенный шахтер Чунг Ваи был в очень плохом состоянии. Он был доставлен в ближайшую больницу. Чунг единственный, кто остался жив. Ему помогло выжить вентиляционное отверстие, к которому он был ближе остальных шахтёров и которое было единственным доступом свежего воздуха. К тому же ему помогло продержаться то, что на случай обвала в шахтах были большие запасы продовольствия. Несмотря на это, ему пришлось есть крыс и мох.

¹⁴⁸ *Индийский йог прожил 70 лет без воды и еды.* Индийские доктора изучают поразительный и беспрецедентный случай, произошедший с 83-летним священнослужителем штата Гуджарат Праладом Джани. Как утверждает индиец, ему удалось провести без воды и еды последние семь десятков лет. По словам Джани, когда ему исполнилось 8 лет, он ушёл из дома и начал скитаться по миру. Тогда он научился ничего не пить, не есть и не ходить в туалет, а свыше ему якобы был послан божественный эликсир, поддерживающий силы.

послали бы...

... Раскипелся Сяглов. Развоспитывался. Даже вон у императорских пингвинов, знай нарезает, самцы-императоры высиживают яйца! А ты, деревянный до пояса, ни к чему в доме не нагнёшься!

Пустился выхваляться, что вот-де он не боится у себя в генсековском чуме и полы помыть, и простирнуть что по мелочи, пока жёнке некогда.

Конечно, всё это пропагандистская карусель. Мол, знай сиди, махнутый, да сравнивай, какой, эстэствэнно, хороший я и какой поганец ты!

Одначе...

Санюхе мыть до глянца полы и в ладошках варить манную кашку на молоке?

Да по сараю мне такая джамахирия!

Слушал я Сяглика и в душе легко сначала хихикал. А потом и перестань. С его слов я, кажется, как-то отдалённо почувствовал, смутно доковыляло-таки до меня, что семейная жизнь вроде невидного непрерывного подвига.

Ну, в самом деле.

Пока я был один, всё в своём шалаше делал сам. А как сошёлся, домашние дела само собой, будто ветром, отнесло от меня в сторону. Поел, поспал и ж-ж-жик на работу! То ли муж я, то ли квартирант...

И не стало для меня дел важнее музейных.

Дела эти громкие.

Примчал откуда ампулу с землицей – я герой! Раззвонит районка.

Обо мне судачат с уха на ухо. А слышно на угол.

А в сакле, в этой провальнoй яме, сколько ты ни кувыр-кайся со своими хлопотами, газета восхвалит разве?

В удовольствие летал я по стране.

Старался – кожу сдирал с зубов! – собирал себе почёт, на-прочь забывал Саньку, словно не жена она мне, а так, вроде какая-то там мужатка, нанятая ломовая лошадь в нашей юрте.

А что...

А что, если на моё полевое отношение к ней она отвечала нежеланием рожать?

От этой догадки вся душа у меня оторвалась. Неужели прокатал? Неужели я самому себе жизнь измарал? Неужели в том, что у меня нет ни дочки, ни сынка, виноват я сам? Виноват лишь я один?

Я считал себя хитрым, ловким. Я говорил себе: "Ты круглый, как мяч, тебя в ступе не поймает".

Но вот Сяглов поймал меня. Раскусил.

Добрался до зерна во мне. А зерно пустое, бесплодное.

Эти мысли расстроили меня.

Я встал уйти.

Сяглов отечески ласково надавил на плечо.

– Подожди. Не всё ещё сказал... В твоём возрасте уже не

было Чкалова, тёзки твоего. Не было Кольцова, Есенина. Сорок лет не сорок реп. Неужели прожитые годы ничему тебя так и не научили? Что же ты в конце концов собираешься делать?

– Плоты строить! – ухнул я наобум.

Сяглов смотрит на меня как на приплюснутого.

Ёшкин кот! Ну и на здоровье, раз не в курсе народного юмора.

Не перепевать же ему эту историйку.

Разбило корабль и мужчин выбросило на остров. Турманишко рассеялся. Они увидели вдали такой же остров, полный амазонок. Тридцатилетки сразу кинулись вплавь. Сорокалетки стали строить плоты. Осторожничают уже мои ровеснички. Пятидесятилетки говорят: а зачем плыть, все равно они к нам потом сами прискачут. А семидесятилетние: их и отсюда хорошо видно.

– Всю жизнь – крюками! – пламенно нудит Сяглов. – Бить надо в свою точку. В одну! А ты её обегаешь! Докуда ты будешь бегать от Его Величества Жизни? После института молодые рвутся куда покруче! А ты, добыв диплом, помнишь, чего запросил у нас? Дайте в райцентре, в сельском управлении, должностёнку всего-то на пятисотую дольку гагаринской космички¹⁴⁹ – мне много не надо! – только чтоб ни за что не отвечать. Сознаюсь, мы ещё такого не слыхивали ни от

¹⁴⁹ За первый полёт в космос 12 апреля 1961 года Юрий Гагарин получил тридцать тысяч рублей.

одного молодого специалиста... Чего агроному лезть в столоничальники? Кабинет не поле. В кабинете кроме пыли ничего не растёт. В отрочестве, в юности ты сам себя спас от верной смерти. Сам себя выдернул из могилы! Да почему же в зрелые годы тебя не хватает на то, чтобы заставить себя не бояться ответственности?

– А как не бояться?

– Ах, если бы я сам знал... Не тот герой, кто, отправляясь в бой, ничего не боится. А тот герой, кто боится, но идёт в бой! Истина истёртая. Про запас у меня нет ничего новей, убедительней. Нравится мне мудрость пословицы "Хорошо медведя в окно дразнить". Но каким боком повернёшь её к тебе? Ты даже не дразнишь. Ты только зябко подсматриваешь в щёлку меж занавесками за жизнью... Как тебя выкинуло на обочину жизни? Докуда ты будешь жаться на той обочине? Медведь – это сама наша жизнь. Когда ж ты наконец смело, по-мужски шагнёшь в эту самую жизнь? Когда вылезешь из-за занавесок? Что ты у жизни всё с краю, с краю? Как слепой по пряслу бродишь. А ты в центр ворвись! Подумай. Поломай мозги. Какой ты Отечеству нужней? Токарьком? Агрономом? Почему не работаешь по специальности? По институтской! И уважения прибавилось бы. И в кармане потолще б зазвенело... Кругом одни плюсищи!

– Не скажите. Ленин вон тоже работал не по специальности. Что бы мы имели, будь он всю жизнь помощником самарского присяжного поверенного?

– Эка куда сиганул! Да работай Ленин юристом, не было бы ни Октября, ни нашего Союза. Ты это хочешь сказать?

«Я хочу сказать, если б Ленин работал по специальности, у нас бы почти пол-России не было б уничтожено», – подумал я, а Сяглову сказал:

– Пока говорите вы. Я лишь внимательно слушаю.

– Слушай. Да только кончай этот чёрный пропагандон! И Ленина не трожь!

– Ладно. Я и не трогаю. Я только хочу сказать, что я, как и Ленин, всего-то лишь работал не по специальности. И что каждый из нас наработал, прекрасно видите...

– Цыц! Ещё одно слово про Ленина – я сдам тебя весёлым органам. Там и допоёшь свою гнусную песенку.

– Да не пою я... – огрызнулся я и подумал:

«Мда. «Партия всё сделает для блага человека! И вы знаете этого человека...» А я просто хочу сказать, что у нас можно одному, то нельзя другому... – И уже на холостых оборотах сами собой слились остатки мыслей: – Ему можно не по специальности... мне нельзя... Ему можно с семьёй семнадцать лет в роскоши тонуть по заграницам и нигде вообще не работать. Спрашивает товарищ трудовой народ, на какие хуани королевствовал господин вождь?.. А я и минуты не смей прогулять...»

Сяглов будто услышал мои мысли. Рывкнул:

– Вот, тараканий янычар, когда будешь вторым Ильичом, тогда и тебе будет дозволено всё! А пока, – Сяглов мститель-

но погрозил мне пальцем, – цыц!

Ленин с портрета за спиной над Сягловым довольно усмехнулся. И даже ручкой помотал, как на известном снимке. Только я не понял, кому он махал. Мне или Сяглову?

– Цыц так цыц... Я и вашему цыцу кланяюсь в ножки... Сбежим ступенькой ниже. «Отцу народов» вон тоже круто не повезло. Не по специальности тоже вон пришлось арбайтен унд копайтен. И попик-недоучка вынужден был, как баранье стадо, аж тридцать лет смертной нагайкой гнать бедный народушко на шестой части суши к коммунизму.

– Но-но! Ты чего мелешь?

– Что намолола Правда! Сталин же был исключён из духовной семинарии «за неявку на экзамен по неизвестной причине». Как ни крути, всёжки не на своём месте товарищ гегемонил...

– Ну ты чего, вундик, буровишь?

– Вы это у Мао спросите... Это он сказал, что Сталин был ненастоящий коммунист. А раз ненастоящий коммунист, то как он мог быть генсеком целой партии?

– Настрой тишину! Смолкни! Захлопни свой супохлёб! Ты чего забрёл сюда? Обсуждать со мной Ленина и Сталина?

– Ленина мы уже проехали... А со Сталиным... Опять же вопросы к Мао. Мао себя считал настоящим коммунистом. Потому что целую красную жгучую перчину мог за раз проглотить. А Сталин не мог. И потому, по мысли Мао, ненастоящий коми Сталин. А раз ненастоящий ты коммунист, то

какой из тебя генсек?

– Да закрой же ты гнилое хлебало! Цыц мне!!!

– Ладно, пока кругом прохладно. Тогда сбежим на десятку ступенек ниже. По образованию вы зоотехник, скотий генерал. Генерал над коровами, овцами, свиньями. А генералите над людьми целого района! О! Выходит, и вы сидите тут не по специальности?!

– Слушай, мозгач! Пыли отсюда сам! И вбыструю! Срыгни в туман! Не то я нажму на кнопоньку и тебя живенько-три выведут под белы рученьки! Доехало?

– Я неправду сказал?

– Да кому нужна т в о я правда? Т в о я правда доведёт тебя до Колымы! Ты там ещё не был?

– Да Бог миловал...

– И я помилую.

– Спасибо... Я за старое... Вы по образованию, как и мой отец, зоотехник. Вы себя не ругаете, что работаете не по специальности?

– А чего мне себя ругать? Меня сюда, – Сяглов мелко попрыгал в красном мягком кресле, – партия посадила! Прикажет партия – сяду снова в зоотехники.

– Оно-то так... Партия прикажет: «Есть контакт!» и все кинутся есть контакт... Только... Место сидения определяет направление мыслей. Так вы и побежите к вонючим к хвостам? Что зоотехник?.. А так вы – господин товарищ первый секретарь! Всему району даёте ума!

– Мели, мели, – уступчиво, вождисто помахав коротко ручкой, усмехнулся Сяглов. – Тебе всё прощается. Ты у нас на особом положении.

– На каком именно? Дебилик?

– Тебе лучше себя знать. Вот и получается. Скачешь по жизни не по специальности, всё и летит наперекосяк.

«Гм... Сталин не окончил даже духовную семинарию... Выгнали за неявку на экзамен. Ну на ЦПШ он, может, и наскрёб бы с грехом пополам. Это расшифровывается во-все не как Центральная партшкола, а всего лишь как церковно-приходская школа. Аллилуйничать бы ему рядовым попиком где-нибудь в горийских горушках и наверняка тогда не было б миллионов и миллионов им убиенных. Если б аптекарь-недоучка с четырьмя классами, «демон революции» Свердлов продолжал свою аптекарскую благородную деятельность – не был бы уничтожен один миллион донских казаков... Вожди не на месте... Даже наш районный вождё-ка не на месте... Я не на месте... От того, что я не на месте, кому от этого холодно или жарко? Никому. А вот вождюки не на месте... Да кто ж у нас на месте!?» – с ужасом подумал я. А Сяглову сказал:

– Только у меня у одного всё летит наперекосяк? И ни у кого больше?

И добавочно принципиально подумал:

«А у вашего?... А лично у вас всё гладко?»

Не сдержался я и машинально выкрикнул вслух:

– Да! А у вас всё гладко?

Сяглов даже налегке растерялся от моего нахальства. Как-то нетвёрдо затребовал:

– Давай, умняк... Раз сказал, два отжался... Уважай стены, куда пришёл... Давай с намёками отдохнём...

– Давайте... А вы лично помогли устояться, укрепиться мне в агрономах?

– Да до каких пор подвергаться руководству? Докуда водить за ручку? Школа водила? Институт водил? Ещё и райком води? До-ко-ле? И потом! Кто тебе в Буграх помог?

– Лучше б не помогали... Сейчас-то я понимаю, что тогда по молодости дней я со страху отстегнул копыта.

– Дело обычное. Один со страху помер. А другой ожил. Но ты не тот, кто со страху оживает.

– Помогите вы первый страх переломить, я б, может, и до се был бы при земле в Буграх. А то я со страху рванул в кусты. Вы только подтолкнули в спину!

– Ну демагог! Ну и демагог! Как прихитрился наш врубель... Р-раз – и всё перевернул вверх кармашками! Один он чистюля. Все прочие кака. Давай закрывать этот базар. Хватит хлёбово разводить! Ведь «жизнь такова, какова она есть, а более никакова». Не ребёнок, понимаешь: жизнь – борьба!

«А я, господин товарищ первый секретарь, устал быть вечным борцом. За дисциплину борись! За урожай борись! За надои борись! За кусок вонючей колбасы – кошки не едят! – в очереди дерись! За буханку окаменелого хлеба в том же

магазине сражайся!.. Ёшкин кот! Как начали после революции борьбу, так нипочём не кончим», – подумал я.

А Сяглову с опаской пробормотал:

– Мы ж не борцы-бойцы. Мы простые люди. И не должны мы вечно бороться. Мы должны просто работать. Просто жить!

– Э! Это дело колется – борьба. А у тебя всё просто. Запал на лёгкую дорожку и без оглядки чешешь фокстротом по ней по чужой присказке «Мы не ищем лёгкого пути, но если попадётся – не свернём!» А сворачивать придётся. Когда ж ты наконец в ум войдёшь? Когда?

Наскучила мне эта проповедь. Ни слова не говорю, молча отступил за порог и уже оттуда, медленно закрывая дверь, спросил одними глазами: ну что, так поможете?

Сяглов рассеянно улыбнулся. Ответил без слов, кивком головы. Постараемся!

Прихожу я домой – в двери ждёт не дождется меня потрёпанная, с желтинкой бумажка. Вчетверо сложена. Разворачиваю.

Замусоленный документ эпохи! Как женщины распределяются по частям света, а мужчины – по музыкальным инструментам. Просветительный документ. Свято заботятся гуси об отдельно взятом гусе, то есть мои гусёвцы обо мне. Заботятся о развитии моего кругозора в делах житейских. Я не успел ещё выйти от Сяглова, а уже все в деревне знают, с чем

и к кому я ходил. Как же пекутся все о моём счастье! Ну, ладно... Читаю народное послание.

ЖЕНЩИНЫ РАСПРЕДЕЛЯЮТСЯ ПО ЧАСТЯМ СВЕТА

- от 16 до 20 лет как Азия, никем не изведанная, необжитая, дикая
 - от 20 до 25 лет как Африка энобная и пыльная
 - от 25 до 35 лет как Европа, заманчивая, но изъезженная вдоль и поперек
 - от 35 до 50 лет как США - любит деньги, живет и с расчета, но с каждым днем сознает, что ей станвится хуже
 - от 50 до 60 лет как отдаленная Австралия.
 - от 60 лет и выше - холодная, всеми забытая Антарктида.
-

МУЖЧИНЫ РАСПРЕДЕЛЯЮТСЯ ПО МУЗЫКАЛЬНЫМ ИНСТРУМЕНТАМ

- от 18 до 20 лет как кларнет, играет без настройки, но кто разбирается в музыке, тому игра не нравится
- от 20 до 35 лет как скрипка одна-две минуты настройки, играет сколько понадобится музыканту.
- от 35 до 50 лет как тромбон, не играет, а пугает
- от 50 до 60 лет как фортепиано, один играет - второй настраивает.
- от 60 лет и выше как футляр, который говорит о том, что там был инструмент.

Конечно, повешу под кнопочкой на стенку. Знай и помни, не ошибись, с кем идёшь на союз!

А между тем после райкома прошло уже ого-го сколько времени, а дело всё топчется на нуле.

При расставании Сяглов вроде пообещал мне помочь с жёнкой.

Досегодня бедолага старается. Как говорит Гордеева ма-

тушка, обещал пан кожух, да слово его тэплэ.

И всё равно не зря я бегал в наш рейхстаг. Всё же набавил себе веку на целых семьдесят две секунды. Откуда этот дорогой прибыток? Известно, одна ступенька при подъёме по лестнице продлевает жизнь на четыре секунды. Стоит ли так убиваться из-за каких-то четырёх секундёшек? Стоит! Все ж наши дни собраны из секунд. Так вот к Сяглову на второй этаж ведут восемнадцать ступенек. Поднялся и оказался в барыше.

Но уже на второй день мне показалось до обидного мало-мало навару в семьдесят две секунды. И я таки настругал рапорток про Сяглова в Москву.

Я писал просто.

Здравствуйте, дорогой Леонид Ильич!¹⁵⁰

Пишет Вам житель села Синие Дворики.

Чувствую я себя хорошо, но жениться не могу, так как нету женщины.

Мне сорок лет. Три раза разведён не по моей вине. Не судим, не облучён и не сумасшедший. И я как поручик Ржевский готов ко всему, особенно к семье.

Обращался я в свой сельсовет и в райком, но они не оказывают содействия, а только смеются.

Прошу Вас оказать влияние на наш сельсовет и райком, чтобы они позвонили по деревням в нерабочее время и провели разъяснительную работу по моему

¹⁵⁰ Л.И.Брежнев – первый секретарь ЦК КПСС в 1964-1966 годах, с 1966 по 1982 год – генеральный секретарь ЦК КПСС.

вопросу.

Отслоилось полтора месяца.

Мне всё не отвечают.

Почему молчишь, Московушка?

Вот видишь, милая Раиска, какой я...

Эх, если бы меня понимали, если бы только понимали...

А то...

У одних я иду за чудака. Это у музейщиков. Музейщики так и говорят мне: «Чудаки украшают мир!» Гордись!

А другие...

А другие разное носят.

Например, что я кулёк, с бусырю в голове.

Но ты не бойся.

Я ходил к врачу по нервам.

Врач успокоил меня, прочитал даже вроде лёгкой лекции.

– На земле, – сказал, – лишь четыре процента населения абсолютно нормально и годится в космонавты. Но вас, к сожалению, я не могу причислить к космонавтам.

– Жалко, – вздохнул я.

– Дружочек! Да я самого себя не могу зачислить в эту команду. Мы с вами в другой команде. В команде девяносташестипроцентников. Мы проходим по графе нормальный ненормальный. Мы с вами и подобные нам – большинство. Так что по нынешнему времени нормальны. Мы как все. Всем по пять и нам не надо шесть.

Видишь, милушка Раиска, я такой же, как и все вокруг.

Против медицины не попрёшь.

А-а... Такой же... Как подумаешь... Как подумаешь... Не человек, а охапка глупостей, несуразностей.

Вот коснись тебя, как про такого писать? Прочитает твоё начальство. Скажет: всю жизнь мечтал растить хлеба, добился диплома, а не вырастил ни зёрнышка. Того и достиг единственно, что прозвали в издѣвку Хлеборобом.

Точно, за глаза я Валерка-Хлебороб.

Не иначе.

И знаешь, кто приварил мне эту кару?

Гордеева матушка!

Старушонка древняя, а крепоньякая, без износу. Добрая, ласковая. Однако и с перчиком да с солькой.

Сколько напихал в одного человека Господь...

Так вот, напиши про меня, про такого героя в кавычках, тебе орден не отколется. Уволят! И пускай увольняют!

Разве тебе не к кому голову привалить? Если что...

У меня свой домина, как ханский дворец! Я тебе говорил, отец купил когда-то мне хатѣху... несчастный чум за семь сот. Договаривались, по частям я верну. Э-э! Меня не ущипнёшь! Вернул я сотню и больше не стал. С него и этого много.

А чего разбрасываться деньгами? Это сколько ж минусов тогда сбежится у меня в кармане? Я свои дэ не из воды беру.

Да и за что платить?

Его курюшку я снёс. Рядом нарисовал свою хоромину.

Вот пиджак новый куплю, можно и сходитьсь. Чем я тебе не подходящая линия?

Если что, приезжай ко мне.

Без звука, без дебатов зачислю на полную ставку жены.
Будешь моей четвёртой радостью.

Только...

У меня все удобства – дом неизвестного архитектора – на огороде за рай-деревом. И в зиму, случается, тепло, хоть волков морозь. Вода замерзает в ведре.

Утром, бывало, потрёшь лицо сколотой в ведре ледышкой. Вот и весь моцион. Вот и умылся Чебурашка.

У нас, видишь ли, кипятик в кране не сидит.

Это не Москва...

Да-а...

А с другой стороны, если по-настоящему...

За декабристами жёны шли вон в самую Сибирь-вольницу.

На каторгу.

Где сейчас такие жёны?!

В музеях на картинках?

Тень от бугра, смотрю, прохладным усталым крылом накрыла весь пруд, достигла даже низа того берега, так что Гордей, спавший под газетой, тоже оказался в тени.

Ох, вечный сон!

Работа только снится...

Вот человечина!

Да устрой где соревнования, кто дольше проспит, Гордейка непременно все б главные награды загрёб.

С его подготовочкой захочешь – не проиграешь.

Ну... На работе спит. Дома поел и спит под свежей, только что с почты, газетой. На пруд вот выбрался. Растелешился и что, думаешь, в воду полез? Под газету! Культурно сплюшка задаёт храповицкого...

На публику работает. Это его и поза, и позиция...

Жизнь – сито. Сюда зёрна, сюда сор.

Куда мы с Гордеем попали? В зёрна? В сор?

Кто знает...

А интересно... А почему это, а за какие это тыщи выбрал я себе в пастыри Гордея? Что нас связывает?

И вообще, почему человек выбирает в друзья именно того-то и того-то, а не другого кого?

Что нас прибывает друг к дружке? Годы?

Гордей побогаче годами, на пяток лет постарше.

Однако я дал ему прозвище Молодой. Прозвище, конечно, шутовское. С подначкой.

Когда Гордей в настроении и ему охота немножечко шильнуть меня, он называет меня Ямщиком. Намёк на мои вечные разъезды...

Так что же нас держит вместе? Холостая, пустая жизнь? Ничто позади? Ничто впереди? Одинаковые неудачи?

Пожалуй...

Учились заочно в одном институте.

Он бросил на третьем курсе.

Я кончил.

Но жизнь нас уравниала.

Ни он, ни я и дня не проработали на земле, о чём мечта-лось с детства.

Кто в том виноват? Сытость, лень сердца и ума, страх пе-ред ответственностью?

Гордей затаил обиду на весь белый свет. Отгородился от жизни газеткой.

Я суетился, носился по стране из края в край, как бешеный телок по загородке. Всё доказывал и себе, и Гордею, и Бог весть кому ещё, что я-то и здоров, что я-то не какой-ни-будь там прибитый мешком ваньзя, всю жизнь лез в Книгу Гиннеса...

А эффект?

А эффект таки одинаковый. Нулевой.

Один проспал себя под газеткой. Другой проспорил, про-катал себя.

Ни своего колоска, ни родной кровинки...

Тогда зачем я жил? Для чего живу? Лишь чтоб возить в музей далёкую землю?

Та земля – памятник во вчера ушедшим и не укором ли будут нам с Гордеем их смерти?

Сорок ещё не вечер.

Ходит же по земле душа, которая могла бы понимать ме-ня. Встретить бы, опереться бы на родное плечо, почувство-вать себя нужным, необходимым.

Эхма, ослабнет человек – слабее воды, а укрепится – креп-

че камня...

Я ловлю себя на том, что шарю глазами по противоположному берегу. Ищу Раису.

И успокаиваюсь, когда нахожу её на самом бугре.

Облитая золотом закатного солнца, она махала, конечно же, мне рукой.

Правда, вряд ли она могла меня видеть против солнца далеко внизу, в плотной тени. Но тогда кому же ещё могла она зовуще махать?

Постой, постой...

Боже, да как я раньше до этого не допёр?! Не будь этого, чего б ты и звала меня?

Тебя ж наверно по моему письму-слезнице откомандировали ко мне в жёны! Как говорится, целевым назначением.

Прочитали мою слезницу и сказали: надо выполнять. Москва не может не уважить. Писанину не будем размазывать. Поезжай!

Вот подполковник на пятый день и проявись по моей грамотке у меня на фазенде.

А ты припоздала. Женщины всегда опаздывают, особенно красивые. И представилась, хитрюшка, корреспонденткой... Это ж так, для блезиру... Тонкая дипломатия. Я ж теперь всё понимаю!

Ну в самом деле.

Не брякнешь же ты, что приехала ко мне в жёны? А кор-

респондентка... Удобно...

Всё вызнаешь про меня. Взвесишь. Присмотришься. При-
трёшься. А там и картёшки на стол...

Эх да Раиска!

Зови не зови, я сейчас и без зова явлюсь к тебе. Не стану
ждать вечера. Я тебе сейчас бухну: будь моей!

Я так долго шёл к тебе. Сколько объездил, сколько обе-
жал, а тебя всё не встретил. Ты сама приехала ко мне. Это
Боженька сжалился надо мной да и пошли тебя мне в Дар с
небес.

Мой божий подарок...

Последнее божье мне подношение...

Я иду... Я иду к тебе, жаль моя...»

Валерка подобрался встать.

Но тут же снова рухнул в вязкий уют ила.

Свежий холодок вечера выступил над водой. Валерке расхотелось вот так сразу выбираться из чёрной томной теплыни, и он, зябко передёрнувшись, ещё глубже зарылся в самые недра жара, что скопил день-год.

Уже порядочно отдохнул Валерка.

На душе было хорошо, сладостно-дремотно. И было он уже задремал, как до его сторожкого уха добежало с дороги бедовое пенье. С подплясом:

– Я искал тебя, эх, повсю-уду,
Ты нужна мне навсегда.
Трогать я тебя, эх, не бу-уду,
Ты скажи мне только "да!" Асса!.. Асса!..

Похоже, певун был под большими градусами и угарно наплясывал лезгинку.

Уж этой лезгинки Валерка накушался выше глаз в Насакрали. Нож в зубы и ну настёгивать, и ну шутоломить.

И даст же Бог людям танец!

Пьянь болотную Валерка обегал. «Вот эти дятлы рюмкой роют себе могилу... Не буду им мешать...»

Нарвись, эти мордохваты ещё примут в кулаки. Угладят бока. Начистят хариус кирпичом.

Уж лучше кружком обмахнуть беду. Уж лучше подальше от глаз куражных тундряков.

Но Валерку разморило. Ему лень вставать.

Однако голос приближался.

Надо, думает Валерка, что-то предпринимать, и в следующее мгновение он с падающим сердцем впотаях, лихорадочно натирает лицо, голову, уши илом.

Наконец всё, что выступало над водой, вымазано в чёрный ил.

Замаскировался. Решил не высовываться. Лучше отсидеться, переждать певуна.

Но чем ближе тот подходил, у Валерки все сильнее потряхивало поджилки. Бедное сердчишко так и обламывалось.

А шут его знает, что у этого шансоньетика на умке!

Увидит, пульнёт с дороги каменюкой. Доказывай тогда, что ты не трогал его первым.

«Мне такой бейсбол не нужен!..»

Страх вскидывает Валерку на ноги.

Валерка растерянно бросается вдоль берега в противоположную от певца сторону. Но не сделал и пяти хороших прыжков по вязкому илу, останавливается как вкопанный: с той стороны, куда он бежал, навстречу тоже шло пение.

Валерка остановил дыхание, вслушался, что пел встречный.

В первый миг он ничего не понял, поскольку оба певуна горланили одновременно, голоса их свивались.

И тут произошло странное.

Вместе с Валеркой, вслушивающимся во встречного певца, стал вслушиваться во встречного и тот, кто обещал не трогать.

Большие оригиналы синедвориковские песняры.

Начокавшись, они поют не что попало, а только то, что дорого.

Если один драл всего лишь четыре строчки, давал из минуты в минуту клятвенное обещание не трогать, то песня встречного была вдвое короче и составляла всего две строчки, которые он уже в хрипе раз за разом пускал на самые разные голоса.

Его предельно скромный репертуар внушил симпатию песняру, обещавшему не трогать, и выворотилось непредвиденное: обещавший бросил обещать и из горячей солидарности со встречным загудел его песню, да не всю, а только последнюю строчку – выбрал самое сокровенное.

Когда встречный с вызовом тянул:

– Во-одка ста-ала ше-эсть и во-осемь!..

ранее обещавший, заложив пальцы в рот, отчаянно ему в такт подсвистывал, а уж потом они обрадованно, с подплясом, впереводку выкрикивали союзом, развалисто простерев

друг к дружке руки и трудно сближаясь:

– Всё-о-о равно мы пи-ить не бросим!

Они разминулись с простёртыми руками наготове.

После всё-таки благополучно пали друг дружке в объятия, сплелись и неожиданно торжественно ударили разом:

– П-пер-редайте Ильичу-у,
Н-нам и де-есять по плечу-у!

"Спелись каналы! – сражённо заключил Валерка. – Это копец..."

Пока против спора отдыхал, он укрепился в мысли, что выигрыш, бутылка коньяка, вовсе ему, непьющему, ни к чему.

А раз нет смысла ради чего конкретного рисковать, то и нечего тогда переть против рожна, то и можно плюнуть на выставленное самим же условие туда и обратно проплыть без отдышки с закрытыми руками-вёслами.

Не-ет, назад он дойдёт сухой ногой. Берегом.

Но вот эти...

Потеряв всякую надежду вернуться берегом к Раисе, Валерка, высоко вскидывая колени, кинулся к глубокой тёмной воде.

Только сейчас его заметили пьяные в педаль песняры.

Не сговариваясь, улюлюкая, бросились они к нему, на бегу подхватывая с земли камни и швыряя ему в спину:

– Ну Ядрёна Родионовна, Пушкина мать!

«От этой а-капеллы побыстрее крути педали, пока не дали...»

Затравленно озираясь и увертываясь от камней, шумно уходил Валерка.

От беды да в воду!

Наконец воды уже порядочно.

Валерка с лёгким вздохом ныряет, валится на дно.

Идёт по дну, идёт долго.

Уже когда показывается одним глазом наверх воды, видит, как певуны, в угарном азарте влетевшие в край пруда, прочно завязли в болотине и, обнявшись, кряхтят, раскачиваемые чёртом, надрываются выбраться назад, на берег. Но у них ровно ничего не выходит.

Заметили Валерку. Грозятся кулаками:

– Анчутка беспятый! Ну японский бог Йоулупукки!¹⁵¹ У тебя что, башню сорвало!? Заманул, Сусанин, в трясиину... Мозжечокнутья... Ты нам, еблан, ответишь! Ещё как! Мы ещё потрясём тебя за вымя! Ты ещё прокатишься у нас голым пукалом на еже!.. Мы те, тараканья титька,¹⁵² ещё ка-ак

¹⁵¹ Йоулупукки (финское) – Рождественский дед, который дарит подарки детям на Рождество Христово. Йоулупукки в переводе с финского означает «рождественский козёл».

¹⁵² **Тараканья титька** – непорядочный человек.

помнѐм карточку да попутно вложим умка! Мы те, обмудок, покажем Херехерету!..

Первое движение слабой Валеркиной души – вернуться помочь выдернуться певунам из топи. Однако завидел в кулаках камни, идти к ним не решается.

Успокоенный, что камнями уже не достанут его, он какое-то время всё же «стоит» на месте с воздетыми руками, будто сдаётся, и не знает куда плыть.

К тем несчастным певунам?

К Раисе?

Вопросительный взор, ищущий ответа, невольно поворачивается к дамбе.

Кроваво полыхнуло в лицо Санькино бунгало – сам же красным красил крышу.

Дом сразу за дамбой.

Отсюда, с воды, видна только макушка.

Саньки давно нет в Двориках. Третий год учит русскому монгольских детишек.

И думается Валерке про то, что вот хорошая земля Монголия, полнѐхонько-то в ней всякого добра вплоть до кобр, но непонятно, зачем этой хорошей земле ещё одна завозная очковая змея.

Что, там мало своих?

И то ли мерещится, то ли въяве Валерке видится: вышатывается из красного дома в дождь под зонтиком кобра, как положено, в очках, с раздутым капюшоном, по полной про-

грамме похожая на Саньку, и, сановито покачивая боками, правится к пруду, жёлтым колесом скатывается в воду и всё так же под зонтиком стремительно плывёт к Валерке.

Вся в воде, сверху лишь очки да зонтик над очками.

Не успевает Валерка и ахнуть, как кобра уже совсем подле, кидается ужалить, и Валерка что есть духу молотит её ногой по очкам, по очкам, по раздутому капюшону.

Едва отбился – пускается под воду.

В чёрной воде-то, думается ему, никакая кобра не увидит его, хоть она и в очках. Не увидит и не укусит.

Ну, пускай худшее, пускай укусит. Всё, может, не весь яд в тебя пойдёт. Что-то, глядишь, и растворится в воде.

Валерка идёт по дну и на всякий случай нервно поталкивает назад ногой. А вдруг увязалась эта королева змей вслед, гонится именно под водой? Или влюбилась?.. Ой, да прям обмечтался об этой змеище-лемуре...

Королевская кобра подзывает дружка для биатлона своим запахом. И когда большой король вьётся на свидание к своей королевишне, он вовсе не знает, что у них сварится. Может, и выгорит перепихнин с повторинком... А может, она просто вкусно разговееется своим королём Кобриным, за раз проглотив все его четыре с половиной метра. А может, он, змеиный король, ею сладенько отобедает до или после пантомимы. Это уж как там на каруселях качнётся... И никогда не знает ладушка, чего это подполз к ней гражданин Кобрин. То ли для любви, то ли кушать очень ему хочется...

Эти мысли круто остёгивают Валерку, и он сильнее дёргает ногой назад. Так хоть от души дам этой хаванагиле кобре по иллюминаторам!

Вместе с тем ему и страшно; кажется, она вовсе не боится захлебнуться, раскрыла рот, уцелилась и вот-вот вопьётся в него смертоносными зубами.

Но разве может так быстро, как и он, плыть змея?

Он раздирает глаза, оглядывается, силится рассмотреть непременно тянущуюся за ним живую светло-желтую верёвку кобры, но ничего в чёрной воде не видит.

Но она совсем где-то рядом. Здесь! Да где именно? И идёт она под водой или по верху воды?

Он почему-то склоняется к мысли, что она идёт по верху воды. Эта гадина, думает он, знает, что не может же он вечно торчать под водой, врёт не уйдет, выставится хватить воздуха, она тут и!..

Страх давит его ко дну.

Меленькие пузырьки редко рвутся на поверхности, несмело обозначают его путь. Воздух на исходе. Вот и совсем нет ничего, дышать нечем; задыхаясь, он столбом выталкивается на поверхность, хватает в судороге воздуха и снова под воду...

Он уже устал. Ему смертельно тяжело со связанными вёслами вскорую идти по заросшему вязкой всячиной дну. Он всё чаще и чаще выскакивает наверх и однажды замечает, что кобра сопровождает его будто в почёте.

Она вилась чуть позади то с одной стороны, то с другой и знай себе посмеивалась, сановито поправляя то и дело съезжавшие очки, уверенная, что он от неё не уйдёт.

Но – ушёл!

Он благополучно доскрёбся до берега, вынырнул, с восторженным испугом выпихнулся из воды уже у самой осклизлой стенки суши. И в метрах каких пяти от него одновременно всплыл труп вчера утонувшего грузина. Всплыл как раз под коброй. Поднял её из воды.

Кобра полохливо заозиралась и в следующую минуту уже мёртво слилась с трупа в воду.

Жалко, что совесть грызёт не того, кого надо.
Н.Ступин

*Все люди Сизифы, только камень у каждого
свой.*
Ю.Ковязин

Не помня себя, Валерка вмах выскочил на берег и тут, увидав, что совершенно гол, в панике раскинул черпалки, невольно качнулся назад и спиной сверзился в воду.

Вода привела его в чувство. Он вспомнил, где он, что с ним, вернее, что может случиться с ним.

"Она наверняка лишь притворилась мёртвой и во всякий миг готова стрелой выдернуться из воды и цапнуть в самую душу".

Боясь внезапного нападения и не решаясь ступить на берег, где на самом бугре, в солнце, стояла Раиса, он, слитый в ком, вжимался в короткий сырой срез берега, с ужасом пялился на смоляную воду перед собой и наизготовку держал над головой кусок глины.

"Только выкажись! Только сунься укусить – пришибу!"

Тяжёлый всплеск воды при падении Валерки разбудил Гордея.

Гордей – лежал как брус во всю Русь! – потянулся, рассво-

бождённо выпростал из-под хрусткой газеты ручищи-оглобельки и встал. Хмуро ругнул себя, что уже в тени валялся под газетиной, и из вялого любопытства побрёл к воде со спорной бутылкой грузинского коньяка.

Гордея подивил ком земли в руке у Валерки.

– Ямщик! Ты с кем тут воюешь? – спросил весело-насмешливо. – И чего ты нагишом? А где, извиняюсь, твои штанишки на ватине? А где твой хрустальный сапожок тире башмачок?

Движением бровей Валерка показал на воду.

– Немудрено, – назидательно стелет Гордей. – Покуда этот омуток перемахнёшь, жизни можно лишиться. Не то что...

Он натолкнулся взглядом на труп и осёкся.

– К ночи страхи какие! Да не напару ли вы, Ямщикок, причаляли?

– Отплавался... Жалко... Молодой... Искали его среди воды, а он у самого у берега... Шёл я по дну, нечаем толкнулся кеглями во что-то неясное. Похоже, то был он. Всплыл вот...

– Да его родня золотом тебя осыплет!

– Что мне золото... Дал бы на пока чем боеголовку прикрыть.

– Попроси что полегче. Не снимать же с себя!

– Валера, возьмите! – откуда-то сверху, с солнца, коротко обронила Раиса, и серый свёрток с кулак мягко плюхнулся перед Валеркой на воду.

Развернул Валерка бумагу – чёрные сатиновые трусы! Нерешительно высунул верх головы из-за кромки берега. Уставился на Раису.

– Я всё слышала. Надевайте, надевайте! Сегодня купила брату у вас в универмаге. В столице это такой дефицитио...

– Гм... – Гордей поёжился от холодка тени, и его потянуло из этого холода на верх бугра, к теплу, где в последнем солнце золотилась Раиса.

– Молодой! Гражданин! Гражданин! – насмешливым голосом позвал Гордея Валерка. – Вы забыли вручить мне выигрыш.

– Какой ещё выигрыш? – лениво, с упрёком ответил Гордей. Остановился и, подлаживаясь под игривый Валеркин тон, тоже перешёл на вы. – Вы могли утонуть. Не утонули. Выиграли себе целую жизнь! Разве вам мало одного этого выигрыша?

Валерка и не подумал бы требовать выигрыша, не пойдя Гордей к Раисе.

Но раз так, раз пришнуровался... Этот чёртов бугай просто к человеку не приплавит. Это что-то из подянки да замышлено. Какой-то тёмный расчётец да и катает в котелке!

Валерка переломил себя, поверх всякой силы позвал-таки к себе Гордея дрогнувшим пальцем.

Гордей хмыкнул. Но вернулся.

Присев на корточки, философски промурлыкал себе под нос «Чем выше любовь, тем ниже поцелуи...» и, таясь, – не

хотел, чтоб слышала чуткая Раиса, – горячечно зашептал:
– Слушай ты, труляляшка! Не порть дорогую обедню. У меня бедные родные орехи аж звенят... Гормоны срывает... А ты что-то начинаешь старшака не слушаться. Совсем выдернулся из-под дуги. Да на какую хрень сдался тебе этот коньяк!?! Ты ж всё равно эту микстуру не принимаешь. Она тебе по ветру. А мне? Сегодня!.. Ну пожертвуй, едят тебя мухи с комарами! Вникни, колокольчик, в ситуацию... Мне чуть-чуть впрыснуть коньячком эту мамлютку, – Гордей стрельнул вороватым глазом в сторону Раисы, – и она вся моя. Честное октябратское, оприходуя, натяну незабудку на болт! Одна валторна¹⁵³ – праздник глазу!.. Что база, то база... Янгица без базы, как клумба без цветов! Мой миноискатель так и рвётся в праведный бой! Ну подсоби несчастному хулиганитке пошалить в её тайных владениях до вселенского стона! Пускай тогда жалуется святым небесам на мой хронический недоебит. До утра нанайская борьба в стогу за птичней гарантирована! Не веришь? Прибегай в полночь, примри в канаве напротив стожка. И ты увидишь космическую смычку города с деревней!

– Пошёл ты на хутор!.. Тоже мне пламенный бык-гордень...¹⁵⁴ Кончай гнать мороз! Или... Ты что, принял её за тёлку шаговой доступности? И уже, может, прикопался? Уго-

¹⁵³ **Валторна** – ягодицы.

¹⁵⁴ **Бык-гордень** (здесь) – гордый красавец мужчина атлетического телосложения.

ворился на свидание?

– Ну! И принял! И уже! Недоскрёб твою мать!.. Да какой же старый козелино не любит пощипать молодой травушки?

– И она... Ну какие уши выдержат эту лапшу из муки такого грубого помола?.. И она... Вся согласна?

– Категорически вся против! – просыпал сдавленные смешки Гордей. – Позволь тебя просветить, тьма... По подсчётам учёных, во время рабочего дня метёлки думают о дорогом товарище сексе 34 раза! Каждые пятнадцать минут! Когда только роднушам и работать...

Валерка поморщился.

– Ты чего жмуришься, как майский сифилис? Или это неправда?

– Что-то они у тебя слишком часто думают о долбёжке. Вдвое чаще, чем по моей газетной вырезке.

– Не перебивай! У нас с тобой разные источники. Разные страны – разные ляльки. Ну... Раз думают, значит, хотят пчёлки. А желание матильды – святой закон для нашего брата бармалея. А это уже не шуточки. Против указа природы не попрёшь, пан Валерик! И!.. Что интересно, чмо ты дырявое, тако-ой клёв!.. Ну и зажигалочка... Надо шлёпать по железу, пока не остыло. Хоть ладошки согреешь... Ох и зажигалка... Та-ак и рвёт! Та-ак и рвёт! Э-эх!.. Так и просится ж на грех!

– Не может... быть... – разгромленно выдохнул Валерка. – Ты не боишься поймать от этой незнакомки насморк?

– Не переживай... Не боюсь. Я смелый. А если что... Если насморк лечить – пройдёт за семь дней. А если не лечить – сам проедет за неделю. Так что всё вырুলится на океюшки!

– Да я совсем про другой насморк!

– И я про тот же самый!

Валерка выставил новый довод:

– Слушай, красавчег... Ну она ж тебе... совсем чужачка...

– Эк дурило! Да у холостого мужика нет чужих баб. Была чужая – будет родная! А заодно и кособланки¹⁵⁵ ей выровняю... Доброе дело попутно сделаю.

– И ты думаешь, – мстительно захрипел сквозь зубы Валерка, – я кинусь в лакейки к твоему клёву?

– Ты что, нерукопожатый, так вывихнуто вылупился? Перекупался? Или один геройски разгерметизировал бутылёк газировки?¹⁵⁶ Наш кутёнок выпускает коготки... Не пыли уж так... Кончай быковать... Кончай этот придурёж! Не расходись... Сократись, дружочек мой... Я не узнаю тебя... Поднял вокал... Как детей укладывают спать? Приказом. На горшок и спать! Ну!?... Давай!.. Раньше ты коготки не показывал...

– Так то раньше... Выиграл – моя! Я её лучше своему спасителю отдам!

Валерка выхватил у Гордея бутылку и, перебирая одними ногами, подплыл к утопленнику, бережно поставил её тому

¹⁵⁵ **Кособланки** – кривые ноги.

¹⁵⁶ **Газировка** – водка.

на грудь.

Когда Валерка вернулся, Гордей с видимым горем на лице молча приложил Валерке палец ко лбу и грозно зашипел.

Так шипит спускаемый из перегретого котла пар.

Валерка сошвырнул Гордееву руку и побрёл к велосипеду.

Гордей поплёлся следом, побито выговаривая:

– Ну горюха... половой демократ...¹⁵⁷ Как тебя, стукнутый, и усахарить? Мне не дал закинуть в топку – ладно. Но ты, агрессор, хоть бы о ней подумал. Для журналистки командировка не только работа, но и курорт! А она вернётся с курорта злая, не отдохнувшая и никому не давшая! Каково? Да она со стыда сгорит и совесть загрызёт её одним зубом... Не долечила тебя жизнюка... Не обкатала, не уладила, как голыш... С чего ершиться надумал? Смотри мне... Кошка за свою ласку на подушках спит. А собака за своё рывканье в конуре да на цепи сидит и не во всякий день сыта. Усёк, толстодум?

– Усёк, усёк!

– А я не верю, что усёк. Кому усекать-то? У тебя ж все из дому разбежались! Это ж надо выворотить... Покойник живого спас! От че-го-о?!

– Хотя бы от той же кобры... До чего опасная... Один грамм высушенного яда кобры может убить сто сорок собак!

– Примерещится ж дяде... Да откуда в Двориках взяться кобрам?!

¹⁵⁷ Половой демократ – импотент.

– Из Монголии? – полувопросом ответил Валерка.

– Из какой ещё Монголии? К твоему сведению, в какой Монголии кобры водятся?

Валерка безразлично повёл плечом, поднял с земли велосипед.

Подумал вслух:

– Съезжу в хомутку¹⁵⁸ скажу, чтоб забрали грузина...

– Слушай, Ямщикок, – вкрадчиво затоковал Гордей. – Ну... Глаза у тебя по ложке, а ситуацию не видишь ни крошечки. Всю панихиду, кулёк, испакостишь! Ну что тебе стоит, недоскрёб твою мать? Переиграй с коньячишкой! На что он утопленнику? Утопленник сверх всякой меры своё уже выкушал. Гарантирую, больше и грамма не примет... Позволь оприходовать? – указал на призрачно маячившую над водой бутылку. – Ну, Ямщикок, по плавникам да в баню?

– Мда-а... Ты с живого сдерёшь последнее... Ёшкин кот! Неужели и покойника не посовестишься?

– Гм, – холодея лицом, надвое ответил Гордей. – Дорога ложка к обеду, а после обеда её хоть и не будь.

– Ёшкин кот! Неужели сплаваешь цапнешь? Да это так... Всё равно... Как с могилы украсть цветок... яблоко... Это так низко!

– Низко... высоко... Не знаю, не мерил, – глухо пробормотал Гордей в спину Валерке.

– Валерий! – позвала Раиса. – Куда же вы? А интервью?

¹⁵⁸ **Хомутка** – отделение милиции.

– Никаких ин... Что я вам расскажу? Про чужую землю? Про чужой значок?

– Но как же вот так?.. Сумерки... Ехать в народ со связанными руками... Остановитесь! Дайте я вам хоть развяжу руки!

Валерка помотал головой; съехал с дамбы на узкую гнутую тропинку и тут же пропал за поворотом, за первыми домами: по кривой дороге вперёд не видать.

На пустынном сумеречном берегу никого не осталось кроме Раисы и Гордея.

Между ними ныло тягостное молчание.

Раиса недоумевала, отчего всё так нелепо повернулось. И в том она единственно винила Гордея.

Гордею же не понравилось в Раисе то особенное участие, которое плесканулось из неё на Валерку.

– Хэх! – с ревнивой обидой сушил голову Гордей. – Поехал на мясотрясе с завязанными руками! Да он всю жизнь отжил со связанной волей, со связанной душой. Он у нас иэсэсовец...

– Эсэсовец?

– И-и!.. Иэсэсовец! Есть ИВОВ. А это ИСС. То инвалид Великой Отечественной войны. А это – инвалид советской

системы...¹⁵⁹ Инвалид... Война тело изурочила. А систе-

¹⁵⁹ «Судьбу народа России исковеркал тоталитарный режим... В России дана

ма – и душу и все извилины мёртво спрямила на свой ранжир. Нет Человека... А то, что от него осталось... Хочешь ноги вытирай, хочешь – засылай строить светленькое будущее где угодно, в любой точке мира хоть для отдельно взятого папуасика. Только голодно крикнет «Щас!», штаны на верёвочке поддёргнет и побежит строить.

– Ойко! Что за чушь вы катите? Да вы переспали на солнце! Перегрелись!

– Он у нас ве-ли-ко-му-у-у-у-у-че-ник... Развяжи кто ему крылья – из него выскочил бы новый Ломоносов! Да кто развяжет? Система? Она мастерица лишь завязывать... Кто лучше него знает, где ему жмёт? Кто лучше него знает его узелки? И никто, ни-кто их за него не развяжет... Не сможет... А если б я лично мог... стал бы развязывать?.. Не знаю... Надо же! Заставил-таки этот пирожок ни с чем испу-паться меня сегодня!

С низкого берега Гордей картинно пощупал ногой воду, поморщился и – не в охотку, да нужда! – бросился к бутылке с потухлыми в лиловых сумерках пятью звёздочками.

Несколько мгновений Раиса в оцепенении следила, как крепкорукий Гордей, с ленивой весёлостью напевая вполголоса:

– Ехал чижик в лодочке

ясная оценка злодеяниям тоталитарного режима, и она не будет меняться». (Из статьи В.В.Путина в польской газете "Gazeta Wyborcza" от 31 августа 2009 года.) Президент России Дмитрий Медведев заявил, что режим, который сложился в СССР, был тоталитарным. («Известия». 7 мая 2010.)

В капитанском чине,
Не выпить ли водочки

По этой причине, -

метровыми сажёнками ломил к тем невидимым, призрач-
ным звёздочкам.

А потом будто очнулась, стремительно пошла прочь.

К селу.

В Синих Двориках уже зажигали чистые, воскресные ог-
ни.

Послесловие

*Вконец рассорился я со своей судьбой.
И что? Не бросила меня, идёт со мной.*

В.Сысоев

*Все положительные сдвиги
До нас доходят в виде фиги.*

В.Овсянников

*О нет, не может клоун суетливый
С лиловой нарисованной улыбкой
Быть грозным укротителем медведя!
И выключил я глупый телевизор,
Где снова угрожал Москве Обама.*

Юрий Поляков

Через толщу лет случай снова привёл меня к моему герою.
Вечерело.

Где-то вдалеке слышался «гром – нескромный соавтор
молнии».

Как жестоко уходит время...

Жизнь заметно помяла, состарила Валерия Павловича.

– Как вы тут с Гордеем?

– А... Сплюшка Гордей проспал себя на диване. А я в бес-
толковой вечной суетне рассыпал себя по России. Два Обло-

мовых. Два пустоцвета...

Как я понял, он с отчаянно-ожесточённой настойчивостью продолжал лепить свои рекорды к датам.

Ему не хотелось сейчас распевать о новостях и он молча подал мне местную газету, подолбил ногтем по отчёркнутому куску текста. Тут всё расписано. Читай!

«На сегодняшний день главный рекорд «деда-амфибии» в том, что он... умеет ходить по воде. Его фирменный трюк такой: погрузившись в воду по грудь и совершая под водой движения ногами, он идёт по воде, держа в руках какой-нибудь плакат сообразно очередной памятной дате.

– Я человек-поплавок, – шутит он. – В воде не тону.

А начинал «человек-амфибия» с «цветочков». К юбилею Победы Валерий Павлович простоял в воде как пустая бутылка 1418 секунд (по количеству дней, в течение которых шла Великая Отечественная война). В честь 55-летия Победы за три часа 40 раз влез на трёхметровый шест, прошёл по воде в воронежском Дворце подводного спорта 10 километров и, непрерывно шагая 15 часов по стадиону

своего села, нашагал около 80 километров.

Дальше были новые рекорды к новым датам В честь 60-летия Победы в Сталинградской битве Валерий Павлович прокатил автопокрышку диаметром около метра по территории района на расстояние в 201 километр. А в честь годовщины Курской битвы прошёл по нижнедевицкому пруду 1418 метров с

любимым транспарантом в руках «В лабиринтах мечты».

Свой новый удивительный рекорд неутомимый пенсионер установил в честь 65-летия Победы над Германией. Во славу русского оружия он в полковничьей форме довоенного образца и с детским пистолетиком наперевес с 23 июня по 16 августа прошёл те же 1418 километров по детскому лабиринту, построенному во дворе местной школы. Для интересующихся сообщим, что расстояние от входа в лабиринт до выхода 20 метров. В день дед на глазах изумлённых школьников и учителей наворачивал по лабиринту по 27-29 километров, то есть больше 1300 ходок туда-обратно...»

– Ну, не наскучило мотаться с детским пистолетиком?

– Надоело... Всё остонадоело...

– Так брось.

– Понимаю, пора б бросить эту безнадёгу. А не могу. Дело всей жизни как кинешь? Всю ж жизнь горел желанием влететь в Книгу рекордов Гиннеса. Всё княжит-воеводит во мне такая Мечта... Я завалил их бумагами со своими рекордами. Они и не знают, что со мной делать. Говорят, у них ещё нет номинаций, под которые можно было бы подпихнуть мои «подвиги». Думают над своими номинациями... Целую вечность уже думают...

Старается шурик из последних сил... Впору хоть заноси его в эту Книгу рекордов лишь за те гигантские старания,

которые он в надрыве прилагает, чтобы всё-таки хоть бочком вжаться в неё. Наверное, по напористости здесь ему равных в мире нет. Две ж трети жизни с настырностью самоубийцы рваться в Книгу... Везде пишет, везде доказывает. Какие трюки ни выделывай – не видят, не ценят, не заносят.

– И ты на что-то ещё надеешься?

– А как же без надеи? Надежда крикает¹⁶⁰ последней...

– Ты почётный гражданин Синих Двориков. Тебе этого мало?

– Маловатко. Надо под конец дней всё ж вскочить в Книжищу. Хочу, чтоб весь мир меня узнал. Как только засвечусь у товарисча Гиннеса, тут же брошу запузыривать свои рекордуги. Я в том почтенном возрасте, когда уже твёрдо отличаешь большой палец от мизинца. Знаю, чего хочу.

– А как дела на личном фронте?

– В косяк... Без перемен...

– Всё отважно мечтаешь о четвёртой свадьбе в Версале?

– Я не Андрейчик,¹⁶¹ – горько улыбается. – Меня на Версаль не купишь. Я ещё попрыгаю на своей свадебке на Луне или на худой конец на Солнце. Выберу местечко почудней... Пока не определился...

– Чего тянешь? Поскорей определяйся.

¹⁶⁰ **Кричать** (здесь) – умирать.

¹⁶¹ 39-летний телеведущий Андрей Малахов справил свадьбу в бывшей резиденции французских королей, в знаменитом Версале. Свадьба обошлась жениху минимум в 500 тысяч евро.

– Хо! А куда спешить? На-а-айду свою половинушку... На всякий горшок обязательно сыщется своя крышка... Мужчина ж, как коньяк. Чем старше, тем вкуснее! Какие мои годы? Семьдесят – разве это годы? Вон сомалиец Ахмед Мухамед Доре в сто тринадцать подженился в шестой раз на целинке. Моложе на 95 лет! Во тётка!.. Так у того Ахмедки от пяти «вторых половинок» восемнадцать спиногрызиков. Мне хотя б одного... Да что мне Ахмед? Я и Кимуру,¹⁶² и саму бабу Танзилиху¹⁶³ ещё обставлю!

– Мда... Всё без перемен. Сколько ж ты разбежался княжить?

– Вон Адам, житель библейского рая, прожил почти девятьсот лет. В земном рае всё скромнее, конечно. По науке, человек может нажить двести лет. На двести я не намаживаюсь. А сто двадцать пять я себе точно отмерил! И ни дня меньше! Времени на поиски у меня ого-го сколь ещё в кармашке! Всё ж тётку первый сорт я себе вырву!.. И вообще... Куда спешить? Учёные из Гарвардского и Оксфордского университетов заверяют, что Вселенная проживёт ещё десять миллиардов лет. Всё впереди! Хоть поэт Бродский и ухнул, что «одинокчество есть человек в квадрате», да кому ж в том одинокчестве ладно? На старухе я никогда не женюсь!

¹⁶² Японец Дзироэмон Кимура – самый пожилой мужчина на планете. Ему идёт 116 год. Живёт в городе Кётанго (префектура Киото).

¹⁶³ Танзиля Бисембеева из астраханского села Исламгазы попала в Книгу рекордов России как самый пожилой ныне живущий человек в мире. В марте 2016 года она отпраздновала свой 120-й день рождения.

Что старухни вытворяют с нашим мужским вопросом!. Вон бабка Пугачиха... Ка-ак шмонает детишков! Были два холё-сеньких мальчика. Филиппок и Максимка. Добежали до меня слухи, Филиппок-шпок получил от неё поджопника. За-мутила она чмоки-чмоки с мальчиком Максимкой, «птички-ным сынком», которому всего-то тридцать с копейками. А самой уже шестьдесят с гаком. Гак гаком, а... Грустная юморина...

– Не мели чего ни попадя! Ты этим тёмным слухам-переслухам, этим злым, завистливым перебрёхам, не кланяйся и сильно не переживай. У тебя ж кроме пяти кошечек нечего взять.

– Бабы-пролазы найдут что отчекрыжить. Если б не нуждица, я про баб никогда б и не вспомнил. Мне интересней наш брат мужичок... Вот... Что за талантище Андрей Малахов! Телеведущий, режиссёр, драматург перво-класскин! Его передачи «Пусть говорят» и «Прямой эфир» покруче иных театральных спектаклей. Ну что за диковина театр? Заранее бери билет, прись куда-то и весь вечер пьалься дебиллом на мужиков-баб, которые перед тобой будут ломать заранее отрепетированную чепухень, до которой им лично нет ровно никакого дела. Иной артистик с пеной на губах гордо квакает, что десятилетиями мусолит одну и ту же роль.¹⁶⁴ И чем похваляется? Вызубренными чужими мо-

¹⁶⁴ Актёр Малого театра Михаил Щепкин тридцать лет играл Фамусова в грибоедовской комедии «Горе от ума».

нологами, чужой болью? Неверующим Станиславским? Не верю я театрам! А вот в передачах Малахова всё натуральное! Никакой лжи! Никакой репетиции! Герои – живые, реальные люди! Без игры «играют» самих себя. Из такой-то деревни! Из такого-то города! Люди бегут со своими бедами. Со своими! Никакой фальши! Интересно, посмотри Станиславский хоть одну малаховскую телепередачу, крикнул бы своё коронное «Не верю!»? Ой ли. Разве самой жизни можно не верить? Толковущий парняга этот Малахов! И где таких отыскивают?

– В Апатитах. Это под Мурманском. Между прочим, мы с ним земли... Ты что, хочешь какую-то тему ему предложить?

– Ему – нет. А вот на Первом идёт веселуха «Давай разведёмся!» Пardon, «Давай поженимся!» Туда б я шатнулся к свашеньке Розоньке... Я было раскатился стукнуться за советом-помощью к главной свахе всей державы. К Розоньке. Она соведущая передачи «Давай поженимся!» У вседержавной свахи своё брачное агентство «Школа невест». И прирабатывает. На Первом телеканале ещё учит, как надо правильно жениться. Да вовремя я тормознул...

– Что так?

– Да эта Розочка, – она гордо навеличивает себя по телевизору «олицетворением татарской нации», – сама фундаментально бита мужниной рукой. И какой рукой? Нестандартной. Боксёрской! Он в прошлом боксёр. Ещё тот рев-

нуха. С ним Роза впервые стакнулась на своей же передаче «Давай подженимся!», где она, как я сказал, тянет партию свахи. Парнишок пожаловал на запись передачи как претендент в женихи к рядовой героине программы, но вбыструю сориентировался на пересечённой телевизионной местности и отважисто сунул руку, сердце и боксёрскую варежку самой телеведущей свахе. В его нежностях-ласках полтора года купалась сюсенька (так чубрик навеличивал её в припадке любви). Чуть не затонула. И это купание бестактно оборвал сам же этот майданутый альфа-самец. Вроде в доказательство выверенной народной мудрости «Бьёт – значит любит!» Он же, дятел безбашенный, полтора года упустил! Всё миндальничал. Знай всё если не косил изюм, так му-му валял.¹⁶⁵ А до главного, до битья, руки не доходили. Значит, не любил? Срочно надо выправить дело! Как в лихорадке метал в любимушку, в это «олицетворение», кулачки-пудовички вперемешку с ножками. Аж упарился! Но картинку отличично подправил.

Это фундаментальное битьё чуть-чуть её просветило. Она поняла: не нарушай свой же брачный график. До загса, вседержавно учила Розушка-сваха, невеста должна знать жениха не менее года. А сама Розанчик знала своего боксёрика всего лишь три месячишки. Нетерпёж поджёт, надул в форточку – досрочно уложилась в один кварталишко. Сама нарушила свой же график, сама и получай!

¹⁶⁵ Косить изюм, му-му валять – бездельничать.

Ещё она поняла и стала учить: не бегайте, старушонки, замуж за молодых!

Для закрепления своих успехов, как потешалась потом молва, этот двухметровый сухофрукт добавил ещё крутых люлей, нокаутировал, ещё раз отоварил по полной программе свою дорогуню, звёздную жёнку-сваху. Вышиб зуб, всего-то слегка потряс и чего-то там даже сотряс, мозгами вроде называется. Круто обсыпал всю толстыми синяками-буграми. Витрину (лицо) дорогого ненаглядного «олицетворение» разбандерил в кровь. Такой вот горячий наварушко. Розулечка бегом на развод... Но через полгода счастливая бежит уже назад – замуж за того же боксёрика. Вторично. Во второй раз побежала в одну и ту же воду. За своим побежала! Просто Розанчик поняла, что не все шишки собрала, и гордо заявила: «Юра не подарками меня завоевывал. А поступками. Когда мужчина говорит: «Прости, я больше так не буду» – мне слабо верится. Но сегодня я услышала то, что действительно заставило моё сердце дрогнуть. Он сказал: «Не обещаю, что тебе будет легко со мной. Но я всегда буду с тобой рядом». Можно провести такую аналогию: я – вершина айсберга, а мой муж – его основание. Будучи публичным человеком, мне необходима крепкая опора. Когда Юра ушёл, я поняла, что айсберг начал тонуть». Ну-ну... Ну чего теперь ждать? Глядишь, теперь он её основательно добьёт и больно уже больше никогда не будет. И бегать Розушка перестанет. Сразу два «хороша» получите в одни белы рученьки!.. Но

боксёрки кинул ей третье. Подал сам на развод. Ну... Они таки разбежались по своим норкам. И всероссийская свашка нарисовалась в своей же передаче «Давай подженимся!» уже в качестве всероссийской невестушки. Своего Юрашку она торжественно обозвала вампиром. Баллотировались в женихи, кажется, три татарика. Один, баянист, лихостно спел песенку «Ай, дубыр-дубая». Да выбрал ли кто нашу незабвенную Розу Раифовну, не знаю. Набрядла мне эта хренотень и я уснул, не досмотрел передачу... Шло время. Розушка не вылезала из-под ножа пластического хирурга. Шесть, ну целых ше-есть! операций перенесла. Ради молодых мужиков. Журналу «Тайны звёзд» она докладывала: "Хочу спать с молодыми! Старики с пузом пусть сверстниц "околачивают"! Зря я, что ли, к дяде доктору ходила?"

Ну, до сблёва наспалась Розонька! В пятьдесят четыре снова кукует одна. Как и я. Нашёл на неё управу геморрой, угомонил. В пятьдесят четыре полный отбой! Никакоечко-го интима! Ну на коюшки мне таковецкая свашка, если она, психологиня, в своей семье ума не сложит?

– Раньше ты райком просил помочь найти тётку...

– Что вспоминать? Нету больше райкома партии. Нету Сяглика-зяблика... А как рулил в рейхстаге! Всё учил, как правильно строить коммунизм. Всех учил в округе! И меня учил! Нету больше КПСС... Многого чего нету... Надеяться можно только на себя. А на себя надёжка кислая.

И настрогал я слезницу самому главному думаку...¹⁶⁶

– Просил, как в старые времена, тётку наискать?

– Не-е... Я, старый пенёк, сейчас просил на хлеб... Знаешь, пенсия у меня пшиковая А всё постоянно дорожает, только один рубль дешевлеет... На мою пенсию лишь и добудешь четыреста тридцать граммов долгоиграющей сырокопчёной колбасы. Я, конечно, ни с какими деликатесами не знаюсь. Возьмём обычные продукты. Ту же госпожу гречку. После пожаров в 2010 году гречка подорожала в четыре раза. Власть наобещала вернуть прежнюю цену. Но до сих пор «возвращает в поте лица». Зато в Британии безо всяких обещаний цены на многие продукты остаются ниже уровня 150-летней давности. Сейчас дешевле, чем в 1862 году! Продукты питания в наше время стоят примерно 1/13 часть от своей стоимости 150 лет назад – таков вывод исследования, проведенного журналом *Groser*. В условную корзину включены 33 продукта: хлеб, яйца, какао, виноград... Авторы исследования объясняют изменение стоимости продуктов увеличением доходов и ростом импорта. Англичане тратят на питание десять процентов своей зарплаты, а мы – все семьдесят.

¹⁶⁶ **Главный думак** (шутл.) – Председатель Государственной Думы России (29 декабря 2003 года – 14 декабря 2011 года), председатель Высшего совета партии «Единая Россия» Б. В. Грызлов. Прославился афоризмом "Парламент не место для дискуссий". «Грызлов давно олицетворял собой "безжизненность и ощущение, что правящая партия на всё имеет право": последние 8 лет он проводил через Госдуму законы, "как плоты по реке". На думских выборах 4 декабря 2011 года «Единая Россия» профукала конституционное большинство. Грызлов отправлен в отставку через 160 часов после этих выборов.

Подумать есть над чем. Как при таких наших ценах питаться? А оброк¹⁶⁷ из чего платить?.. При такой живухе недолго и отбросить кегли. Что делать? Сигануть за линейку?¹⁶⁸ Да на какие башли?.. Может, податься в рыбаки? Вон... Прочитал, что мужичку из японской деревнюхи Офунато вляпался в сети мешок с одиннадцатью миллионами иен. Тут же побёг я к соседцу. Выпросил удочку. День просидел у нас в Двориках на пруду. И малька единого не выдернул из воды. А что уж об мешке денег толковать? Может, переметнуться на подножный мясной корм? Но я не пан, не лиховой гурман Тимошка¹⁶⁹ и лакомиться пловом из мышей не могу. Только при одном упоминании этого деликатеса меня начинает в коленке тошнить. Кто-то плавает, а я ж тону! Куда податься бедному крестьянину на приработку? Положеньице моё хиленькое. Полная обнулёвка.

И шатнулся я по старой памяти на почту. Когда-то я там разносил письма, газеты.

Заведующая мне обрадовалась и говорит:

– Снова в почтари не вскочить. Нет свободной единички. А вот в операторы – хоть сейчас садись! На раскачку тебе – ноль! И не раздумывай! Если, конечно, не прочь обмиллио-

¹⁶⁷ **Оброк** – налоги, плата за коммунальные услуги.

¹⁶⁸ **Сигануть за линейку** – уехать за границу.

¹⁶⁹ Тимофей Баженов, телеведущий программы "Самые опасные животные России" (канал «Россия-2»), считает, что мышь абсолютно съедобное существо, и подтверждает это на собственном примере. Сам готовит и ест плов из мышей.

ниться, обмиллиардиться и даже хоть ну обтриллиониться! Сказала *а*, скажу и *б*, и *в* и так далее. До последней буквы алфавита. Слушай внимательно в мою сторону. Я толкую про место с постоянной королевской кормёжкой! Обжираловка! Ешь от звонка до звонка! Всю смену! Перерыв только на обед! А он тебе совсем и не нужен. Ты уже сыт до сблёва! В обед отдыхаешь от обеда! Гуляешь на природе! Товарищей соловьёв и прочих гражданок птичек слушаешь! Вот такие пирожки в нашем жэке.

Недоумение распирает меня.

– Ну чему удивляться? Письма, бандероли... Марки надо наклеивать? Надо. Лизнул блок марок – плотно позавтракал!

– А-а... – дошло до меня. – Не-е... Мне такой на даровщинку обжираловки не надь... Хотите посадить меня на клевою диету? Не-е... Да будь проклята эта обжираловка всеми птицами, курами, собаками и скорпионами!

Что же делать?

Хоть беги доживай век в Ноевом ковчеге. Учёные молодчуки! Вон даве хорошенько поискали и нашли остатки ковчега на Арарате. На высоте четырёх километров...

А чего?

Проведаю дорогого товарища Ноя!

Да...

Куда качнёшься с моими тоскливыми капиталиками? Эхэ-хэ-э... Какая закрутилась у нас демократёшка?!

Ничего не понимаю! Я вообще в этом деле ни бум-бум

в квадрате... Ну... Тут копейки на чёрствую корочку не допросишься...

А кому зелёнку¹⁷⁰ – фурами!

Тот же Лужок!¹⁷¹ Только за один страшнющий кризисный

¹⁷⁰ Зелёнка – доллары США.

¹⁷¹ Лужков Ю.М. – «верхушка криминальной пирамиды», отец «коррупции невиданных масштабов» (выражения президента Д.Медведева), мэр Москвы. Восемнадцать лет непрерывно торжественно гремел мэрский бал-маскарад под лужковским девизом: себе – всё, остальным – по закону! Вот и весь ларчик нараспашку! Только за 2009 год его жена Е.Б. (Елена Батурина) огребла 31 миллиард рублей. За тот же 2009-ый **хлеборобы всей страны**, захлёбываясь потом, заработали в сорок раз меньше! Для сравнения. В крутые ельцинские времена бюджет всей России падал до 20 миллиардов рублей. Бюджет всей республики Киргизия в 2011 году – полтора миллиарда. А тут одна эта великая труженица-многостаночница в полтора раза больше годовых бюджетов двух стран угребла и царицей влетела в тройку самых богатых женщин мира. За 2009-2010 годы законодатель Лужков и сотоварищи, то есть его окружение, «неправильно потратили 230 миллиардов рублей». И ещё. Как в сказке, не по лужковскому ли велению, не по батуринскому ли хотению кредит на тринадцать бюджетных миллиардов вдруг засветился на личном банковском счету Е.Б.? И 28 сентября 2010 года президент России **Дмитрий Медведев** подписал указ «О досрочном прекращении полномочий мэра Москвы», по которому Лужков был освобождён от должности мэра Москвы «в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации». Составные «утраты» – «крайне неэффективное управление городом» и "запретельный уровень коррупции, допущенной Лужковым и его окружением". Батурина купила, в частности, самый большой после королевского Букингемского дворца частный чум в Лондоне – 90-комнатный замок Уитанхерст. Затарилась! И прежде чем купить *это* она, жёнка мэра, «продавала землю сама себе, взяв при этом деньги в столичном бюджете», которым распорядился муж. Лужков демонстративно таскал простецкую кепку. Косил параллельно и под пролетария, и под Ленина. В комплексе. Святые боевые кличи кепки: «Жлобства мы не допустим!», «Надо найти этих людей, забрать, выгрести деньги, а потом посадить!» Наконец-то ляпнулся 18-летний мэрский, прямо-таки мэрзопакостный Юрский

2009 год, скажешь, не он отстегнул своей женьшенихе охеренные миллиардищи?!!!

– Не знаю. Не стоял ни со свечкой, ни с бенгальским огнём... Хотя... Тогда чего остался он сам без пролетарской кепки?

– Вот только это чуток и согревает душу... А то... Как же похудел кошелёк Москвы? По корням наш воронежский Медведь крутенько кинул пинка Лужку по подушкам! Не коммуниздь по стоко!

– Ну чего шлифовать уши? Лично ты слышал это от президента?

– Лично не слышал. Но почти так по телику прозвучало!

– Ну-у... Почти... Догадки – ско-ользкий резон. Смотри, не ляпнись в грязь яйцом.

– А-а... Этот Лужок... Да у Е.Б., которую скульптор Ркацители¹⁷² изваял с конём, говорят, натитьник¹⁷³ из чистого золота! Ну на хренища ей таковецкий?

– Что, завидки подпекают? Сам бы такой с гордостью тас-

период. В первом интервью после отставки Лужков весьма скептически и слегка чистосердечно доложил: «Я не готов идти в тюрьму». Оя! Да зачем же шевелить дорогими помидорами? Ну зачем бить золотые ноженьки? Могут ведь надёжно, с бдительной охраной подвезти в воронке. Без проблем! Лужков смекнул, с властью лучше не саакашвилить (тупо задираться), залёг на дно, притих: так целей сохранишься. Вот такая она, древняя капиталистическая акула Юрского периода.

¹⁷² **Ркацители** (шутливое) – Зураб Церетели. (Вообще-то, ркацители – сорт грузинского вина. Ркацители в переводе с грузинского означает красная лоза).

¹⁷³ **Натитьник** – бюстгальтер.

кал?

– Тут родные ноги от недоеда скоро перестанешь таскать... Лужок сейчас цветёт в выпендрёже. Турнули его из мэров... Дружки пригрели в одном институте. Лужков с кандидатобером «выбил» себе зарплату в один символический рубрик. За единственный рубль впахивает в вузе! Чего смешить гусей? За рубль он работает! Да получай Лужок в месяц в самом деле лишь единственный рублевик, купила б его сыроежка самый большой после королевского Букингемского дворца частный чум в Лондоне – 90-комнатный замок Уитанхерст? А так... Можно «работать» за рубль, когда одной пенсии капает двести сорок тысяч! Как сообщалось, в 2010 году Батурина вместе с с семьей покинула Москву, обосновалась в Лондоне. Увела за рубеж свой бизнес. Ведёт его по всему миру за исключением России. В Лондоне занимается и благотворительностью... Депутаты Госдумы, за безделье прозванной в народе «музеем восковых фигур», огребают в месяц по 253 тысячи рублей. Так в госдумовской столовке обед стоит 137 рублей, в столовке министерства внутренних дел – всего двадцать рублей! Депутат Госдумы, слуга народа, получает 253 тыщи А я, его господин, расписываюсь всего-то лишь за слёзы. Я и попроси нарастить хоть капелюшку мою сиротскую пенсию. *«Ведь, – писал я главному думаку, – спортсмену, который каждый день тягает гантели и бегаёт кроссы, особое питание нужно».*

– Подросла твоя ненаглядная пенсия?

– Напротив! Малешко усохла от инфляции. Зато я, – это проскочило даже в «Экспресс газете», – «в ответ получил... партбилет «Единой России» за № 19256686, хотя и не просил о том. Ну на что такой попу...лизм? Даже членом КПСС наш герой никогда не был, а тут под старость дней не по своей воле попал в ряды правящей партии. И наверняка стал её самым непотопляемым членом». Попросил денег на хлеб – всучили партбилет! Ну к чему мне эта членская хрень? Господи! Загребя меня в свои ряды, «Единая...» подломила и без того худую тысячку. Прыгнула мне на шею. Теперь же ещё и за членство плати я ей взносы! А из чего? А всё из той же дохленькой моей тысячки... Мне с тысячкой тесно, а каково Лужку с единственным рублём в кармане? Когда турнули его из мэров, друзьяки прилепили его деканом в одном университете. И Лужок сам выбрал себе принципиальную зарплату – один рубль в месяц! Что бы он делал с этим тоскливым рубляшиком, действительно имей только этот рубль? Был Лужок третьим в «Единой...». Его рублика не хватит ему на век королевской жизни? А что мне делать со своей тысячкой? Что ж таки делать? Моей же тысячки председателю «Единой России» Путину даже на один завтрак не хватит.¹⁷⁴ Это раб так питается. (Путин сам говорил, что ра-

¹⁷⁴ «Был у Владимира Путина любимый ресторан в Санкт-Петербурге «Подворье». И был там в меню «Обед Владимира Путина». Владимир Владимирович из раза в раз заказывал этот обед. Из него видно, что составляет привычный рацион премьера: царская уха, «Сковородка» (мясное ассорти от шеф-повара: лангет, колбаска, эскалоп и домашняя котлетка), говядина под острым чесночно-сметан-

ботаает, как раб на галере.) А я, господин, месяц на эти грошики кукуй. Зато я член «Единой...». Господи! Да нужно мне это членство, как зайцу триппер! Затащили нахрапом в «Единую...».

Или они там перегрелись? Вполне может быть. Впервые ж за тыщу лет в центре России вот такую жаруху! Тучи авто, как утюги, постоянно греют нашу Землю. А тут ещё солнце спятило. В тени под сорок! Под со-рок!!! Нечего над природой эксперименты ставить. Бумеранг однако! И потом... Один военный синоптик вкинул в печать гипотезу о возможном применении Америкой против нас климатического оружия... Знаешь, подумать есть о чём. Горела наша Брянщина. Но не горела Беларусь. Что, у жары не было визы на въезд в Беларусь? Батя Лукашенко не дал ей визу? И госпожа Жара не посмела самоволом перемахнуть русскую границу? Ой-лё-лё... В Европе не было нашей жарыни, там буянили наводнения. Всё правильно. По старой доброй привычке ту-

ным соусом, осетрина горячего копчения с лимоном и маслом, десерты. Стоит такой «Обед Путина» из 5 блюд (не считая спиртного) 65 евро (или 2600 рублей). Откуда эти пристрастия Путина к изыскам? Спиридон Путин, дед президента № 2, ещё в 1920-е годы попал на кухню местообитания высшей номенклатуры того времени – в подмосковные Горки. Считается, что он успел покормить Владимира Ильича Ленина, а для Надежды Константиновны Крупской, Марии Ильиничны Ульяновой и Дмитрия Ильича Ульянова он готовил до их последних дней. Спиридон Путин кормил и Сталина, и других первых-вторых лиц государства. Правда, профессию свою не очень любил, объясняя почему: «Приготовишь, всё сожрут и памяти никакой не останется». (Журнал «Свободная пресса», 22 апреля 2011.)

чи тяжело тащили нам свои благодатные дожди. Но американцы не подпускали эти дожди к нашей границе, и дожди сверх всяких норм вываливались неподалёку от нас, у наших же соседей в Европе. Не так ли?..

Я слегка отвлекусь...

Верить американцам нельзя. Если человек с ружьем заглядывает через плетень на чужую усадьбу, он приходит туда не ухорашивать её. А нагадить и уволочь что под руку кинется.

Когда Горбатый вывел наши войска из Восточной Германии и дал Германии объединиться, натовцы с американцами водили вокруг нас шапкозакидательские хороводы и пели: НАТО не будет продвигаться на восток! Не будет!! Не будет!!! Да не будет!!!..

Это на словах.

Прошло время, и американосы уже разбежались утыкать все наши границы со всех сторон своими ПРО. Как охотники обкладывают красными флажками волка. И песни старые. Это не против вас. Это мы против Ирана. Но где Иран? В России? Держали нас за чумородных ванек, с которыми и говорить-то не стоит. Наши верховники настаивали дать хоть письменные гарантии, что и в самом деле их ПРО не про нас. И никакой бумагульки нам не кинули. И тогда под Калининградом заступила на боевое дежурство радиолокационная станция (РЛС «Воронеж – ДМ»). Воронеж! Наш Воронеж! И «ДМ» нам не чужие. Расшифровываются простенько: Дмитрий Медведев. Наш же корнем земля! Эта станция –

глаза России. Она может просматривать всю Европу и Атлантический океан и держать в поле видимости до 500 объектов.

На станции будут дежурить всемогущие «Искандеры». Знай, Европа-опа, если ты разбежалась направлять ракеты на нас, то свои мы направим на тебя. Какой мерой отмеришь, такой тебе и воздастся.

На открытии станции Медведев верно сказал: «Нас более не могут удовлетворить обычные заявления о том, что создаваемая система поэтапного и адаптивного перехода к европейской противоракетной обороне не направлена против Российской Федерации. Эти устные заявления, к сожалению, не гарантируют защиту наших интересов. Если будут сделаны другие шаги, то, естественно, мы к ним готовы прислушаться. Но в любом случае устных заявлений мало. Поэтому когда нам говорят "это не против вас", мне хотелось бы сегодня сказать следующее: уважаемые друзья, та радиолокационная станция, которая сегодня начала работу, это тоже не против вас. Но это для вас. И для решения тех задач, которые мы перед собой ставим».

Музыка дорогого товарища Бетховена!

Аплодисменты!

Говорят, когда американцы услышали про новую нашу станцию, у многих в яйцах затошнило. А как иначе? Посреди Европы воткнуть ядерную колотушку длиной в шесть тысяч километров! Вот так русские ваньки! Вот так мы! Вот так

мы!

И наплевать нам теперь, что будут петь американцы. Их чёрные планы под нашим ядерным колпаком. Под нашей ядерной дубинкой.

Но вернёмся к жару. Придёт время, мы и жару обуздаем.

Да перетёрли б мы эту чудовую дурашку жару, не подгадь мы самим себе масштабно. Уже совсем недавно в целях экономии из леса турнули 70000 лесников! Выгнали из леса хозяев! Сэкономили! Развели пожар на полдержавы... Какие триллионы сгорели... Такие триллионищи, что даже назвать их боялись... Печаль зажала мою душу, когда увидел по телевизору, как ангелоподобный Путин, в дыму правя самолётом-амфибией, сбрасывал с самолёта на горящую Русь окскую воду... Не выкинь у нас лесников-хозяев из леса, разве б они не сделали больше? Разве б дали огню такой смертной воли? Эха-а... Ну... Вот и огребли какие страхи... Совсем очумела от жары Гордеева яблоня. В августе зацвела! Как я услышал по радио, «цветение деревьев в неурочное время биологи объясняют тем, что у дерева, как и у большинства других живых организмов, в процессе стресса активизируется механизм размножения. Аномальная жара спровоцировала в некоторых деревьях движение сока, и это привело к цветению». Упалённое лето-2010 кинуло нам, горемыкам, двадцать пять температурных рекордов. Да кто ж им рад? Хлеба пожгло. Лесные пожары на полдержавы стонали. Заживо горели люди. И ещё торфяная гарь ка-ак руби-

ла горький народушко... В Москве, в столице, от смога в августовский полдень полутемно, машины с включенными фарами ползали! Смертность в первопрестольной учетверилась от яда смога! Вот таковецкий подарушко сколбасил нам большевистский дуэт Ильичей. Ленина и Брежнева. Ленин распорядился брать подмосковный торф как дешёвое топливо для шатурской электростанции. А брежневские «умники» осушили торфяники. Уровень воды в них понизился. Сухой же торф самовозгорается. Вот и запылали торфяники... Москва гибла в дыму. А преподобный мэр Лужок в то время пресчастливо шикавал-курортничал себе в своём дворце у тирольцев в австрийских Альпах!.. Забрал огонь 3068 домов... (Нижегородское село Верхняя Верея выгорело дотла. Уцелел лишь единственный дом Любови Григорьевны Карповой. Во время ураганного пожара одни спасались в пруду, другие закапывались в землю, а Любовь Григорьевна ходила вокруг своего дома с иконой «Неопалимая Купина» и молилась Божьей Матери, просила защитить. И пламя-смерть, спалившее всё село, не тронуло один-единственный домик старушки.) Вся Европа задыхалась нашим дымом... В России, по нашим данным, сгорело 62 человека. Было потеряно 25 процентов урожая зерновых. Общий экономический ущерб составил до одного процента ВВП России.

Охушки... Терпит природа от человека, терпит... Но однажды «Природа сдует род убогий, как с пустоцвета лепестки».

А пока...

Только и пользы от жаруни – вроде мухи да комары пропали... Восемнадцатого августа 2010-го, в последний аномальный, по прогнозам синоптиков, день лета, глава Гидрометцентра России Роман Вильфанд сказал журналистам: «Повторения аномально жаркой погоды, которая держалась в Москве около 60 дней, в следующем году не предвидится. В европейской части России такое может произойти только через пять тысяч лет». Ну что ж, и на том спасибо. Поверить на слово? Чую, ох, верить надо погодить. А ну откроется лапша? И уже на следующий год чуть не повторилась аномальщина. Начатки были...¹⁷⁵ А так... Есть надо и в жару... Грустные получаю я копеюшки... И разве я один такой? Сейчас «рацион среднестатистического россиянина выглядит не лучше, чем у пленного немца в 1941 году». А какой рацион взяточника? Вон в Москве пожарный инспектор за сокрытие нарушений правил безопасности хапнул взяточку в 35 тысяч рублей. Только благородно оприходовал капиталец на свой баланс – полиция. Пришлось в пожарном порядке кушать. Свернул в трубочку семь пятитысячных бумагулек и а-а-ап! По-стахановски проглотил. Одним глотком! Даже ничем не запил. Полиция ничего не могла поделать с таким звериным аппетитом. Только глупо похлопала голодными глазка-

¹⁷⁵ Не прошло ж и года. 30 мая 2011. Те же журналисты. Тот же Роман. Тот же Вильфанд. То же вихляние: «Аномальная жара, обернувшаяся год назад многочисленными пожарами, может повториться в России и в этом году». Старая песня старого акына.

ми. За раз слопал ну тридцать пять тысяч и не подавился! А мне этих шелестелок хватило б на три года... Правда, предприниматель Роман Абрамович поужинал раз в ресторане в Нью-Йорке за пятьдесят тысяч долларов! Живут же люди... Да... Ну чего заглядывать в чужой рот?

Гибнет заброшенное село, один за другим закрываются заводы по городам... Зато расцветает коррупция. А власть? Шумит о борьбе с коррупцией. Шуму до небес. «Борется». Так борется, что не дай Бог разбить коррупцию. Дума ж вроде приняла проект закона о коррупции. Такой закон, по которому ворюга судом лишался наворованного. А верхи этот проект закона отпихнули. Россия до сих пор не ратифицировала 20-ю статью антикоррупционной конвенции ООН, вводящую термин "незаконное обогащение". О чём тут ещё говорить?

И как результат такой «борьбы» – в Москве 78 миллиардеров! Больше, чем в Нью-Йорке и Лондоне, вместе взятых.

А ведь мир крепко борется с коррупцией. Кое-что не мешало бы и перенять. Вон взяточничество в Китае считается особо тяжким преступлением, за которое предусмотрено строгое наказание вплоть до смертной казни. Один китайский чиновник сел пожизненно за взятку в 5,8 миллиона долларов. На Ближнем Востоке, где действуют нормы шариата, коррупция приравнена к воровству. Обращаются с преступниками так, как предписывает Коран. К примеру, в Объединенных Арабских Эмиратах чиновникам, пойман-

ным при получении взятки, отрубаят руку.

Строгое наказание предусмотрено для кубинских чиновников, пойманных при получении взятки. Как и в Китае, на Острове Свободы коррупционеров ждёт смертная казнь через расстрел.

Необычным способом с коррупцией борются в Сингапуре. В этом городе-государстве действует «презумпция коррумпированности», согласно которой чиновник, подозреваемый во взяточничестве, считается виновным, пока он не сможет доказать обратное. В Сингапуре за ряд преступлений осуждённых приговаривают к побитию палками. За Сингапуром закрепилось прозвище «Диснейленд со смертной казнью».

Впрочем, бороться с нечистыми на руку чиновниками можно и цивилизованными методами. Это демонстрирует опыт Голландии, в стране с самым низким уровнем коррупции.

Добиться этого удалось слаженной работой антикоррупционной службы, сотрудники которой работают во всех государственных учреждениях. Кроме того чиновники получают дополнительные премии за профессиональную чистоплотность.

А в Гонконге победить коррупцию удалось благодаря прессе. Власти города дали журналистам допуск ко всем личным делам и документам чиновников. Это привело к волне публикаций, разоблачающих взяточников, и массовому воз-

буждению уголовных дел. Вскоре жители Гонконга поняли, что давать взятки стало небезопасно, и коррупция в городе сошла на нет.

А у нас...

Продавал человек мебель в магазине. И его «мобилизовали». В министры обороны всея Руси! По-хорошему, ему можно б доверить лишь торговлю в каком-нибудь овощном ларьке в воинской части. А он – сам министрюга Сердюков! В народе у него было прозвище Генерал Табуреткин! У Сердюкова не было никакого воинского звания. Не страшно? Как это – рядовой солдат правит генералами? Как управляет целым военным министерством? Это всё равно, что, скажем, крупным институтом управляет вахтёр. А тут целое министерство!

И этот рулевой превратил министерство в растащилровку. 117 миллиардов рублей использованы не по назначению. Каждый десятый бюджетный рубль военного министерства ушёл налево? Направо? Страшно, страшно. Ух и поусердствовали мошенницы – «амазонки Сердюкова»! А генералы у него летали на рыбалку аж на Сейшелы!

Конечно, Сердюкова из министров убрали.

А «хулиганства амазонок» чего стоили? У той же «бриллиантовой госпожи» Васильевой изъяли девятнадцать кило золота и платины, пятьдесят одну тысячу драгоценных камней на сумму в 136 миллионов.

Гособвинитель Вера Пашковская требовала для воруги сначала восемь лет колонии. А потом потребовала те же восемь, но условных. Клоунада! Будуарный роман! "Это смачный плевок в ёбщество!"

Восемь лет условно... Уму непостижимо! У меня сосед сдуру залез в ларёк, цапнул бутылку кислого вина на опохмелон. Получил пять лет нар!

Сердюков, Васильева, Лужков, Хорошавин... Этот Хорошавин, бывший сахалинский губернатор, имел золотую ручку за 36 миллионов... Хорош Хорошавин! А Аляску, которая впятеро больше Германии, Россия продала за 82,5 миллиона долларов. За две ручки?! Вот какие пляски вокруг Аляски. Эти чёрные асы что вытворяют... Сенатор от Ивановской области Валерий Васильев и супруга задекларировали 61 объект недвижимости, среди которых 14 жилых домов и четыре квартиры.

Ловить вроде этих «умельцев» и ловят, так не сажают с конфискацией наворованного имущества.

Почему бы не взять пример с Китая? Как писала 11 июля 2018 года «Литературная газета», «всею в КНР с 2000 года за коррупцию расстреляно более 10 тысяч чиновников». Конечно, с конфискацией всего личного имущества. Китайский лидер Си Цзиньпин «начал с того, что приказал родственникам прекратить коммерческую деятельность. А девизом его борьбы стало: «Бить не только мух, но и тигров». У нас хоть одного «серого носорога» шлёпнули? Что вы...

Боже упаси такие страхи...

По сведениям института комплексных стратегических исследований, сорок процентов продуктов Россия получает сейчас из-за рубежа. С 2000 года импорт продуктов вырос в шесть раз! По итогам 2013 года сумма продуктового импорта составила 43 миллиарда долларов. Какая стыдобища! Россия, царская Россия, которая сама кормила за границу, оказалась в такой смертельной западне. Зарубежные заклятые друзья могут раздавить Россию как разжиревшего от лени клопа одним ноготком мизинчика. Не надо никакой войны. Просто перестать кормить Россию – и её нет в живых! И разве не может такое произойти? А продукты какие шлют? Всё худшее – России! Поляки свои яблони ядохимикатами обрабатывают за сезон по тридцать раз! Это яблоки? Восковое говно!!! А железобетонные помидоры с Запада? Резиновые камни со вкусом травы неизвестной национальности! Наверное, год будут валяться, держа товарный вид. Мне кажется, они краснеют лишь за то, что сотворила с ними химия... А огурцы? А морковь? А петрушка, которую везут то ли из Бельгии, то ли из Израиля? Чеснок из Китая! Ведь всё это отличнейшего качества растёт у нас. Но! Своё побоку! Надо кормить чужаков. А на своих земледелов и заводских рабочих, оказавшихся не у дел, поскольку всё производство отдано за границе вплоть до дерьмовых сковородок из тефалля, наплевать с высокой кучи! Кормим за границу – своих

крестьян и рабочих гнобим в безработице и пьянке. Это государственный подход?

– Мда... Что тут возразишь?..

– А дела наши заграничные?.. Американский кровавый ставленник бандеро-фашистский батька, смотрящий Украины от США Потрошенко, он же Пётр Кровавый, он же Петро-брехло, в связке с ух отважистым картавым кроликом Сеней Яценюком (агентом Яц) готовы были вешать на Украине всякого, кто говорит по-русски. Зато в украинском правительстве, куда собраны фашистствующие шоши да ероши со всего мира, официально говорят по-русски. Правительству русский разрешён, а народу – запрещён. В Киеве на рынке бьют только за то, что ты хоть одно слово сказал русское. Да что рынок!? Киевская хунта развязала беспощадную гражданскую войну в Донецкой и Луганской областях, где в основном живут русские. Россия дала Украине помощи на сто миллиардов долларов. А что дали ей Штаты кроме холодных пирожков на Майдане майдавошкам? А что дал Евросоюз кроме унижительных посул? Экономическое соглашение он подписал с незалежной в 2014. А иметь с ней хоть какие-то дела не намерен до 2016. Это как тот жених: «Хоть я, Ганнуся, и расписался с тобой, но первый перипихнин с повторным ты, может, и получишь лишь через полтора года. Терпи. А пока подумаем, во что ж мы вляпались?»

И вашингтонский обком, и его марионетка Европа винят в украинских бедах Россию. Нас обложили санкциями, как

волка красными флажками.

«Америка готова воевать с Россией до последнего украинца». И разве уже не воюет?

И разве не настал час расплаты за наше разгильдяйство, за нашу лень, за наше раболепие перед Западом? Бросив на произвол судьбы своё сельское хозяйство и промышленность, мы, покупая чужую продукцию, льём воду на мельницу процветания зарубежья, кормим чужих рабочих, чужих крестьян, обрекая своих на нищенское прозябание. «Внутренний наш рынок на 85 процентов захвачен иностранцами. Россия импортирует всё – от металлорежущих станков и подержанных «боингов» до подслащенной воды и канцелярских скрепок, даже продовольствие – две трети». Морковку везут из Бельгии, картошку из Израиля... Уму непостижимо.

«Нас заграница накормит!» – мудряче брякнул юный кормчий Гайдарушко.

Боже, Боже...

Мы делаем умопомрачительное оружие, но запчасти к нему отдали делать за границе. И мы на мели. Какая ракета полетит хоть без одного болтика? Дави нас пьяные тараканы одной левой – мы беззащитны.

«Наша промышленность должна сама выпускать критически важное оборудование, компоненты».

Ельцин подложил Россию под Штаты и тем доволен?..

Обамовские санкции – это звонок сверху.

Очнись, Русь, от ельцинской дури!

Санкции – это гром. Гром грянул – русский мужик перекрестился. Вроде зашевелился. Надо поворачиваться к своему селу, к своим заводилкам... Вроде начали поворачиваться...

Северокорейцы так высказались: «Обама всегда предстаёт безрассудным в своих словах и поступках, как обезьяна в тропическом лесу». Хоть тexasский сенатор Тед Круз и называет Обаму котёнком, а Путина русским медведем, нам разве от этого легче? «Котёнок» оказался весьма дриступчим, а оттого угарно мечет санкционное дерьмо и мечет. И нет на него батюшки запора. И прежде всего сам уляпался – рейтинг ниже плинтуса. Отважисто добился-таки звания "худшего президента США после Второй мировой войны"... И как такое сложить в ум? Нобелевскую премию мира получил человек, который постоянно с кем-то воюет, везде он «защищает» как он уверяет, «правое дело истории». На американский лад двойных стандартов. Штаты – империя зла, глобальный, главный на земле террорист, кроваво творящий чёрте что, рыщет вечно в поисках кому б подпалить хвост, кому б вклеить фашистскую мочилровку. Штаты выписали себе индульгенцию высшей нации, никого не считают людьми. Даже марионеточную Европу они превращают в свои задворки. Страна, которая не пристраивается в кильватер США, объявляется её врагом. Жди переворота, хаоса. А не честней ли отдать Нобелевку на поддержание мира?.. А ты говоришь – купаться! Херовато наше кимоно... А какой ещё

сборной солянки плеснёт нам коварная госпожа Жизнь? Не понятна мне наша жуткая жизнь...

Какими словами мог я успокоить Валерия Павловича? Чем я мог его утешить? Могу лишь повторить...

Всю жизнь мечтал наш воробейка с крылышками влететь в Книгу рекордов Гиннеса. А злым ветром снесло его всего-то лишь пока... в партию власти.

Ну чем не кувыркомедия?

Он помолчал и уже с живинкой в голосе заговорил о прошлых своих днях:

– Я очень обрадовался, когда услышал в двенадцатом году про конец света. Ну как же! Этот конец решил бы все мои проблемы! И про женитьбу забудь! И про еду забудь! Про всё забудь! Главное мне теперь абы благородно дотянуть до 21.12.12. Перестал бегать искать приработка к своей горькой пенсии. Сижую жду конца... И весёлость меня ш-шакочет. Я ж загодя хватану пенсию за весь декабрюху. Денежки расхлопаю и никто с меня за целую декаду не потребует вернуть. Некому будет возвращать. И негде! То горевал. Теперь радуюсь. Хоть раз не надо возвращать долг.

Но вот отвалилось двадцать первое.

Заступает двадцать второе, ути-ути.

Гм... Гляжу в окно. Нигде никакого конца не видать.

Иль конец раздумал наступать? Иль этот конец где заклинило, прищемило дверью? Или он просто где задерживается?

Божечко мой! Неужели майя весь мир надули? Граждане вроде порядочные. А такого компота наварили. То, сё... И узнаю стороной. У этих мудрецов майя спеклась самая обычная нескладуха. Вроде никакого конца они никому не сулили. Просто выбежала производственная накладка. Пророчества свои майя писали на каменной стене. Стена кончилась. Не стало фронта работ. Новую скалу не завезли, не обеспечили им фронт работ. Не на чем стало писать. И запись оборвалась на 21.12.2012.

Но упёртые граждане майя не сдались. Они смело отложили конец света ещё на семь тысяч лет!

Ну совсем замукукали с этим несчастным концом!

Что, опять думай, как жить дальше?

Ну нового конца уж наверняка теперь не дожидаться!

Однако... Не сидеть же, сложив лапки на пупке. Надо ж что-то делать. Но что?

Может, в поисках лучшей доли сунуться за бугор? Мдаа... Там ведь не перевелись чумрики, которые уверены, что в России бродят по городам в обнимку пьяные медведи с двустволками на горбу да с «калашами». Не будем Запад убеждать. Была б охота время терять на туполобиков гейропейцев.

Как тут не подать доброе слово?..

«В мире международной политики Путин умело сочетает твёрдость и мягкость, являя образ ловкого политика, так сказать, «хорошо танцующего в одеянии с длинными рука-

вами».

Жующий жвачку то на похоронах Манделы, то на официальной церемонии в честь «Дня Д» – 70-й годовщины высадки войск союзников в Нормандии – майданутый санкциями «батрак Абрама» спроворил «цветную революцию» на Украине, а Крым из-под носа умахнула, вернула себе по референдуму Россияшка без единого выстрела.

Потрошенко – он же Порох и Кровавый Кондитер – в молитве просит Боженьку:

– Всемилостивый Боже! Помоги вернуть Крым.

И Боженька отвечает:

– Крым вы уже вернули. Теперь пора вернуть деньги.

Медным тазиком накрылся Абрамкин «крестовый поход против России». Чего добивается эта затычка к каждой бочке? Или дядяка с припёком? Чего он хочет? Вернуться на свою историческую родину – на пальму? Разве кто-то ему мешает? Или он жаждет пресловутой американской «правильной стороны истории» во всём мире?

Вот легализовал для всей Америки закон про однополые бяки¹⁷⁶ и разбежался эту бяку по всему миру насаждать. Президент Зимбабве 91-летний Роберт Мугабе заявил, что готов вступить в брак с Бараком Обамой. И «батрачок» прижух. Молчит.

Мда-а... Уж ка-ак горел борзой луканька уконтрапупить нас! Уж ка-ак всё подуськивал своих марионеточных евро-

¹⁷⁶ Однополые бяки – однополые браки.

чухариков... Так мы и испугались. Как же. Держи, майдаун, шире!

*Ты, новый век, не очень-то спеши
Наш русский дух развеять в злую полночь,
Не ровен час – все наша «калаши»
Со всей Земли придут к нам на помощь!¹⁷⁷*

Да мы и сами, без помощи со стороны, кому хошь мозги вправим. Не замай нас!

*«Мы мирные люди, творцы, но не боги,
И нас невозможно скрутить и связать.
Не злите Россию! Медведь из берлоги
Однажды выходит, чтоб всех растерзать».*

Я вот что думаю... Что мы вцепились в эту несчастную Землю, как вошь в кожу? Что, на ней свет клином сбежался? Учёные вон хорошенечко поискали в телескоп и надыбали в созвездии Лебедя планету-двойника Земли. Покрупней нашей дряхлуши старушонки Земли! Места хватит всем! Чего здесь лить кровушку за место под солнцем? Чего не рвануть на новую Землю?.. Всё б ничего, да лететь долговато... Ну расстояние какое! Пятсот световых лет от моих Двориков! Пока докачаешься туда, можешь и копылки отбросить. А жить-то когда? Надо искать чего поближе.

¹⁷⁷ Из стиха Анатолия Пшеничного «Не наше».

Скоро весна. А весна так манит всегда в дорогу.

Снова замелькал перед глазами Ноев ковчег.

Ну! Надо сходить! А чего?

Поживу ещё чуток у товарища Ноя!

Вечные колокола весны зовут в путь.

Так и подсекает ещё один, последний, рекордишко нари-
совать. Гиннессовский! Пешком от моих Синих Двориков до
Ноева ковчег!

Взойду я на вершину

и упаду на снег.

В горах армянских сгину,

но отыщу Ковчег.¹⁷⁸

Промежду прочим, «ковчег строил любитель, а «Тита-
ник» строили профессионалы». И чьё творенье живо до сих
пор? Тот-то ж!

По пути не забыть тормознуть в Грузии и от души недель-
ку пофестивалить¹⁷⁹ в Тифлисе.

И дальше в путь. К другу Ною!

Воистину, неисповедимы пути Господни...

«Мы, русские, какой восторг!»

10.7.1980 – 20.9.2018.

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые роман «Колокола весны, или Герой из книги ре-

¹⁷⁸ Стих Елены Широковой-Тамбовцевой.

¹⁷⁹ **Фестивалить** – веселиться.

кордов Гиннеса» опубликован в общероссийском литературном журнале «Подъём» (№ 3 за 2014 год).

В 2016 году роман «Колокола весны» выпустило московское издательство «Вече». Вот что писала 26 июля – 1 августа 2017 года «Литературная газета»:

«Роман «Колокола весны» – история жизни воронежского села и двух простых русских мужиков – Валерки и Гордея – написанная сочным разговорным языком. Колоритные персонажи, народная смекалка и лукавое остроумие – всё это – гимн русскому характеру. Недаром произведение заканчивается цитатой Александра Суворова: «Мы – русские, какой восторг!» – с похвалой отозвалась о моей прозе главная писательская газета России.

ТРИ РОМАНА

«Поленька», «Колокола весны», «Жених и невеста»... Эти романы составили «Избранное».

Этот однотомник получил добротную оценку в федеральной прессе.

Первым заметил книгу журнал «Новый мир» и рассказал о ней в шестом номере за 2018 год. Позже правительственная газета «Российская газета» поместила 10 апреля 2019 года вот эту рецензию.

«Избранное» для воронежцев

КНИЖНАЯ ПОЛКА

В Воронеже вышла в свет книга московского писателя Анатолия Санжаровского, прототипами рассказов которого стали жители черноземной глубинки. «Избранное» объединило под одной обложкой три произведения.

Открывается книга романом «Поленька». «Этот роман — гимн простой русской женщине, ее стойкости, мужеству и величю. Она вынесла нечеловеческие заполярные лесоработы, на которые семья была сослана из Воронежской области за то, что не вступила в колхоз», — пишет критик Александр Возовиков.

О трудной доле сельской трактористки автор повествует в романе «Жених и невеста». Пробразом главной героини была Герой Социалистическо-

го Труда, зятняя трактористка Зинаида Мелентьевна Молозина. Анатолий Санжаровский встречался с ней в селе Остриянка под Нижнедевицком (Воронежская область).

—Нижнедевицк— моя своеобразная литературная столица, — как-то в шутку сказал Анатолий Никифорович.

Но за этой шуткой кроется правда. Ведь все основные прообразы героев романов из «Избранного» родом из Нижнедевицка. Жители этого местечка стали прототипами героев и многих других сочинений Санжаровского. С некоторыми он долгое время поддерживал добрые отношения.

Весь тираж книги Анатолий Санжаровский безвозмездно передал своим землякам через библиотеки Воронежской области.

Ольга Сок, Воронеж

► СПРАВКА «РГ»

Анатолий Никифорович Санжаровский родился в 1938 году в селе Ковда Кандалакшского района Мурман-

ской области. Окончил факультет журналистики Ростовского госуниверситета. Работал в ряде районных газет Воронежской области, позже был редактором в ТАСС. Автор многих прозаических произведений, среди которых – романы «Оренбургский платок», «В Батум, к отцу», «Сибирская роза» и другие.

Развёрнутую аналитическую вот эту рецензию опубликовал на полполосы в федеральной газете «Сельская жизнь» молодой критик А.Возовиков.

НИЖНЕДЕВИЦКИЕ БЕРЕГА

*Анатолий
Санжаровский*

*Анатолій
Санжаровський*

ИЗБРАННОЕ

*Анатомий
Санжаровский*

ИЗБРАННОЕ

МЫ, РУССКИЕ, – УПЁРТЫЕ, ОКАЯННЫЕ ФЕНИКСЫ...

Анатолий Санжаровский

Избранное: Романы.

– Воронеж, «Научная книга», 2018. – 536 с.

Ещё в молодости Анатолий Санжаровский вдоль и поперёк излетал милый, родной Воронежский край, работая газетчиком.

Горек хлеб районного журналиста. В редакции обычно не было никакого транспорта. Пешком или на попутках добирались до нужного села. Назад – тем же ходом. С собой у него всегда был в кармане томик Алексея Кольцова. Молодой журналист читал его стихи полям, перелескам¹⁸⁰. Кольцов был прасолом, пас скот. Может, именно в этих местах и родились эти его стихи...

«Избранное» Анатолия Санжаровского открывается романом «Поленька». Этот роман – гимн простой русской женщине, её стойкости, мужеству и величию. Она вынесла нечеловеческие заполярные лесоработы, на которые семья была сослана из Воронежской области за то, что не вступила в кол-

¹⁸⁰ Через много лет А.Санжаровский написал роман «Поленька», публикуемый в этом однотомнике, и каждую главу сопровождал эпиграфом из сочинений великого поэта воронежца Алексея Кольцова.

хоз. Не сломали её и каторжные муки на корчѣвке лесов под чайные плантации в грузинском совхозе-колонии, куда этапировали семью с севера, где отбыла она пятилетний срок... Гибель мужа на фронте... Днём работа на плантации, вечерами копка окопов: семья жила в прифронтной полосе... Как говорит автор, «беды собирают человека в кучу». Всё вынесла русская женщина ради трёх сыновей.

Беды били Полю. Но она выстояла. Подросли сыновья.

Она могла скрасить свою личную жизнь. Но...

Закончилась война. Прямо с фронта к ней нагрянул Сергей, первая любовь. Поля собиралась за него замуж, да родители отдали за Никишу. Никиша погиб. Не смотря на то, что у Поли было трое сыновей, Сергей решил снова попытаться счастья.

Теперь Поля была против:

– Родного батьку ты им не заменишь. Я изжила свою жизнь до пепла. Я вся в своих хлопцах... Заради них и качаю беду-нуждоньку. Бедность производит людей из детей. Трудно, но складно пока всё бежит у моих сынов... Хорошо учатся, летом старательно работают на плантации...

Роману «Колокола весны, или Герой из книги рекордов Гиннеса Анатолий Санжаровский предпослал такой свой эпиграф:

«Мы, русские, – упёртые, окаянные Фениксы. Как судьба нас ни бей, как ни топчи в своей ступе, как ни жги, мы всё же наскребаем в себе сил и, небрежно смахнув с себя ещё

обжигающий пепел, поднимаемся-таки и бежим вперед".

И к чему бежим?

Главный герой романа, сорокалетний Валерка, бежал к книге рекордов Гиннеса. Поставил себе цель на всю жизнь – попасть в эту книгу. Какие только «подвиги» он и не выдавал на-гора!

К 50-летию Победы над Германией поднял вес в 1418 центнеров за 17725 раз.

Выточил он, токарь райсельхозхимии, на своём станке за час 1418 шайб для автомобилей.

Вскапывал огород на скорость.

За один час восьмикилограммовыми гантелями выжал 1418 пудов.

В Воронеже, в досаафовском дворце подводного спорта, без остановки проплыл при комиссии десять километров за восемь часов. Двести раз перемахнул бассейн! Плыл стоя, работал одними ножками. В руках же держал плакат «50 лет Победы»!

Рванул наш «герой» рекорд имени дорогого товарища Гиннеса!

– Да пока рановато так разоряться, – говорит Валерий. – Материалы все отправил в ту Книгу рекордов... Молчат... Конечно, молчание тоже ответ. Но пока неполный.

Проходят десятилетия. Валерий знай печёт свои новые рекорды к красным датам один «чудней» другого.

«– Понимаю, – сознаётся старик, – пора б бросить эту

безнадёгу. А не могу. Дело всей жизни как кинешь? Всю же жизнь горел желанием влететь в Книгу рекордов Гиннесса. Всё княжит-воеводит мной такая Мечта... Всё надеюсь. Как же без надежды? Надежда крикает¹⁸¹ последней... Я завалил их бумагами со своими рекордами. Они и не знают, что со мной делать. Говорят, у них ещё нет номинаций, под которые можно было бы подпихнуть мои «подвиги». Думают над своими номинациями...»

Старается старик из последних сил... Впору хоть заноси его в эту Книгу рекордов лишь за те гигантские старания, которые он в надрыве прилагает, чтобы всё-таки хоть боком вжиться в неё», – с горькой иронией заключает автор.

Роман «Жених и невеста» повествует о трудной доле сельской трактористки. Прообразом её была Герой Социалистического труда, знатная трактористка Зинаида Мелентьевна Молозина. Анатолий Санжаровский встречался с нею на её поле. Потом появился его очерк «Поле-полюшко...» в столичном журнале "Сельский механизатор" (№ 11 за 1977 год). И именно на поле Молозиной у Санжаровского родилась мысль написать художественный роман о русских женщинах-механизаторах.

Свою главную книжную героиню он лепил с доброго десятка сельских воронежских трактористок. В роман вошли и многие факты из жизни Зинаиды Мелентьевны. Основные события в романе происходят именно в её родном хуторке

¹⁸¹ **Крякать** (здесь) – умирать.

Дмитриевском близ Острянки. Улицу в Дмитриевском, на которой жила Зинаида Мелентьевна, назвали после смерти её именем, на её доме появилась мемориальная доска. А в райцентре Нижнедевицке ещё при жизни Молозиной установили необычный памятник – старенький, отслуживший своё трактор «Универсал-2». На нём когда-то работала знатная трактористка.

В начале писательского пути Анатолия Санжаровского поддержал знаменитый воронежец, земляк, лауреат Ленинской премии, один из руководителей Союза писателей страны Егор Александрович Исаев. Написал к «Жениху и невесте» доброе предисловие-напутствие.

Районное село Нижнедевицк, воронежская глубинка...

– Нижнедевицк моя своеобразная литературная столица, – как-то в шутку обронил Анатолий Никифорович.

Но за шуткой кроется правда. Ведь все основные прообразы героев романов из «Избранного» родом из Нижнедевицка. Жители этого местечка стали прототипами героев и многих других сочинений Санжаровского. С некоторыми он долгое время поддерживал добрые отношения. В Нижнедевицке он был свой человек. Здесь жили его мама Пелагия Михайловна, любимый брат Григорий. Они умерли, похоронены в Нижнедевицке. Долгое время он каждый год приезжал к ним из Москвы. Помогал родным вскопать огород, убрать картошку, отремонтировать погреб, сарай... Не забы-

вал и о своих литературных хлопотах. Бывал в окрестных сёлах, встречался с интересными людьми, писал о них очерки для московских журналов и газет. Эти очерки становились потом фактурой для будущих повестей, романов. Так что в Нижнедевицке он – его воронежским корням не одна сотня лет – жил среди героев своих будущих книг.

Однотомник «Избранное» вышел при финансовом содействии Администрации Воронежской области, поддерживающей программу «Духовное возрождение Чернозёмного края».

Весь тираж книги Анатолий Санжаровский безвозмездно передал своим землякам через районные и городские библиотеки Воронежской области.

Александр ВОЗОВИКОВ

(Федеральная газета «Сельская жизнь» за 16 мая 2019 года.)